

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ
1998

литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Василий КОРОБКОВ.
«Когда мы на Руси
построим рай?» -
русский стихотворный
цикл.

Абдулла ГАРИПОВ.
Повесть-воспоминание
контразведчика-
димитровградца.

Сергей СЛЮНЯЕВ.
Из истории
мелекесской
литературы за два века.

Только в редакции журнала «Черемшан»!

Всем желающим оценить, подготовить и издать рукописи своих произведений предоставляем возможность:

- рецензирования Вашей рукописи членами Союза писателей России;
- редактуры произведения на профессиональном уровне;
- компьютерного набора, верстки и корректуры рукописи;
- художественного и технического оформления будущей книги;
- издания в фирменном стиле книг, брошюр, буклетов;
- литературной обработки, написания рекламных текстов, приветствий для юбиляров, листовок, докладов, эпитафий.

Предоставляем услуги:

- книжной лавки писателей;
- по составлению социолого-аналитических справок, прогнозов, моделированию выборных кампаний;
- по литературной обработке и подготовке дипломных и кандидатских научных статей;
- по оценке антикварных и букинистических предметов, рукописей, архивных материалов, фотографий, живописных работ, открыток и плакатов XIX и первой половины XX веков, организации аукционов.

Обращаться:
г.Димитровград,
ул.Юнг Северного флота, 107,
2-й этаж.
Телефон 3-11-50.

ЧЕРЕМШАНИ

ноябрь-декабрь

1998

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОДАД

"МЕЛЕКСОО"

В НОМЕРЕ:

Альбина Петрова. «Николай Иванович Марков - почетный гражданин Димитровград». Очерк. 4

Иван Лебедев. «Безваряжье». Поэма. 10

Александр Никонов. «Побег». Повесть (журнальный вариант). 17

Василий Коробков. «В душе запряжаны обиды». Цикл стихотворений. 42

Евгений Ларин. «Лицом к лицу». Документальная повесть. 50

Валерий Гордеев. «Абдулла Гарипов - жизнь явная и тайная». Заметки. 65

Абдулла Гарипов. «Возвращение». Повесть. 72

Детский уголок. **Ирина Беликова.** «О хлебе чудесном». 95

Сергей Слюняев. «Мелекесская литература».

Опыт научно-вспомогательного указателя. 107

Наши авторы. 159

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Рекламодателям,
претендующим на
площадь в журнале
не менее, чем в
шести номерах,
предоставляется
скидка в размере
30%.**

Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.

В выпуске принимали участие:

Компьютерный дизайн: Т.Царева.

Техническое оформление: А.Ефремов.

© «Черемшан» 1998

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 18.12.98. Подписано в печать 24.01.99. Формат 60х90/
16. Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 354

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Альбина ПЕТРОВА

Николай Иванович Марков - почетный гражданин Димитровграда

16 декабря исполнилось 104 года со дня рождения Н.И.Маркова (1894-1986г.г.) - основателя и первого директора Димитровградского городского краеведческого музея - почетного гражданина города.

Я предлагаю вам, уважаемые читатели, некоторые страницы его жизни, составленные по биографическим материалам, бережно хранящимся в музее.

Николай Иванович Марков родился в крестьянской семье с.Бестужевка Сызранского уезда Симбирской губернии, в пять лет остался без матери. Самые теплые воспоминания детства связаны с дедом, бабушкой. Бывшие крепостные, неграмотные, но с чувством собственного достоинства, большие труженики, они внушали маленькому Николаю, что трудолюбие, самостоятельность, честность, ответственность и стремление к познанию - главные качества человека. В начале XX века семья Марковых переехала в Пензу, где отец устроился кондуктором на железной дороге. Там Николай получил начальное образование, поступил в Пензенское землемерное училище, которое успешно закончил в 1917 году, получив специальность землемера-таксатора. Начинающего специалиста направили трудиться в Самарский губернский земельный отдел в то время, когда губернию, как и всю Россию, терзали революция, гражданская война, разруха, тиф, а в 1921 году прибавился страшный голод.

В биографическом очерке Марков вспоминал, как по заданию

*На снимке Н.И.Марков (в центре)
беседует с жителями города*

губземотдела он доставил из Сибири для голодающих волжан 1105 пудов хлеба, сам заразился сыпняком, еле живой добрался, но хлеб сумел вывезти по назначению. В том же году Николай Иванович был назначен землемером-землеустроителем в Мелекесский уездный земельный отдел.

В связи с «великими земельными преобразованиями», закрепленными Декретом о земле, конфискованные у помещиков, буржуазии, монастырей, царской фамилии земли были переданы в распоряжение волостных и уездных земельных отделов при Советах крестьянских депутатов. Новым переделом земель на практике занимались землемеры-землеустроители. Они вели проектно-изыскательские и обследовательские работы, решали проблемы границ, мелко- и многополосиц, чересполосиц, дальнотелье и др., нарезали земли для ТОЗов, совхозов, колхозов, оформляли документы на право пользования землей.

В личном архиве сохранились «Заметки землемера», написанные им в 1926 году. «Землеустроитель по тем заданиям, которые возлагаются на него, является одним из главных винтиков, одним из главных рычагов машины нашей республики», - писал он. «...Если мы попробуем провести параллель между работами любой специальности и землемера, то вряд ли сумеем найти такие лишения, какие несет землеустроитель. Этот работник русской земли мужественно борется, страдает, побеждает и, не задумываясь, кладет все лучшие силы, здоровье на создание новой деревенской жизни. Отдавая все лучшее, землеустроитель в то же время находится в напряженной обстановке расползающейся

деревни, вечно скитаясь, ненормально питаюсь, лишенный необходимых удобств, медицинской помощи. Он оторван от семьи, а семья не может прожить на чересчур скромные 48-55 руб. землемерного жалования...»

Марков и его коллеги понимали, что Россия крайне нуждается в аграрных преобразованиях, верили, что воплощение в жизнь Декрета о земле восстановит и укрепит разоренное до основания крестьянское хозяйство, верили, что их безупречное отношение к работе, несмотря на лишения и тяготы, поможет крестьянину встать на ноги.

45 лет жизни Н.И. Марков работал на земле. Вдоль и поперек он исколесил поля левобережья Волги. В 1930 г., когда был дан клич: «Землемеры, на лыжи!», он всю зиму бороздил по заснеженным полям, нарезал земли совхозу им. Крупской и другим коллективным хозяйствам.

Всего землеустроительных работ Марков выполнил на 900 тыс. гектарах. На страницах печати, в беседах с крестьянами он вел широкую пропаганду грамотного, культурного отношения к земле. По его инициативе и под его руководством в 30-40-е годы был проведен огромный объем лесомелиоративных работ, в том числе в бассейне речки Большой Авраль сооружена оросительная система на площади 300 га. С этих земель в 1936-1940 годах снимали рекордные урожаи зерна и овощей. Были посажены лесозащитные полосы на 216 гектарах, они и сейчас исправно выполняют свои функции в левобережье Черемшана на территории нынешних Мелекесского и Ново-Малыклинского районов. Было сооружено 34 буровых колодца, заложен районный лесопитомник, и только в районе Лесной горки рассажено более 4 тыс. сосенок.

Много труда Николай Иванович вложил в дело пропаганды озеленения, развития садоводства и цветоводства города Мелекесса. Он был из тех энтузиастов, кто рассаживал первые бульвары на центральных улицах города, кто закладывал летний сад на месте разрушенной Свято-Никольской церкви. На небольшом земельном участке при своем доме по ул. Самарской он первым из садоводов города культивировал разные сорта винограда, колдовал над особенными сортами яблонь, рассаживал цветы, из коих только георгинов было 19 разновидностей.

Есть старинное изречение: «Кто срубит дерево, того проклянут потомки, кто посадит дерево, того благословят потомки». Благословенен Н.И. Марков на долгие годы за любовь к земле, за уважительный труд на ней.

Жизнь Николая Ивановича никогда не ограничивалась основной работой, он был активным общественником: многократно избирался депутатом Мелекесского районного совета, был членом исполкома, вел большую профсоюзную деятельность, являлся активным корреспондентом городской и районной газет.

Когда Маркову исполнилось 60 лет, он не ушел на пенсию. «Зачем идти на отдых, когда еще чувствуешь в себе силы и можешь еще приносить пользу», - говорил он и лишь в 67 лет простился с работой, которой отдал почти полвека жизни. На руках пенсионное удостоверение, впереди заслуженный отдых, но не долго он длился.

В 1963 году исполком городского Совета обратился к Маркову с предложением взять на себя организацию городского краеведческого музея на общественных началах и руководство им. Выбор был не случаен, т.к. всем были известны высочайшая ответственность и исполнительность Николая Ивановича и его деловые качества. И еще одно немаловажное обстоятельство было тому причиной.

Еще в 20-е годы молодого Маркова судьба свела с семьей ветеринарного врача С.Г. Дырченкова (1875-1962). Степан Григорьевич - личность яркая, оригинальная, крупный специалист левобережья Волги в области ветеринарии, высокообразованный и остроумный человек, знаток и любитель музыки, страстный краевед-любитель. Он составил первую летопись города, собрал немалую коллекцию по истории Мелекесса. Дочь С.Г. Дырченкова Евгения Степановна стала женой Маркова, верной подругой, любящей, понимающей, прощающей его хроническую занятость, помогающей ему на протяжении всей 64-летней совместной жизни. А от тестя в жизнь Николая Ивановича пришло увлечение краеведением, которому суждено было перерасти в большую целеустремленную работу по воссозданию полной биографии города.

Конечно, были колебания, сомнения, даже неуверенность в своих силах: ведь лет уже 70, и дело совсем незнакомое, и начинать его придется с нуля, но в память о Дырченкове, который так много сил положил на создание музея и не дожил до того дня, когда, наконец, городская власть «созрела», и, понимая, что музей нужен горожанам, - дал согласие.

И началось... Сначала сплошная проза: найти помещение, деньги, оборудование. Впоследствии, проработав 13 лет, Николай Иванович напишет историю создания своего детища, озаглавив так: «Тернистый путь краеведческого музея». Он писал: «Если бы не моральная и материальная поддержка отзывчивых людей в

тяжелые минуты, то вряд ли можно было рассчитывать на открытие музея».

Первые деньги на счет музея поступили от Мелекесского райисполкома, председателем которого в то время был П.И.Малолетков, изыскал средства городской внештатный отдел культуры, которым бесплатно руководила Е.Я.Анучина-Касевич. Позже будут приходить денежные переводы и скромные, и побольше со всех концов страны от мелекессцев, узнавших о становлении музея в их родном городе.

Помещение Марков нашел сам: три небольшие комнаты площадью 41,5 кв.м, затерявшиеся в огромном административном здании, ныне разрушенном. Для оборудования экспозиционных стендов использовал старую списанную мебель советских учреждений. Основой первой экспозиции музея послужила коллекция С.Г.Дырченкова, а в небольшом разделе «Природа нашего края» были представлены чучела животных, птиц, которые Марков выпросил у дирекции Мелекесского леспромхоза и в городском отделении Общества охраны природы.

Торжественное открытие музея состоялось 12 марта 1964 года. И был-то новорожденный музей и мал еще, и беден, но желающих ознакомиться с ним было так много, что в коридоре, на верхней лестнице стояли люди, дожидаясь своей очереди, и просили впереди стоящих не задерживаться, дать возможность посмотреть другим.

С этого времени Николай Иванович не только директор, но и экскурсовод, экспозиционер, собиратель памяти, пропагандист, кассир и уборщик, и все он успевал делать, несмотря на то, что шел восьмой десяток его жизни, и делал это бесплатно - ведь музей на общественных началах, зарплаты не положено. А пенсия куда как скромна: на двоих с Евгенией Степановной 62 рубля 38 копеек. Как-то так получилось, что всю жизнь Николай Иванович работал с максимальной и плодотворной отдачей своих сил, а материальное вознаграждение, а затем пенсию получал такие, что каждая копейка была на счету в очень скромном семейном бюджете, и так до конца жизни.

Ну, а музей рос, набирался сил, приобретал авторитет. Вместе с ним накапливал опыт музейной работы Н.И.Марков. За 13 лет работы он собрал уникальную коллекцию, в том числе богатый материал по теме «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.», предметы быта, орудия труда, монеты, награды, бумажные денежные знаки разных времен и т.д.

Лебединой песней в музейной биографии Маркова стали два события, ознаменовавшие новый этап истории его детища. В

январе 1977 г. городской музей на общественных началах получил статус государственного и стал первым филиалом Ульяновского областного краеведческого музея. А 8 сентября 1978 г. состоялось торжественное открытие экспозиции в старинном красивом здании, что на улице М.Прониной, 21. Наконец-то свершилось то, чего Николай Иванович добивался многие годы.

Ныне музей - неотъемлемая часть культурной жизни города, центр по изучению, сбору, хранению и пропаганде истории нашего края. В его 9 залах на площади 600 кв.м размещена экспозиция, представленная двумя отделами: природы и историческим. В выставочном зале действуют передвижные выставки из фондов городского и других музеев страны. То, что в год его посещают около 30 тыс. горожан и гостей, свидетельствует о популярности музея, о непреходящем интересе к краеведению, о большой значимости дела, в которое так много души и сердца вложил Н.И.Марков.

Вот фрагмент одной из записей в Книге отзывов: «В первый раз посетила музей, когда была ребенком. Сегодня пришла со своими детьми». 12 марта 1999 года Димитровградскому городскому краеведческому музею исполнится 35 лет.

Если самоотверженный, бескорыстный, вдохновенный труд Н.И.Маркова не отмечен по достоинству материально, то награда за свою долгую жизнь он получил великое множество: грамоты, дипломы, медали - их не счесть. В знак особого уважения и признания его заслуг в 1974 году на сессии городского Совета Николаю Ивановичу Маркову присвоено звание почетный гражданин Димитровграда. Но самая главная награда Николаю Ивановичу Маркову за оставленное им прекрасное наследие - это долгая добрая память благодарных потомков.

**Иван
ЛЕБЕДЕВ**

БЕЗВАРЯЖЬЕ

Поэма

**«Вся земля наша велика и обильна, а наряда
(порядка) в ней нет».
Нестор, Летопись, стр.8**

**1.
Мне однажды ночью зыбкой
Дед рассказывал с улыбкой
То ли сказку, то ли был
О веках, одетых в пыль.**

**Мол, страны моей природа
Для российского народа
Будто Богом создана
И навеки отдана.**

**Со всего земного шара
На бесценность чудо-дара,
Чтоб душой не оскудеть,
Приезжали поглядеть.**

**Сердце каждого, бывало,
От восторга замирало.
И кружилась голова,
Как от доброго вина.**

**Ведь нигде всего такого
Не отыщется земного -
В недрах-кладезах земли
Все богатства залегли.**

**Громоздился клад на кладе,
Как и капель в водопаде,
Было их не сосчитать,
Или хоть предполагать.**

**В водах было всякой рыбы,
Плавали моржи, как глыбы,
И каланов чудный мех
На волнах искрился тех.**

**Корабли порой вставляли -
Плыть киты им не давали.
На десятки миль тогда
Ими пенилась вода.**

**Даже Стеллера коровы
Мягь прибрежные покровы,
Под гагар беспечный гам
Плыли к нашим берегам.**

**Где, как рдяные туманы,
Вольны птичьи караваны
Застилали часто вмиг
Солнца бесподобный лик.**

**А под ними даль без края,
Весь простор земного рая.
Если кто б и захотел,
То его не облетел.**

**Было все у нас без меры,
Словно в церкви божьей веры.
Край ничем не обделен -
Весь набор природных зон.**

**Субтропическое взморье,
Тундры скудное безгорье,
Даль степей, пески пустынь,
Льда синеющая стынь.**

*В этих зонах, всем известно,
Было столько повсеместно
Разных видов птиц, зверья,
Как в болотах комарья.*

*Зубры, туры и куницы,
Чернобурые лисицы,
И песцы, и соболя
Населяли лес, поля.*

*Толк в охоте понимали,
Но в добыче меру знали.
Предки, чтоб мы жить смогли,
То добро нам берегли.*

*Медом, мхом и пенькою,
Дичью всякою такою
За кордонами земли
Небывалый торг вели.*

*Честь тогда беречь умели,
За Руси добро радели.
За него душой горя,
Не транжирили зазря.*

*А как с ярмарк приезжали,
То всегда ответ держали
Здесь под сводами церквей
Перед совестью своей.*

2.

*Лгал, наверно, дед безбожно,
Быть такому невозможно.
Наяву, а не во сне,
Видится иное мне.*

*Зло ль пришло добру на смену:
Разграбления систему
Разработал в этот век
Современный человек?*

*Лес от вырубок реддеет,
Водоем любой мелдеет.
Голубых не стало вод,
Смог туманит небосвод.*

**Сквозь полярное сиянье
На торосов изваянье
Солнца падают лучи,
Словно острые мечи.**

**Губим все без сожаленья,
И природе нет спасенья.
Лишь она одна скорбит,
Что озона щит пробит.**

**Может, жизнь другою стала
Только в странах капитала?
Так ведь мы в краю своем
Хуже их опять живем.**

**Может, люди те и были.
Мы заветы их забыли,
Как за праздничным столом
Не жалеем о былом.**

**Угнетенья сбросив муки,
Взяв наследство предков в руки,
С Октября из года в год
Все беднеет наш народ.**

**Много здесь того не стало,
Что мой дед видал, бывало,
Ускоряя жизни бег,
Стал огорчен человек.**

**У костра - наживы млея,
Мать-природу не жалея,
Он, ее не слыша стон,
Грабит, рвет со всех сторон.**

**Браконьерство было тоже,
Но такого раньше все же
Не было неистовства,
Разоренья, воровства.**

**Наши дивные просторы
Разоряем, словно воры,
Каждый думая о том,
Что один, мол, раз живем.**

3.

**Что когда-то в недрах скрытых,
Словно в сундуках закрытых,
Было нам с лихвой дано,
Разбазарили давно.**

**На полях - не изумруды,
Удобрений горьких груды
Бесхозяйственно лежат.
Здесь ничем не дорожат.**

**Их дожди смывают в воды
Рек, отравленных за годы.
Столько лет от них теперь
Гибнет рыба, гибнет зверь.**

**Чистота всего Байкала
Звездным светом отсверкала.
В темный смог он облачен,
На погибель обречен.**

**Наши фабрики, заводы
Отравляют сбросом воды.
Разве был таким Урал?
Обезводили Арал.**

**Даже Волга побурела,
Красота вся как сгорела.
А ведь не было милей,
Краше наших Жигулей.**

4.

**Бесхозяйственные власти
Привели к такой напасти
Наш технический прогресс,
Как Чернобыля АЭС.**

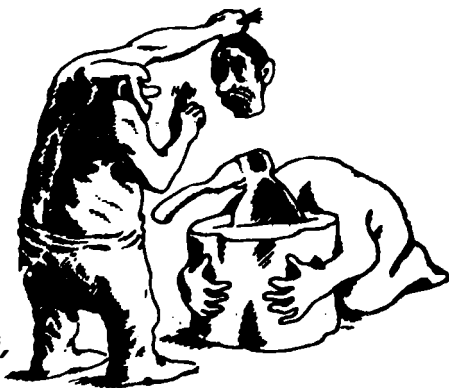
**В людях нравственность убили,
Лень, безверье породили.
Вырвать эти корни зла
Перестройка не смогла.**

**Потому что власти эти
Все ссылаются, как дети,
Друг на друга каждый раз.
Там в Кремле им не до нас.**

**Но мы тоже сук тот рубим
И себя бесцельно губим.
Все кого-то мы виним,
На себя не поглядим.**

**Ведь без ведомой причины
Залезаем вглубь пучины.
Даже наши старики -
Рыбаки да грибники.**

**Если, где мы побывали,
За собой «след» оставляли:
Хочешь - падай, хочешь - стой,
Как Мамай прошел войной.**

**5.
И такое сплошь и рядом.
Стоит лишь окинуть взглядом
Местность, сами где живем,
Вандализм такой найдем.**

**С каждым днем в стране жизнь хуже,
И петля ее все туже.
К безысходности идем -
Так чего же мы все ждем?**

**И когда покой нам будет,
Боль тревог народ забудет?
Иль, дела чтоб улучшать,
Вновь варягов приглашать?**

**Нет! Мы славились умами
И великими делами.
Так что здесь, в краях своих,
Обойдемся и без них.**

**Чтобы все иным здесь стало,
Надо сделать нам немало.
Смыть с души безверья смог
Не поможет даже Бог.**

**На хорошее в надежде
Будем жить в стране, как прежде.
Весь душевный недород
Победит тогда народ.**

***Вновь пойдем путем заветным.
И сокровищам несметным,
Жизни гибнуть не дадим,
Все бывшее возродим.***

***И тогда богатства эти
Хоть увидят наши дети.
И пусть верят или нет,
В то, что сказывал мне дед.***

Александр НИКОНОВ

ПОБЕГ

Повесть

(журнальный вариант)

12.

Балабин долго стучал в толстые тесовые ворота, но в доме будто вымерли: не гоношилась скотина, не брехала собака, не колыхались белые занавески на окнах. Егоров с Коноровым спрятались метрах в четырехстах от дома за свежей копной сена, ошавевшие от тяжелой дневной духоты, голода и запашистого сена. Коноров лежал, запрокинувшись к небу и разбросав жилистые руки; рядом с ним валялась торба. Егоров наблюдал за домом.

- Ну, чего там? - шепотом спросил Коноров.

- Не знаю. Видать, дома никого.

Восточный край неба все больше и больше заплывал густым синяком. Затем темнота залила середину, а вскоре и весь западный окраек неба засветлел звездами.

Сшибая сапогами головки клевера, прибежал Балабин. Упал рядом с Коноровым, удушливо прохрипел:

- Все, начальнички, придется складываться здесь. Похавать есть что? Ну, давай, давай, Коноров, не жались, жратвы еще достанем.

Егоров приложил палец к губам, словно его могли увидеть в темноте, и уж потом зашипел:

- Ти-хо. Идет кто-то.

Все трое вытянули шеи. По улице шли две тени: женщина и рядом с ней, судя по росту, подросток лет двенадцати-тринадцати.

Они подошли к калитке и остановились. Женщина пошарила рукой справа от себя и вытащила что-то белое. Они догадались - почта. Затем женщина наклонилась к подростку, что-то ему сказала и они вместе вошли в дом. Скоро в избе вспыхнул яркий электрический огонь, и по занавеске поплыли тени.

- Она? - спросил Коноров.

- Похоже, - ответил Балабин, гоняя во рту пересохший от страха язык. - Только откуда у нее ублюдок? Может, кто в гости приехал, а? Ну ладно, разберемся. Пошли.

Когда вошли во двор, Балабин тихо приказал:

- Ждите здесь.

Постучал накладкой о пробой. Из дома приглушенный женский голос спросил:

- Кто там?

Балабин не ответил, постучал еще раз, условно. Изнутри откинулся крючок, и Балабин вошел в избу. Хозяйка, женщина лет сорока, стояла босая, в легком бело-розовом платье. В дальнем углу, за столом сидела девочка и со страхом смотрела на вошедшего. Балабин осклабился:

- Ну, здравствуй, Шмонка.

Женщина вздрогнула, но промолчала. Долго вглядывалась в небритое лицо, потом глаза ее как-то сверкнули, и она неуверенно спросила:

- Рыж?

- Что, не ждала? - с издевкой спросил Балабин. - А я ведь говорил тебе, помнишь, что Федька Рыж и с того света подымется, а к тебе, ласточке, придет. Говорил? Говорил. Вот и пришел.

Вдруг раздался высокий девчоночий голос:

- Я боюсь, тетя Поля! Гоните его! Он убьет нас! Прогоните, прогоните! Мне страшно!

Полина подошла к ней, прижала ее голову к груди и успокаивающе зашептала:

- Ну что ты, Верочка. Это знакомый мой, старый знакомый, я его давно знаю, он тебя не обидит. Ну успокойся, Верочка, будь умницей. Никто тебя не тронет. Не бойся, дурочка, фашисты далеко, где им до нас добраться. Давай-ка, ложись спать. Вот сюда, на кроватьку. Успокойся. Вот хорошо...

Поправив на ней одеяло, Полина подошла к Рыжу и шепотом спросила:

- Ты чего сюда пришел? Хвост из легавых за собой тащишь? Мне это ни к чему. Я давно чистой хожу, понял?

- Что так неласково? - с угрозой спросил Балабин, но увидев вспыхнувшее в ее глазах бешенство, спокойно и даже с жалью в

голосе попросил: - Приюти, Полина, только на одну ночь. Сама понимаешь.

- Опять в бега подался, - сурово оборвала она его. - Ну, ладно, тогда ты от властей бегал, а теперь от кого? Ведь война, Рыж, немцы у самой Москвы...

- Ишь ты! Аж у самой Москвы. - У Балабина насмешливо и вместе с тем торжествующе блеснули глаза. - Вот прут, в рот их... - Он грязно выругался. - Значит, скоро хана товарищам советским начальничкам.

- Заткнись, Рыж! Чему радуешься? Горю народному радуешься? Значит, ты совсем скотина. Не скачи, не скачи! А то вот тебе бог, а вот порог! Я тебя, Федька, насквозь вижу, не зря с тобой три года проспала, пока ты меня Платоше, этой скотине, не сплавил. Уж узнала, изучила. Не к немцу ли собрался? - неожиданно спросила она.

Балабин вскочил со скамьи, на которой сидел.

- Ты что, трехло, ополоумела! Говори да не заговаривайся!

Полина насмешливо посмотрела на него.

- Не стражай, Рыж, я такого навиделась, что выше и некуда. Я с десяти лет без родителей, четыре года в беспризорстве жила да с такими, как ты, остаток провалялась по постелям. Уж куда хуже! Нет хуже меня. А вышла я из лагеря, власть и работу мне дала, и домишко вот этот. И я другой стала. Да, да, Рыж, не склабься. Учти, к старому возврата больше не будет, хана.

- Ну ладно, поговорили. Так как с ночевкой? Там еще двое. - Балабин кивнул за дверь.

- Ты никогда один не бегал, Рыж, потому что трус. Ладно, проспите ночь на сеновале, а утром сматывайтесь, куда хотите.

- Накормишь, что ли?

- Ладно, зови. Только чтоб тихо. - Она показала глазами на девочку. Когда Балабин собрался выходить, спросила:

- Ты как меня нашел?

- Цыгана помнишь? Так вот, до того, как меня взяли, он адресок твой подбросил. Да не успел тебя навестить, моя ласточка. А теперь вот пригодился.

13.

Они вошли все трое: обросшие, грязные, с ввалившимися, усталыми глазами. Полина оглядела их с головы до ног и сказала:

- Вот что, беглецы, радости от вас у меня никакой, но помыться вам надо. Я сейчас воды согрею, а вы ступайте пока в баньку, раздевайтесь. Банька на задах, как выйдете и через хлев в дверь.

Егоров с Коноровым тревожно переглянулись, но Балабин подтолкнул их к выходу.

- Пошли, начальнички в «сандуны», посмотрю там на вас в живом виде, ха-ха-ха.

Разморенные горячим купанием, осоловевшие и чистые, они сидели за столом, уминали настоящие, настоянные на печном духу, щи и пили чай с вареньем. Балабин вошел в роль хозяина и время от времени ласково бросал Полине:

- Добавочки бы, Поля. Еще бы чайку. Налегай, налегай, братва, когда еще такая шамовка будет.

Коноров изредка вглядывался в Полину и все гадал, на кого она так похожа. Он почему-то думал, что эта женщина с приятными губами и хорошей улыбкой не может сделать ничего плохого, потому что у нее была улыбка его Нюры. Из забытья его вывел голос Егорова:

- Одна живете, Поля?

- Теперь и не одна. Вон девочка у меня появилась, Верочка. - Она опять легко улыбнулась, а потом вздохнула: - С запада она, эвакуированная. Сегодня вон опять привезли. Ужас какой-то! Верочка вторую неделю у меня живет, хлебнула девчонка горяшка. Всех родных у нее поубивали: и мать, и братика, и бабушку. Говорит, что отец где-то на фронте, а где его сейчас найдешь...

- Как же это случилось? - спросил Коноров.

- Да как, обыкновенно. Летчики колонну обстреляли.

Егоров внезапно грохнул кулаком по столу, звякнула посуда, все враз замолчали. Полина испуганно взглянула на спящую, потом облегченно сказала:

- Спит, видать, умаялась. Ведь я на работу ее беру. Боится одна оставаться, все ей немцы мерещатся.

Егоров поднялся.

- Извините, хозяйushка, я думал, что вы работаете во вторую смену.

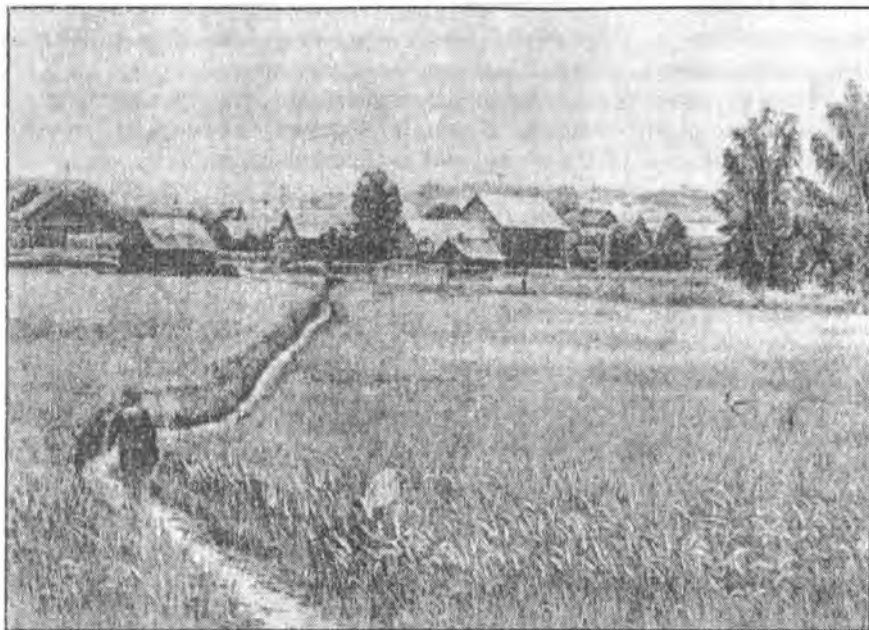
Полина вздохнула:

- Какие сейчас смены, все с утра до ночи работают. Все для фронта, все для победы, как пишут на лозунгах. Так что одна у нас смена - бессменная.

- Извините, не знал, - снова сказал Егоров.

- Да чего там, спать идите на сеновал. Скотину я не держу, но сенцо подкашиваю, иной раз самой хочется на нем поваляться. А к зиме хочу козу купить, Верочке молоко нужно.

Балабин проводил их до двери с широкой, сияющей улыбкой хозяина, который желает гостям спокойной и доброй ночи. Когда

за ними лязгнул крючок, Коноров замахнулся на дверь кулаком и изругался:

- Вот сволочь! Все с улыбочкой, гад, делает: и над нами издевается, и убивает, и с бабой спит. Слушай, Егоров, на хрена он нам сдался? Давай умотаем вдвоем, а он пусть здесь остается.

Егоров промолчал. Он нащупал в темноте лесенку и полез на сеновал. Легли, утонув в душном хрустком ворохе свежей травы. Лишь тогда Егоров разомкнул губы:

- Слушай, Миша, меня внимательно. Влопались мы с этим Балабиным по самые уши. Ты думаешь, куда он в лесу-то ходил? К Кринко. Ухлопал он его.

Коноров приподнялся.

- Кринко? За что?

- Я застал его еще живым, Кринко сказал, что Балабин уговаривал его бежать к немцам.

- К немцам? - чуть не вскрикнул Коноров. - То-то он к нам прицепился. Видно, чует, гад, куда мы подались. Вот судьба. В одну сторону идем, только дороги разные.

- Повязал он нас, Миша, по рукам и ногам, - отозвался Егоров. -- Без веревок связал, вот что.

- Как так связал?

- Да очень даже просто. Федька шофера убил и Кринко. Но ведь там не знают, что мы бежали отдельно от них. Вот и получается, что их кровь и на нас с тобой прилипла.

- Но это же не так! - Коноров скрежетнул зубами и вздохнул. - Да-а-а, влипли. Что же теперь делать? Может, ухлопать его, гада, и дело с концом. Тогда руки у нас развязаны будут.

- Нет, Миша, еще больше себя свяжем. Тогда уж точно никто не докажет, что это не наших рук дело. Вот и получается, что должны мы Балабина беречь, как зеницу ока, чтобы он от нас не сбежал.

- Что же делать? - снова спросил Коноров.

- Не знаю. Думаю, как запутались, так и выпутываться должны. А сейчас давай спать, утро вечера мудренее.

Часть вторая

1.

Разбудил Егорова какой-то неприятный шум. Он открыл глаза, прислушался, но ничего не услышал. Хотел приподняться, но ощутил на плече чью-то тяжесть. В полусумраке, пробивающемся на сеновал сквозь щели, он разглядел рыжие вихры Балабина и про себя ухмыльнулся: «Видно, получил от ворот поворот». Осторожно, чтобы не разбудить его, освободил плечо. И тут снаружи донесся четкий отдаленный говор:

- Она тут уже четыре года живет, сначала на поселении была, а потом и совсем осталась здесь. Ничего такого за ней не замечалось. Недавно вот девочку эвакуированную к себе взяла, на заводе работает.

Но другой голос, позвончее, ответил:

- Проверить бы все равно надо, на всякий случай, чтоб потом не думалось. Не могли они далеко уйти, посты наши на всех дорогах стоят и на станции. Так что не могли они отсюда ускользнуть.

Егоров осторожно приподнялся и, как в прицеле, поймал через щель две мужские фигуры в галифе, сапогах и ремнях, отягощенных оружием. Егоров чуть опустил глаза и вдруг увидел знакомое лицо командира спецотряда капитана Молочкова. Молочков смотрел в сторону дома и Егорову казалось, что взгляд капитана проникал сквозь щели и насмешливо прощупывал его, Егорова, лицо. Он невольно отшатнулся.

- Что же они натворили? - спросил незнакомый.

- Да уж натворили, лейтенант. Шофера убили, раненый в кузове скончался. А тут в лесу, неподалеку, еще одного нашли -

сами же добили, сволочи.

- Звери!

Егоров видел, как они удалялись. В одно мгновение в его голове мелькнула мысль: «Нашли Кринко. Знают, что нас трое. Ах, Георгий Михайлович, как же так? Ну, мы еще посмотрим, капитан, хуже мы зверей или нет. Все, уходить надо».

Балабин и Коноров подняли головы.

- Ну чего? - сердито спросил Михаил.

Егоров приставил палец к губам и шепотом сказал:

- Уходить надо. Засекли нас.

Больше слов не понадобилось. Балабин в мгновение ока очутился внизу, тихонько, но настойчиво постучал в дверь и шепнул:

- Шмонка, открой, шухер.

Полина открыла дверь и спросила:

- Что случилось?

- Легавые, - коротко ответил Рыж. - Да тише ты! Собери-ка нам жратвы, что под рукой есть, да побыстрее.

Они ушли, как растворились, а Полину забил озноб. Она посмотрела в окно и увидела, как двое в форме идут от сторожки к дому. Озноб забил ее еще сильнее, она вдруг почувствовала весь ужас своего положения. А что, если опять лагерь, нары и надо всем - приторные испарения женских тел? Нет, теперь она боялась не за себя, а за Верочку. Что станет с ней? Ее отдадут другим людям, но сможет ли она, Полина, прожить без нее, без этого испуганного человечка? Но теперь уже ничего нельзя было вернуть. Раздался стук в дверь. И, как ни странно, озноб вдруг прошел, и Полина успокоилась. Она ждала. Стук раздался снова. Затем голос участкового приказал:

- А ну, откройте, гражданка Вислова.

Она накинула на себя платье, откинула крючок, отодвинула задвижку на сенной двери и тут же бросилась навстречу мужчинам.

- Ой, господи, как хорошо-то, а я думала опять они!

Молочков потянулся к кобуре, достал револьвер.

- Где они?

- Ой, не знаю, родненькие, не знаю!

- А ну-ка, гражданка Вислова, говорите быстро и внятно, - приказал участковый.

- Вы их знаете? - спросил с напором Молочков.

- Нет, не знаю. Вечером постучались ко мне, я спрашиваю, кто? Молчат, опять стучат. Я и открыла. Разве думала, что это такие люди.

- Откуда вы знаете, какие это люди? - снова спросил Молочков.

- Да как же их не узнать. Вошли трое, говорят, накорми нас, а

то мы голодные. А у одного, рыжего такого, ножик в руке. Вот такой! Я со страху-то чуть было не натворила, извините меня. Двое сели, а этот подходит ко мне и приказывает: «А ну, быстро! Не слышала, что сказано?» Ну, собрала я им на стол. Поели они, собрали в мой платок все, что на столе лежало: хлеб, огурцы, лук, крупу гречневую, мясо из чугунок выловили - и собрались уходить. А этот-то, рыжий, опять мне ножик под бок. Если, говорит, только кашлянешь, то... Ушли они, а я сижу ни жива, ни мертва.

- Эх, гражданка Вислова, - укорил ее лейтенант, - ведь говорили же вам, если появится кто чужой, сразу сообщайте нам. А вы?

- Так ведь ночь, боялась я. И так всю ноченьку глаз не сомкнула, все думала - вот-вот вернется.

Полина разыграла свою роль отменно, она это знала. Этот тухарик-лейтенант, видать, и вправду поверил. А капитан-то не простак, этот если прицепится, не скоро отмажешься!

Она внутренне съежилась от его взгляда и вздрогнула, когда тот спросил:

- Не заметили, куда пошли?

- Да как же заметить-то, темно было. Ну, вышли они в сени, а куда дальше пошли, бог их знает.

- А девочка видела их?

- Какая девочка? Ах, Верочка? Да что вы, господь с вами. Она так-то всех людей после бомбежки боится. Спала она, спала, слава богу.

- Во сколько они от вас ушли?

- Да часов в одиннадцать, должно быть, я только с работы вернулась.

- Так. Ну, пойдем, зайдем, лейтенант, в дом, посмотрим...

2.

Они только что пересекли железнодорожную насыпь и, углубившись в лес, устроили привал. Долго лежали, отходя от бешеного бега.

Балабин разгладил ногой песок, взял прутик и стал рисовать схему:

- Смотрите, вот этот лесок, где мы сидим, это дорога, поле. Вот тут, за оврагом, должна быть небольшая деревенька. Туда километров двадцать, не больше. Я пойду сейчас в райцентр...

- Ты что, сам в лапы захотел? - шумнул на него Егоров.

- Дурак, да меня там и не ждут, к тому же дельце одно есть. Ты, Егоров, пойдешь вдоль дороги на юг, спустишься в овраг и по нему пойдешь налево. Как увидишь мостик, жди Конорова там. А

ты, - ткнул он прутиком в Михаила, - пойдешь через поле, там найдешь дорогу, она и приведет тебя к тому же мостику. Ну, поняли? Ждите меня не раньше завтрашнего утра. Да смотрите, не рыпайтесь - без меня пропадете.

Егоров шел вдоль насыпи, предполагая, что она в конце концов выведет его куда надо. Но уже через километр лес стал редеть и скоро кончился совсем. Впереди расстился луг, голое пространство уходило за самый горизонт, ветер шевелил крупные головки пересохших трав. Справа, над возвышенностью, крадучись, будто на охоту, выползло солнце. Значит, около шести, определил Егоров. Тяжело отрываться беглецу от верного своего убежища - леса, но идти было надо. Густой травостой затруднял шаг, ноги то и дело заплетались в перепутанной растительности.

Ближе к полудню разморило, задумалось Егорову, и поэтому не сразу он услышал:

- А ну, стой!

Егоров быстро упал в траву и затаился. «Неужели заметили? Ах, шляпа, надо же так влопаться, как мальчишке», - думал Егоров.

- Ты что, не видишь, что тебе приказано остановиться? - строго спросил кого-то тот же голос.

Ему ответили:

- Сколько раз здесь ездил и никто не останавливал, а тут...

- А ну, предъявите документы!

Егоров вздохнул - кажется, пронесло. Он поднял голову и увидел у переезда машину. Возле нее стояли, видимо, шофер и военный с винтовкой за плечом. Вот он проверил документы, вернул их владельцу, заглянул в кабину, в кузов, зачем-то под капот и махнул водителю рукой. Водитель, прежде чем сесть в кабину, спросил:

- Кого ищите, ребята?

- Ищулку, - неласково ответил военный. - Проезжай, проезжай давай!

Военный посмотрел вслед машине и стал прохаживаться у домика. Зной, видно, донимал его, он поглядел на солнце, снял пилотку и вытер ею потное лицо. Потом посмотрел по дороге направо, налево и вошел в домик. Окна домика выходили на обе стороны железнодорожной ветки, одно из них смотрело прямо на Егорова. Осторожно, стараясь не шевелить траву, он зашел с глухой стороны и, обогнув его, пополз. Когда, по его расчетам, он удалился достаточно далеко, Егоров привстал и посмотрел в сторону переезда. Там все было спокойно. «Хорошо, что у меня мотора нет», - с насмешкой подумал он и, пригибаясь, побежал прочь...

Когда Коноров остался один, он вдруг почувствовал необыкновенную свободу. Так бывает, когда в доме много гостей и ты не принадлежишь самому себе - их надо чем-то занимать, постоянно о них думать, а потом гости уезжают и раскрепощенная душа успокаивается, просит дела и поет. Выйдя из леса, Коноров отряхнулся, очистил брюки от желтой пыльцы и пуха и пошел через луг. Скоро началось ржаное поле. Он огляделся, ища тропинку, но здесь, видно, никто не ходил. Ему по-крестьянски жалко было мять уже налитой хлеб, но другого пути не было, вздохнув, раздвинул руками стебли. После первых же шагов его оглушил звон кузнечиков и шелест сухих колосьев, в ноздри ударил пряный дух, поднимающийся от земли после росного утра. Коноров ошалел, будто после парной баньки вдарил он стакан «Московской» и все поплыло, закружилось перед глазами. А внутри так тепло и легко, будто накачали тебя воздухом и ты плывешь и летишь. «Сена-то здесь какие, - думал Коноров. - Не то что у нас, в степи, ковыль, лисохвост да кострище, редко где клевер встретишь. Если бы нам такие сена - живи, не хочу...»

Не заметил Коноров, как ржаное поле отмахал, вышел на жнивье. На жнивье копны стоят, вокруг ни души. А вот и дорога.

Поглядел туда-сюда, ага, вон макушка пожарной каланчи в мареве видна, значит, туда и ходу. А небо так и заплыло жаром. Шевелятся колосья, трутся друг о друга и словно живые шепчут: «Пора уж. Пора уж!» И правда, пора, думает Михаил, а в поле никого не видеть. Только так подумал, а за спиной женский голос:

- Эй, попутный человек, не хотите ли дорожку скоротать?

Остановился Коноров, повернулся -догоняет его девчушка ну лет двадцати, не больше. Остановилась около него, посмотрела в глаза.

- Не к нам ли в деревню? Здравствуйте!

- Да как же мимо вас пройти, - нашелся Михаил. - Да и морит вон как, попить бы не мешало.

- Вот и пойдемте к нам. Я с поля иду, посмотреть, как там мои мужики: один старый, другой малый. Издалека сами-то?

Коноров назвал районный центр и добавил:

- Здесь-то оно прямее до города.

- И правда, прямее, - рассмеялась попутчица. - Раньше здесь и ходили, а потом распахали, теперь на машинах да на лошадях до станции ездим.

В деревне пусто, только козы бродят вдоль загородок, срывая вылезающие из-за плетней листья, куры роются в песке да у колодца в огромной колоде, где, видимо, после пастьбы поили скотину, купались четверо пузанят.

- Толянъка! - кричит спутница. - Опять ты в корыте со свиньями купаешься? Я вот тебе надеру задницу-то.

Вылезли пацанята из колоды, притихли, ждут. Подошел Михаил, спрашивает:

- Что, вкусная у вас вода?

- Вкусная, дяденька, - отвечает чернявый, что побойчее всех.

- А ну-ка, достаньте ведерко.

Мальчишкам только того и надо, играясь и шлепая друг друга, опустили ворот и достали воды. Смеется женщина, смеется и Михаил. Пьет, а сам на пацанов глазом косит. Попил, женщина просит:

- Пойдемте к нам, окрошкой угощу. Пойдем, Толянъка, домой.

- Входите, не стесняйтесь.

Она вошла первой. В доме прохлада, тишина. Писклявый голос из-за занавески спросил:

- Не ты, Толянъка? Да кто тут, Глафира, ты?

- Да я, я, - откликнулась Глафира.

- А кто с тобой?

Коноров подал голос:

- Здравствуйте, папаша. Прохожий я, попить водицы зашел.

Старик, ветхий как потрепанная церковная книга, в фуфайке, в валенках и треухе, на неверных ногах прошел к столу, сел на табурет.

- Прохожий - гость хороший. Садись, сынок. Глафира, дай-ка нам откусать, дорожного человека всегда покормить надо.

- Несу, несу, - отозвалась Глафира. Она поставила чашку с окрошкой, нарезала хлеба.

- Угощайтесь!

И Глафира выпорхнула из избы.

Старик ел не спеша.

- Я слепой, сынок, лет двадцать, как света белого не вижу. А дорогу, если надо, укажу. Много мне по ней пришлось хаживать: и на турецку, и на японску, и на германску.

- Пожили вы, видно, дедушка.

- Годами-то пожил, сынок, всякого повидал, а судьбы бог не дал. Приятно говорить с тобой, голос у тя мужичий. А то тут у нас одни бабы остались. Правнучек мой, муж Глафиры, как ушел по третьему дню после починка войны, так ни слуху, ни духу. Сложил, должно, головушку. Вот она, ратва-то как сложилась, попирает враг землюшку нашу. Всех мужиков позабрали, а оборонять, вроде, и некому.

- Разбойник, он и есть разбойник, дедушка, сразу его не углядишь. Русскому человеку только углядеть его надо: где он, как он, что он? А там - известное дело, мы ведь только запрягаем долго...

- Это правильно ты говоришь, запрягать-то мы горазды, да не всякий ездок хорош. За мой век не было такого, чтобы враг до Москвы доходил.

- Ничего, дедушка, мы вас не посрамит. Курица каждый раз кудахчет, да не каждый раз яйцо несет, так и немцы. Ну, спасибо за хлеб-соль и доброе слово. - Коноров попрощался. - Пора мне.

- Дай-то бог, дай-то бог. Дорогу указать?

- Не надо, дедушка, язык и до Киева доведет.

3.

Егоров к условленному месту прибыл лишь к ночи, рассказал о своих приключениях на переезде, Коноров, в свою очередь, о том, как побывал в гостях. Егоров упрекнул:

- Зачем же ты пошел, чудик, если что - она тебя узнает.

- А что мне было делать: бежать от нее, как черт от лапана, так что ли? Вот тогда она уж точно меня заподозрила бы.

- И то правда, - согласился Егоров.

Решили поесть. Егоров пошел за водой, а Коноров стал строгать

ложки и обломил ручку своего ножа. Он нашел сучок поувесистей и стал изготавливать новую ручку. Потом вспомнил, что Балабин оставил узелок и развязал его в надежде отыскать в нем балабинский нож. Но там его не было. Под хлебом и мешочком с крупой нащупал какой-то сверток и встряхнул его. На землю упал наган. Коноров огляделся, поднял оружие и проверил барабан - он был полон. Присвистнул:

- Вот это игрушка! Где он его взял?

Сложив все так, как было, Михаил сунул наган за пояс. Сучок, который он подыскал, был жестковат, зато ручка получилась на славу: слегка кривоватой, с набалдашником на конце, удобной и, самое главное, тяжелой.

Вскоре послышался стук пустой банки, и Коноров понял, что Егоров вернулся без воды. Тот, потный и усталый, присел рядом и кинул посудину на землю.

- Проклятые места. Ни глотка. А ты чего лежишь?

Коноров положил руку на живот.

- Болит.

- С чего бы?

Михаил молча показал на кусты. Егоров сходил и вернулся повеселевшим.

- Дурень, объелся? Это хорошая ягода, голубица называется.

Коноров сел, легко вздохнул.

- А я умирать собрался, думал, ядовитая. Да, ты знаешь, Егорка, я тут одну штуку нашел. - Он протянул Егорову наган. Тот полюбовался им, спросил:

- Откуда?

- А вот в этом узелке был.

- Балабинский? Он бы его не оставил. Может, Полина сунула, побоялась, что могут обыск сделать?

- А у нее откуда?

- Черт ее знает. Ну ладно, как бы то ни было, давай договоримся о нагане Рыжу ни слова. Если его, сам спросит, а нет - при нас он надежнее.

Поели огурцов с хлебом и решили укладываться спать. Потянул свежий ветерок, небо затянуло темными облаками, потом по верхолесью пробежал порывистый ветер, запахло влагой.

- Ну, Егорка, видать, быть дождю. Вымокнем мы с тобой. Давай хоть шалаш какой-нибудь соорудим.

Нарезали ножом колья, перекладину, слеги, наломали лапника и сделали шалаш. И вовремя: тяжелые капли сначала редко, потом все чаще и настойчивей застучали по листьям, и скоро полил дождь - теплый, грибной.

Дождь закончился, но темнота на отступала. Они поняли, что пришла ночь. Легли валетом, положив под головы узлы, и тут же уснули. До утра еще два раза принимался дождь, и они Балабина скоро не ждали.

Но он пришел. Возвращение его они заметили задолго до его подхода. Сначала что-то грохнуло, как барабан, потом затрещали кусты, раздалось кряхтение и к шалашу вышел Балабин. Он долго оглядывался, стараясь понять, сюда ли он пришел и, увидев торчащие из шалаша морды, вдруг взвился:

- Дрыхнете, начальнички, а я тут стараюсь для вас! - Грохнул огромный фанерный чемодан оземь и сел на него. Они молча вылезли из шалаша, подошли к Балабину и невольно пожалели его: одежда на нем вымокла до нитки, сапоги и брюки вымазаны в глине, а непокорные пышные кудри свисали на лицо ржавыми сосульками. Егоров как можно мягче сказал:

- Ну и псих ты, Федор. Чего психуешь, сам же так хотел.

Балабин с минуту еще сидел неподвижно, затем хлопнул ладонями по коленям, вскочил и захохотал:

- Ха-ха-ха, я думал, что вы умотали! А вы здесь, суслики. Ну, чего стоишь? Открывай, смотри, что я принес.

Егоров открыл чемодан. В нем лежали три пиджака и трое брюк, мятые, но чистые рубахи, матерчатые туфли и ботинки, две бритвы-опаски, осколок зеркала, котелок, ложки, кусок мыла, кепки, трусы и два сидора. Пока они разглядывали это богатство, Балабин вытащил из узелка хлеб, из-под тряпья выудил банку и быстро открыл ее ножом. Из нее пахло тушеным мясом.

- Видали, начальнички? Балабин всегда говорил, что в долгу не останется.

Егоров молча наблюдал за ним. Балабин не испытывал никакого чувства беспокойства, когда развязывал узелок - значит, наган был не его. Он взвесил узел в руке и подмигнул:

- Что-то полегчало сильно, видно, хорошо поработали без меня. Да вы садитесь, начальнички, не стесняйтесь, хавайте. Балабин сегодня щедрый.

Коноров без слов подсел к чемодану, взял банку, подвинул ее Егорову. Но тот есть не спешил, в упор посмотрел на Балабина и спросил:

- Магазин грабанул?

- Обижаешь, начальник. Балабин работает чисто. Барахла набрал у призывного пункта, там его - горы. Все равно сжигать будут. Кое-что на толкучке поменял. Видите! - Он щелкнул ногтем по зубам. Егоров с Коноровым только сейчас заметили, что у него нет коронок. - золотишко сейчас в цене. Пристал один еврейшка,

отдай, да отдай. Ну, я ему их и сдернул. А он мне тушенки, сальца. Ворюга, гад, сразу видно, точно, со склада упер. Хотел я его... да мотать было надо. В общем, слушайте меня. Здесь нам не пройти, кругом посты: на автостанции, на железной дороге, у пивнушек. Проверяют всех, кто по двое-трое ходят. Не трогают стриженных и бритых. Так что давайте наводить марафет...

4.

Когда они переоделись, заросший рыжей щетиной Балабин долго гляделся в осколок зеркала и поглаживал пальцами закурчавевшую шею, впалые заросшие щеки, ощеривал рот, сжимал между пальцами нижнюю губу. Потом предложил:

- Ну что, начнем скоблиться, начальнички? - Он неодобрительно посмотрел на Егорова, потом на Конорова. - А то от нас заверсту парашей несет. Каждый мусор докумекает, что мы из стойла вышли. Нет, на фраеров мы совсем не похожи, а нам не сегодня-завтра надо быть в городе.

- Да, побриться надо, а то чувствуешь себя эдакой паршивой свиньей, - отозвался Егоров, после переодевания присевший на пригорок и успевший сделать первую затяжку из козьей ножки.

Балабин уже держал в руках бритву и зеркальце.

- Ну, кто первый? Зеркало-то одно. Давай ты, Коноров.

Тот опоглоснул лицо холодной водой, намылил и стал скоблить левую щеку. При этом говорил:

- У нас в деревне мужики все больше бороды носили. Длинные такие, как у козлов. Нас так и звали в округе - козлятниками. О бритвах, конечно, слыхали, но бриться считали баловством.

- Вы что же, кулугуры или монахи какие? - спросил Балабин.

- Да нет, тут чисто практические соображения. Во-первых, на бритье время надо, а крестьянин не любит, когда время на бестолковое дело уходит. У нас и на рыбалку только пацанва бегала, потому что это считалось пустой затеей. Во-вторых, зимой она от холода спасала. На лошадах и в район ездили, и на гумна, и в амбары, и за соломой в поле, и за дровами. Ну, как я? - спросил Коноров, проведя по левой выбритой стороне.

- Ну а в-третьих, - ухмыльнулся Балабин.

- А чо в-третьих? - недоумевал Коноров.

- Как чо, баб-то чем щекотали? - Балабин заржал.

Коноров с сожалением посмотрел на него.

- Дурак ты, Балабин. Женщины, они что, - мужество любят. Раньше женились рано. Ну, женится эдакий сопливый балабон в семнадцать-восемнадцать лет, а в нем ни строгости, ни духу

мужицкого, одни сопли. А ему с того момента хозяином становиться надо, семью ставить, жену в крепости держать. Вот и старались скорее бороду отрастить, чтоб серьезнее выглядеть. Суровел тогда мальчишка-то, серьезнел, в доме хозяин чувствовался. Там детишки пошли - тоже за бороду треплют, и тебе приятно. А тут в двадцатых годах, сразу после голодухи, к нам учителя прислали. Ходил он всегда аккуратным, чистым, выбритым. Одеколоном от него пахнет; улыбка на лице, как у ангела и табачищем не воняет. Тут и взволновались наши бабы. Одна своего одернет, другая, третья. Мол, побрейся что ли, волчище ты эдакий, псиной от тебя несет. Так и пошло. На, твоя очередь, Балабин.

Коноров протянул бритву Балабину, ощупал лицо руками и удовлетворенно хмыкнул:

- Ну вот, совсем другое дело.

А Егорову не повезло:

- Фу, черт, порезался!

- Ничего, сейчас вылечим, - ответил Михаил и скоро вернулся с травой в руке. Вот тысячелистник, порезником у нас называется. Только приложи - вмиг остановится.

Он помял листья в ладонях и приложил их к ране. И правда, через минуту кровь перестала течь.

- Плохая примета, Егоров, - заметил Балабин.

- Почему же плохая? - повернулся к нему Егоров.

- Потому что мокруха на нас висит, вот почему. Если поймают, меньше вышака не светит.

- Мы никого не убивали, Федя, это ты шоферишку-то убрал, - сказал Михаил. - Да и Кринко тоже...

- А что Кринко? - насторожился Балабин. - Я его пришил, да?

Коноров понял, что проговорился, но Егоров выручил:

- Ну, пришить не пришил, но ведь бросил. Ты думаешь, он живой остался?

Они заметили, что Балабин как-то сразу успокоился, сел на землю, откинулся назад, оперевшись на руки.

- Я ему не нянька, легавые подберут. А нет, так туда ему и дорога, сволочи! - Балабин сплюнул. - А вы: Балабин да Балабин. Я и шоферишку-то по нужде пришил. Так что одной кровушкой мы помазаны, товарищи советские начальнички.

5.

Капитан Молочков, командир оперативной группы, уже пятые сутки шел по следу беглецов. Такие долгие преследования

случались и раньше, но сейчас дело затягивалось и еще по одной причине - всех собак, и сторожевых, и ищеек, отвезли в центральный ветпункт на комиссию. Что поделаешь, собак тоже берут на фронт. Молочков предлагал, чтобы собак отвозили группами поочередно, но заместитель начальника лагеря майор Петрунько решил отделаться от комиссии разом. В результате сторожевые посты в зоне оказались без собак. Молочков не сомневался, что то было одной из причин побега. Второй причиной он считал недисциплинированность личного состава охраны. В то время, когда сержант Васенин обязан был сопровождать раненого, проследить за его отправкой и вернуться с заключенными в зону, он без команды пришел на помощь охранникам, которые пытались успокоить разволновавшихся заключенных. В результате, оставленные без охраны заключенные совершили побег. Примерно так писал он в докладной.

Сейчас Молочкова удивляли странности, которых он не мог знать. Бежали четверо, но по всем приметам они напали на след двоих. Куда делись еще двое? Или беглецы оказались настолько

хитрыми, что сумели вовремя разделить и пустить поисковую группу лишь по одному следу, или бежали только двое. Но где же двое остальных? Этот вопрос мучил Молочкова всю ночь и следующий день. Потом один из двоих преследуемых неожиданно исчез, но появились еще двое. Условленная или нечаянная была это встреча? У кострища нашли три деревянные палочки, которыми преступники ели кашу. Смущала и эта деталь. Где они могли достать питание? Итак, их трое. А где четвертый? При обследовании местности в яме нашли мертвого с ножевой раной в груди. Это был заключенный Кринко.

Молочков чувствовал, что беглецы где-то поблизости. Уйти далеко они не могли по той простой причине, что были вынуждены провести две ночи в тайге. После второй ночи маршрут их сильно изменился - след их вел в районный центр. Он знал, что они не отважатся появиться на железнодорожной станции, где установлены усиленные посты. Скорее всего, они обойдут населенный пункт стороной и переночуют в укромном месте или у знакомых, если они есть.

В районном центре Молочков связался с участковым, расспросил, не заметил ли тот что-либо подозрительное: кражу, появление в поселке чужих, не было ли каких инцидентов в последние сутки или часы. Лейтенант ответил, что краж не было, чужих сейчас пол-поселка, потому что уже в третий раз прибывают эвакуированные с запада, инцидентов не зарегистрировано. Молочков поинтересовался, нет ли в поселке лиц, отбывавших наказание по суду. Участковый достал список: большинство из поселенцев освобождены от повинностей по суду, некоторых забрали на фронт. Но трое остались здесь на постоянное место жительства, это Кравцов, Вислова и Шулейкин. Кравцов был в это время на работе, при обыске в его доме никого не нашли. Шулейкин был пьян, и пока выясняли, где и с кем он пил, наступила ночь. Перед сном Молочков позвонил майору Петрунько и доложил о состоянии поисков...

Молочков взглянул в окно, за ним едва брезжил рассвет. Вроде бы какая-то мысль, которая не давала ему покоя с самого вечера, ускользала из его дум... Но какая? Как будто о женщине. Но при чем здесь женщина? Женщинами в этом заведении, где он находился, кажется, и не пахло. И все-таки женщина. Молочков вдруг вспомнил: Вислова. Кто такая Вислова? Ах, да, это та, которую они должны были проверить вечером и не проверили. Видно, это не давало ему покоя, заставило забеспокоиться. Ведь он, Молочков, должен был проверить Вислову еще вчера, и не

проверил. А вдруг они у нее? Он должен проверить, и именно сейчас, немедленно. Молочков встал с лежанки, натянул сапоги, надел портупею, проверил оружие и толкнул лейтенанта.

- Вставай, лейтенант.

- Чего?

- Вставай, говорю, покажи, где Вислова живет.

Тот нехотя встал и, одеваясь, недовольно бурчал:

- Вислова, Вислова. Куда бы она делась, твоя Вислова? Все спят еще. Группу будить?

- Не надо, вдвоем сходим...

Она рассказывала о пришельцах, а он, как ни странно, верил ей. Да, такое могло произойти: они узнали, что в доме живет одинокая женщина, силой ворвались, пригрозили, взяли все необходимое и ушли. Все логично. А когда Вислова ответила, что преступники ушли в одиннадцать, Молочков засомневался. Он внутренне усмехнулся и задал себе такие вопросы: «Неужели ровно в одиннадцать. Это на ночь-то глядя? Из уютного жилья? Неужели им не захотелось здесь передохнуть, отвалиться? Что-то ты финтишь, голубушка!» Первое, что захотелось Молочкову, это пригрозить Висловой, чтобы она сказала правду, но, взглянув в ее упрямые глаза, понял, что другого она не скажет.

Когда вошли в сени, ему в ноздри ударил запах свежeweымытых человеческих тел, здорового, крепкого пота. Лесенка на сеновал стояла скособочась, опираясь на один конец и мешала в проходе. Нет, хозяин так лестницу не оставит, так ее могли оставить только в спешке. Молочков не спеша поправил ее и поднялся наверх: сено еще хранило вмятины от тяжелых человеческих тел. Значит, они были совсем недавно. «А, может быть, они еще здесь?» - подумал Молочков. Он спустился вниз, и рука его невольно потянулась к кобуре. Распахнул дверь на зады и на мокром от росы дощатом настиле увидел ясные следы трех пар человеческих ног. Он понял, что гнаться бессмысленно. Сейчас он жалел, что они пошли вдвоем, по горячим следам группа могла бы настигнуть преступников. Теперь он не верил, что беглецы силой ворвались в дом. Кто-то из них, возможно, не один, знаком с Висловой.

6.

На рассвете следующего дня беглецы увидели дымы большого города, а через час ясно различали высокие корпуса заводов, многоэтажных домов и утопающие в зелени окраины. Путь им преградила небольшая речушка. Остановились и долго сидели на берегу, не в силах вымолвить слово - так сказались усталость. В

километре ниже по течению они увидели мост, и каждый из них подумал сейчас об одном: а не ждут ли их там? Первым заговорил Балабин:

- Ну что, орелики, так и будем здесь сидеть? Как пойдем: через мост или напрямки?

Спутники молчали. Балабин встал.

- Ну ладно, я схожу посмотрю.

Егоров глядел ему вслед и думал совсем о другом. Он понимал, что в городе появляться с наганом опасно и сейчас решал трудную задачу, что с ним делать.

- Слушай, Миш, что с этой штукой будем делать, а?

Он коротко изложил свою задумку, дать знать Балабину, что у них есть наган, а потом незаметно его выбросить. Коноров аж приподнялся:

- Тышто, Егорка, очумел? Это одно и то же, что голодному тигру показать кусок мяса! Он тогда или выкрадет, или уколошит нас обоих. Ине думай! Держи при себе, и все. Ты пойми: что с наганом нас поймают, что без него - дорога одна. А в крайнем случае он может пригодиться.

Егоров усмехнулся и, вытащив наган из-за пояса, кинул его Конорову.

- На, бери. И стреляй, а я в своих все равно не смогу!

- Да тише ты кричи-то, - остановил его Михаил. - Никто тебя в своих стрелять не заставляет. Я к тому, что разные люди есть, может когда и пригодится пугнуть. А стрелять в своих, конечно, рука не поднимется. На, я стрелок-то все равно негодный, не воевал.

Балабин вернулся минут через пять.

- Ну, товарищи начальнички, придется нырять. Через мост опасно, в низинке он, поэтому легко на кого-нибудь напороться. А в городе на рассвете надо быть, иначе целый день придется здесь загорать.

Он уже снимал с себя одежду и увязывал ее в узел.

- Плавать-то умеете?

Егоров промолчал, а Коноров отчего-то почесал затылок и спросил:

- Глыбко тут?

- А вот сейчас и померим, - отозвался Балабин и первым вошел в воду. Метра через три он оттолкнулся от дна и поплыл, держа в одной рукой над головой узел с одеждой. Речка была неширокой, через минуту он выбрался на отлогий берег и стал одеваться. Вслед за ним переплыл и Егоров, а Коноров все стоял на берегу.

- А ты чего? - крикнул ему Егоров.

- Да я плавать не умею, - смущенно ответил Коновров.

- Что ж ты, дура, молчал? Эх, святая простота.

Егоров бросился в воду, в десять взмахов переплыл назад и помог товарищу перебраться на другой берег.

Захолодавшая за ночь вода освежила их, и они, одевшись, пошли к зеленеющим в дымке окраинам.

В город, тревожно спящий, шумный и утром, но еще темный, они вошли со стороны рабочего поселка. Здесь было тихо и безлюдно. Городская окраина, больше похожая на деревню, встретила их теплом, застоявшимся в переулках с дня, тенистой зеленью палисадных и сторожким лаем собак. Улочки были узкими - двум машинам вряд ли разъехаться - и оттого уютными, у каждой крашеной калитки висел почтовый ящик и жестяной номерок.

Балабин уверенно вел их по этому лабиринту, пока они не наткнулись на серую железобетонную коробку пятиэтажного здания. От него беглецы свернули на широкую, выложенную булыжником улицу с магазинами, театром, парикмахерскими и старой колокольной. У одного из проулков Балабин задержал своих спутников и шепнул:

- Отсюда, начальнички, ша, пока вам не посигналю вон оттуда. Ясно?

Он показал рукой на чугунный литой балкон, который поддерживали две черные змеи, и быстро вошел в подъезд.

7.

Прочитав прилегающий к райцентру лес, Молочков понял, что преступники его обхитрили. На всех постах давали один ответ: все спокойно, товарищ капитан, подозрительных не было.

Сейчас Молочков в железнодорожной комендатуре областного города. Уже светает, вон уж засинели окна. Где беглые сейчас? Наверняка, в городе или на подходе к нему. Нет, на сей раз Молочков не мог ошибиться, они обязательно должны появиться на вокзале, потому что весь их путь упорно ведет на запад. Молочкова смущало лишь одно обстоятельство: почему они шли на запад? По своему опыту он знал, что беглецы обычно уходили на восток или на север, куда-нибудь в глубинку, подальше от центральных дорог и крупных городов, чтобы там уйти «на дно» и переждать горячку преследования. И уж потом в удобное и тихое время проскользнуть в крупные города.

Эти не были похожи на других, у них была какая-то цель, к которой они стремились упорно и настойчиво, и, надо признать,

им пока это удавалось. Но в голове Молочкова не укладывалось, что даже во имя цели Егоров и Коноров могли пойти на убийство, не могли они бросить в таком состоянии заключенного Бутрова, который, судя по всему, пользовался огромным уважением и авторитетом среди политических. Ну, Балабин, тот отъявленный рецидивист, он мог пойти на все. Кринко Молочков из этого списка тоже исключал, потому что безвольный мелкий мошенник вряд ли осмелился бы поднять руку на человека. Этот мог пойти на побег, потому что знал, что в случае поимки ему грозит лишь дополнительный срок.

Что-то не вязалось в этой компании. Но что, Молочков никак не мог понять. Возможно, вся троица стремится сейчас на фронт, чтобы там, в этой военной сутолоке, замести свои следы? Вот и пойми, что у них на уме. Может быть, они хотят перейти к немцам? Не похоже на Егорова и Конорова. Или они действительно хотят защищать Родину? В таком случае Балабин не тот зверек, чтобы залезать в муравьиную кучу.

Как бы то ни было, он, Молочков, должен выполнить свой долг и поймать беглецов.

8.

Егоров с Коноровым стояли в арочном проезде между домами и ждали сигнала, но за двадцать минут безотрывного наблюдения рябьешторы за окнами даже не шелохнулись. С набиравшим силу утренним светом оживала и улица. Вот проехал груженный тюками грузовик, оставив после себя удушливую гарь, о чем-то оживленно беседуя, пробежали три девушки, прошли несколько мужчин, спешащих, видимо, на работу. Сзади, со двора, раздался крик:

- Валерка, сегодня после уроков чтоб не рыскал. Слышь?

- Ладно! - ответил звонкий голос, и мимо стрелой промчался мальчишка, даже не взглянув на них.

- Черт, - изругался Коноров. - Да скоро они там! Нас скоро весь город за родню принимать будет.

- Да ладно тебе, - ответил Егоров.

В это время раздался громкий цокот каблуков. Через проезд проходила женщина. Они инстинктивно прижались к серой стене, стараясь слиться с ней, и отвернулись, чтобы не показать своих лиц. Видимо, женщину это насторожило, она сбавила шаг, осторожно, не отрывая от них взгляда, прошла мимо и резко повернула направо. Удалившись, она обернулась в их сторону и ускорила шаги.

- Чего это она? - спросил Коноров. - Пугливая какая-то.

- А то, что мы идиоты, - выругался Егоров. - Не надо было прятаться, отворачиваться. Представь себя на ее месте: ты идешь, а кто-то прячется. Тут же возникает вопрос, а чего им прятаться? Вот то-то же. Теперь она наверняка нас «сфотографировала», в профиль.

- Смотри-ка, - толкнул его Коноров, - кажется, зовут.

Шторы в доме раздвинулись, и через стекло они увидели Балабина, он призывно махал им рукой.

- Долго же они готовились к нашему приему, - сострил Коноров.

- Видать, важные мы персоны.

На лестничной площадке третьего этажа приоткрылась дверь, и кто-то шепотом позвал:

- Сюда.

Коноров первым вошел в темный коридор и тут же почувствовал, как с двух сторон его обхватили неумолимые клещи и куда-то потащили. Он похолодел. «Все, влопались», - со страхом подумал он и хотел вырваться. Но тот же голос шепотом приказал:

- Не рыпайся, здесь не на проспекте, здесь не только человек, черт ногу сломит.

Но напряжение на отпусало Конорова до тех пор, пока они не вошли в большую просторную комнату и он не увидел рядом с собой Егорова.

Тот же голос, что встретил их у порога, теперь уже громче сказал:

- Прошу извинить, мне пора на работу. Сейчас, как вы знаете, военное положение, и всякие опоздания строго караются. Устраивайтесь, господа гости, будьте как дома. И не волнуйтесь, электричество включить не имею возможности, так как электроэнергию в жилые кварталы подают лишь после девяти вечера.

Хлопнула дверь. Они сели на мягкий диван. Привыкшие к полутьме глаза различили стоящий посреди комнаты большой овальный стол, накрытый скатертью с бахромой, буфет и резную горку с расписными стеклами, частые волны гардин, ноги чувствовали гибкий ворс ковра. Потом все заволокло туманом.

Егоров проснулся, когда в высокие, продолговатые окна лился полуденный свет, наполняя комнату розовыми и матовыми отсветами от стен, ковра и гардин. За столом в махровом халате сидел Балабин и с усмешкой глядел на них, будто ожидал их пробуждения.

- Ну что, господа начальнички, кимарнули? А теперь пора почистить перышки. Прошу.

Он встал, подошел к филенчатой двери и распахнул ее. Балабин засмеялся, увидев на их лицах удивление.

- Вот это да! - Егоров почесал затылок. - Как у короля.

- Как. - Передразнил Балабин. - Да он и есть король, только в своей области.

Они замешкались у порога, боясь занести грязь в эту райскую комнату, сверкающую чистотой, кафелем и начищенной медью ручек и кранов.

Егоров с Коноровым залезли в огромную белую ванну, в которой мог бы поместиться бегемот, и открыли краны. Ванна наполнилась водой, сначала прохладной, потом она становилась теплей и теплей. Они легли валетом и долго наслаждались этим теплом, обволакивающим их тела и проникающим до самого нутра. Потом долго терли друг другу спины. Вылезли из ванны красные и умиротворенные. Долго искали сливную пробку, но так и не нашли. Но вот ванна как-то странно качнулась, чавкнула, и вода стала убывать.

- Чудеса!

Егоров удивленно помотал головой. После купания неохота было влезать в смятое, пропахшее потом белье, но ничего делать не оставалось. Они оделись и прошли к столу.

- Ну как? - встретил их Балабин. - Это вам не лагерная душемойка.

- Скажи, Балабин, кто здесь живет? - спросил Коноров, расчесывая волосы.

- Можете не беспокоиться, кореш свой в доску, не заложит. НКВД ему башли не даст за это, а вот мне он должничок. Понятно? Хотя, откуда вам... Вы знаете, товарищи советские начальники, что такое воровской долг? Нет? Это, если хотите знать, святое! У нас так: прежде всего должок, а остальное все потом. Ты сначала от дай его, а потом можешь убить того, кому был должен, и тебе ничего не будет. А если не отдашь долг, тогда ты никто, ты червяк, и тебя всякий может раздавить. Вот и Платоша мне должен. Правда, должок давний, но, как вы понимаете, он не мог его вовремя вернуть. А теперь пришел день, мой день... Поняли?

Балабин накрыл стол. На тарелках уже лежали хлеб, колбаса, сыр, копченая рыба, икра, на подставке стояла сковорода с разогретой тушенкой и рядом с ней бутылка. Балабин наполнил рюмки и потер руки.

- Ну, беглые, мы тем рады, чем богаты. Наваливайся тут, на том свете на дадут!

Выпили. Потом еще по одной и Егоров отставил рюмку.

- Все, хватит - не на пиру. Слушай, Балабин, ты надолго нас в

этот санаторий устроил? Если здесь хочешь отлежаться, то нам не по пути.

- Ишь как. Балабин их с хвоста снял, Балабин хазу нашел, Балабин предлагает им покайфовать, а теперь Балабин им не нужен. Скоро только сказка сказывается, Егоров. - Балабин налил себе еще и опрокинул в рот. - Если торопитесь, то я не держу, можете плыть, карасики. Только учтите, что щучка тоже не дремлет. Мне Платоша утром сказывал, что наши мордокопии у легавых вместо зеркальца. Чуете? Так что сидите и не рыпайтесь. Когда утихнет, Платоша знак даст. Поняли?

«Значит, Молочков в городе, - думал Егоров. - Это плохо. А, может быть, и к лучшему, во всяком случае, знаем, где он есть. Что его привело сюда: след или чутье? Так или иначе, задерживаться в городе опасно».

*Продолжение
следует*

**Василий
КОРОБКОВ**

В ДУШЕ ЗАПРЯТАНЫ ОБИДЫ

Цикл стихотворений

***За окном осенним дождь осенний плачет.
Облака плакучие солнце в небе прячут.***

***И с душевной горечью в эту непогоду
О любви печальной расскажу я оду.***

***В этом мире бешеном, в этой жизни горькой
Я любил с невестой любоваться зорькой.***

***И в укромном месте лунными ночами
Развлекать друг друга умными речами.***

***Соловьи веселые песни нам дарили,
Мы о дальних звездах что-то говорили.***

***И моя любимая, чудная красавица,
Говорила нежно мне, что любить ей нравится.***

***Но однажды вечером в парке возле леса
Приставать к нам начали пьяные балбесы.***

***Начал я с балбесами драться, как положено,
Тишина у леса дракой растрожена.***

*Острый нож широкий в спину мне воткнулся,
В городской больнице утром я очнулся.*

*Рядом мать сидела, слезы утирая.
Я спросил у матери: - Где невеста Рая?*

*Мать мне отвечала еле-еле слышно,
Что моя любимая умерла под вишней.*

*Облака плакучие солнце в небе прячут,
Сердце мое бедное, как ребенок плачет.*

*Сердце мое бедное дальше жить не хочет.
Про любовь печальную что-то дождь лопочет.*

*Я и сам сегодня, плача в непогоду,
Про любовь печальную сочиняю оду.*

*И с любовью нежной вспоминая Раю,
Я и сам, как свечка, тихо догораю.*

*По асфальту мокрому ветер листья гонит.
Тополь облысевший возле окон стонет.*

*Бедная синица прячется под крышу.
Писк ее печальный и сосед мой слышит.*

*На дворе сегодня холодно и зябко.
По двору крадется худенькая бабка.*

*Ветер треплет волосы и качает бадную
Бабке очень холодно, бабка очень бледная.*

*Что ее заставило в эту непогоду
С старенькой одежде выплыть на природу?*

*Может быть, у бабушки нету дома хлеба?
Может быть, у бабушки внучек долго не был?*

*Тополь облысевший за окошком плачет,
Лужа в отраженьи грусть его не прячет.*

*Ветер бабке старой листья бросил в спину,
Бабушка качается, как в лесу осина.*

*Бабушка седая в лужу носом ткнулась,
Бабушка седая в луже захлебнулась.*

*Тополь облысевший плачет возле лужи -
Он такой же старый. Никому не нужен.*

*Муж любимый вечером,
Душу балуя чайком,
Тяпнул водочки стакан
Втихомолочку
И пошел, как таракан,
В самоволочку.*

*Возле дома, на углу,
Где фонарь, ночную мглу
Освещая тусклым светом,
Бултыхается,
Мужичок в районе этом
Чертыхается.*

*В меру пьяный, но в уме
Он к троюродной куме
В этот вечер приволокся
На свидание.
Утомился мастер бокса
Ожиданием.*

*А красавица кума,
Словно кукла без ума,
От родного мужика
Еле вырвалась.
Для чужого дурака
Нафуфырилась.*

*Где фонарь ночную мглу
Освещает на углу,
Повстречались на ветру
Два величества.
Мужику не по нутру
«Алектричество».*

*Говорит мужик куме:
- Был и я на Колыме.
Колыма река крутая,
Полноводная.
У меня душа пустая
И голодная.*

*Рассказав про Колыму,
В ресторан зовет куму,
Где гуляют допоздна
Не десантники -
Здесь коньячатся до дна
Коммерсантики.*

*В ресторане, в дымном зале
Вин хороших заказали,
Пачку добрых сигарет,
Как положено.
На закуску - винегрет
Да мороженов.*

*Два часа они сидели,
Пили, ели да балдели,
Не теряя головы, ели шпротики.
Захотелось им любви
Да с эротикой.*

**Расплатился мужичок,
Кинул сверху пяточок
И с красавицей кумой
Удается.
Но на улице зимой
Не гуляется.**

**Забрели в чужой подъезд.
Бог не выдаст, черт не съест.
Расстегнул мужик шубенку,
Прижимается.
С полупьяною бабенкой
Обнимается.**

**Сладко стало мужичку -
Много выпил коньячку.
Он лобок ее горячий
Гладит, как котенка.
Инструмент его стоячий
Ищет работенку...**

*Когда мы на Руси построим рай?
Мы в будущее много лет глазеем.
Когда мой дом, похожий на сарай,
объявят государственным музеем?*

*От громких слов и сладкой лжи устав,
прожитых лет систему критикуя,
читаем снова ленинский устав,
о перестройке каждый день толкуя.*

*В сознании у нас густой туман,
в душе у нас запрятаны обиды.
А рэкетиры, купив себе наган,
заходит в гости с нагловатым видом.*

*Из-за леса солнышко выкатилось робко.
Мать уже на кухне гоношит похлебку.
Возле печки вертится, словно заводная,
Матушка любимая, матушка родная.*

*Утром просыпаемся, глазки продираем,
Но гулять на улицу мы не удираем -
В нашем доме много всяких дел домашних.
Утром доедаем кислый суп вчерашний.*

*На дворе крестьянском пилим мы дровишки,
На базаре в городе продаем излишки.
И концы с концами в узелочек вяжем,
А про что мечтаем, Богу лишь расскажем.*

*Жизнь, друзья, забавная вещица.
Много благ у Бога не проси.
Может быть, и мне с сумой тащиться
Доведется скоро по Руси.*

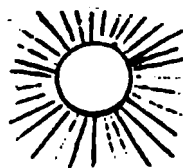
*Денег нет и хаты теплой нету.
Я сегодня, как собака, злой.
Очень трудно русскому поэту
Журавлем курлыкать над землей.*

*Мать моя, туманная Россия!
Снег да ветер, не видать ни зги.
Мужики, от водочки косые,
Застудили на ветру мозги.*

*Перестройка, хитрая игрушка,
Для чего и кем заведена?
На углу печальная старушка
Продает сегодня ордена.*

*Не хочу судить старушку строго,
Нет у нее надежного щита.
Вон опять у ветхого порога
Русская маячит нищета.*

*Жизнь, друзья, забавная игрушка.
Для чего и кем заведена?
Никому ненужная старушка
Продает родные ордена.*

*Господи, помоги купить сапоги!
Оклад - девяносто, жить непросто.
Возле магазина - два грузина,
Продают лимоны, в глазах - миллионы.*

*А рядом армяне, тысячи в кармане.
Виноград продают, дешево не дают.
С дедом Назаром брожу по базару,
Медью громохочая, тяжело вздыхая.*

*У мясного прилавка шум и давка.
Продают барана. Радоваться рано.
Что я раненый брат баранину?
Сорок рублей кило! Жить тяжело.*

*С дедом Назаром брожу по базару.
Товар налицо - рубль яйцо.
В картофельный ряд захожу и не рад.
Кило - троячок, бери, землячок...*

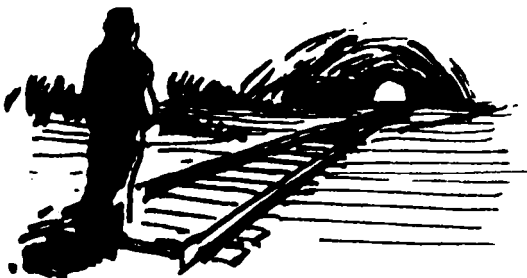
*Ощипанный гусь - подходить боюсь -
Купишь гуся, и пенсия вся!
А рядом грибочки в деревянной бочке.
Ешь - не хочу! Смотрю и молчу.*

*Шапки из зайца, куриные яйца,
Теплые валенки - цены немаленькие.
С дедом Назаром хожу по базару.
Но с нашим доходом - идем мимоходом.*

*Угасает закат над рекою
Затушила в речке воде.
Непонятной российской тоскою
Начинают болеть города.*

*И опять в одиночестве гордом
Дремлет наша великая Русь.
И луна, как еврейская морда,
Навевает печальную грусть.*

*Ночь пройдет, и, как прежде красиво
Снова вспыхнет над Русью заря.
Ах, Россия, родная Россия!
Ты сегодня страдаешь не зря.*

Евгений ЛАРИН

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

**Документальная
повесть**

(Продолжение.
Начало в сентябрьском и октябрьском
номерах)

15.

Как-то меня Валерий спросил:

- Где ты познакомился с дочерью Артема? Специально в Москву в командировку ездил?

- Никуда не ездил. Встретились в той же самой редакции, где познакомился и с тобой. Тогда ведь редакции городской и районной газет находились под одной крышей старого Дома Советов. Вот в кабинете редактора М.Н.Казанцевой и собрались журналисты обеих газет на встречу с Заярой Веселой. Мне еще тогда было поручено вручить ей сувенир.

- Говорила она что-нибудь о причине ареста Артема?

- Представь себе, нет. Рассказала, где он родился, где крестился, о газетной и литературной деятельности, а о его драматической судьбе - ни словечка. Меня же так и подмывало задать вопрос о репрессиях, дирижером которых был Сталин. Тогда в редакции я был самым ярким противником вторичного пришествия кровавого горца, не скрывал своей ненависти к этому злодею и часто спорил с теми, кто испытывал к нему какие-либо симпатии.

Когда наступило время задавать вопросы, то наши молодые журналисты меня опередили.

- Имя вашего отца - Николай. Почему же ваше отчество не соответствует его имени?

- Когда нас вводили в права литературного наследства, то

На снимке: Николай Кочуров
(будущий известный
советский писатель-
мелекесец Артем Веселый).

отчество нам сделали по отцовскому псевдониму.

- Заяра Артемовна, а ваше имя не цыганское?

- Не цыганское и не русское. Отец любил и яркое слово, и необычные имена. Нас четыре сестры, и у всех имена необычны: Гайра, Фанта, Заяра, Волга.

- А вы можете объяснить, почему Артем Веселый взял такой псевдоним? В его произведениях больше невеселого, чем смешного.

- В начале литературной деятельности отец подписывал очерки и рассказы своим настоящим именем: Кочуров. Затем пошли псевдонимы «Артем Невеселый», «Лукиянов», «Лаптев» и, наконец, из Невеселого стал Веселым. С этим именем он и вошел в литературу.

- Скажите, а как вы относитесь к Сталину? - наконец дождался я своего часа. - Ведь не кто-нибудь, а именно Сталин был главным организатором убийства Артема.

Неожиданный вопрос привел гостью в некоторое смятение.

- Ну зачем так резко? - укоризненно поглядела на меня Маргарита Никандровна, видимо, не желая, чтобы разговор принял неприятное направление. Талантливая журналистка, она и сама не одобряла в душе многих волевых решений, диктуемых сверху, но умела сдерживать свои эмоции. Умела она уважать и чужое мнение, если даже оно расходилось с ее точкой зрения. Я до сих пор питаю к ней самые уважительные чувства.

Не захотела, видно, раскрывать душу и Заяра Артемовна.

- Сталин, конечно, личность очень сложная и противоречивая. С его именем связаны репрессии и тюрьмы, лагеря и расстрелы. Тяжело об этом говорить, но партия, слава Богу, осудила культ личности и... - Не договорив, она замолчала и смущенно обвела взглядом всех.

- ...И делает все, чтобы этого не повторилось, - иронически закончил я ее фразу затасканным идеологическим штампом.

Все рассмеялись, в том числе и сама гостья. Кто-кто, а уж она-

то прекрасно понимала, что родимая партия наоборот сделала все, чтобы морально реабилитировать Сталина, бесстыдно трубила о его «особых заслугах» в годы Отечественной войны и стыдливо умалчивала о роковых просчетах его бездарного руководства. Она же, родимая, наложила негласный запрет на всякое упоминание о сталинских репрессиях и других разбойничьих беззакониях. Не случайно по ее команде и была проведена всесоюзная чистка библиотек от книг времен хрущевской оттепели.

Думая об этом, я попытался «немую боль в слова облечь» и задал вопрос не столько Заяре, сколько тем, кто уже успел привыкнуть к замалчиванию правды о кровавой сталинской эпохе.

- Заяра Артемовна, я понял больше, чем вы сказали. В нашей семье никого не репрессировали, но тем не менее я ненавижу Сталина всеми фибрами души. Потому мне и неприятна пахса сталинского воскрешения. Это же кощунство над памятью миллионов жертв, растоптанных его сапогом. Скажите, Заяра Артемовна, а как на это смотрят москвичи? Неужели им все равно, что палач снова вознесли на кремлевскую божницу?..

Не знаю, что ответила бы на мою страстную тираду Заяра, но в это время в распахнутую дверь редактора М.Казанцевой заглянул кто-то из секретарей горкома, и встреча с дочерью писателя скоропалительно была закруглена.

Я проводил Заяру к редактору нашей районки А.П.Баширову и отправился на свое рабочее место, но через несколько минут редактор пригласил меня к себе.

- А разве на встрече редактора не было?! - удивился Валерий.

- Он в совхозе дойку коров контролировал.

- Шутишь или всерьез?

- Вполне серьезно. Районные власти издавна засылали в села наблюдателей. Они всегда были убеждены, что без их «ценных указаний» селяне не смогут «ни сеять, ни пахать, ни жать, ни думать, ни детей рожать». Вот и превращали многих в надзирателей. И после этого говорили, что каждый должен заниматься своим делом. Ну да хватит об этом. Пришел, значит, я к редактору, а он и говорит:

- Сопроводи Заяру Артемовну по местам, связанным с Артемом. Говорят, у тебя было много вопросов, вот попутно и выяснишь все.

Так почти два часа мне пришлось быть гидом Заяры.

Сперва мы побывали в типографии, которая находилась в том же небольшом здании, что и при Николае Кочкурове. Кроме двух линотипов, все остальное оборудование было здесь еще с

дореволюционных времен, даже многие шрифты ручного набора и линейки продолжали свою службу. И это произвело на Заяру неизгладимое впечатление. Погруженная в атмосферу полувековой давности, она тихо-тихо прошлась по цеху, сколько пальцами по старым печатным машинам, помнящим молодого девятнадцатилетнего редактора уездной газеты - ее отца.

После типографии мы поднялись на второй этаж Дома учителя, которое ныне занимает банк. А в девятнадцатом году здесь находилась редакция газеты и общежитие, где Николай Кочуров жил в одной комнате вместе с заведующим уездным отделом «Центропечати» В.В.Кисиним. Здесь, в бывшем доме купца Коробова, не была нарушена ни одна планировка комнат, и все это, словно в музее, доносило дыхание далекой эпохи, напоминая о знаменитых личностях нашего края.

Обойдя всю центральную часть города, мы возвращались в редакцию, оживленно разговаривая.

- Мы с вам, Заяра Артемовна, ходим как раз в те же декабрьские дни, когда полвека назад Николай Кочуров появился в Мелёкессе. Возможно, ступаем по его следам и повторяем его путь.

- И у меня точно такое же ощущение. Только вот не дай Бог повторить и его скорбный путь, - она помолчала и добавила: - Хотя, впрочем, его путь мне пришлось повторять не один раз...

Я понял эти слова, как боль человека, переживающего утрату отца, которого Сталин-садист вырвал из жизни в расцвете лет, потому и не переспросил Заяру, каким же образом она повторяла путь Артема.

- Заяра Артемовна, я часто задумываюсь над таким фактом: сотни тысяч людей были расстреляны по обвинению в покушении на Сталина.

В книге Роя Медведева «О Сталине и сталинизме» приводится интересный факт: в покушении на вождя был обвинен чекист Артузов и приговорен к расстрелу. Так он перед расстрелом кровью написал на стене камеры: «Честный человек должен убить Сталина». Наконец-то он разглядел звериное мурло кремлевского чудовища. И очень жаль, что не нашлось ни одного, кто решился бы по примеру народовольцев на отчаянный поступок. В Ленина стреляли, а на Сталина так никто и не поднял руку.

- Вы опять рубите напрямую? - упрекнула Заяра. - Не надо так. Не то сейчас время, сами видите. Утром я отмолчалась на ваш вопрос не потому, что сказать нечего. Ох, есть что сказать да нельзя, рот затыкают. Возрождение сталинщины, к сожалению,

совершилось, и в этом вы правы. Усы отца народов мелькали сперва на стеклах машин, а теперь он тигриной походкой во весь рост шагает по киноэкранам своей империи. И все такой же «мудрый и непогрешимый». И - ни слова о его беззаконии и произволе. И - ни слова о десятках миллионов жертв и сталинских лагерях смерти. Да что говорить: в следующем году издается однотомник Артема, предисловие к которому сделала я. Всего десять страниц и столько же раз мне пришлось их переписывать. Цензура прощупывала буквально каждое слово и цифру, чтобы я, упаси Бог, не проговорила о репрессиях тридцать седьмого года и не сказала, что отец стал жертвой сталинских палачей.

На площади Советов Заяра остановилась у театральной афиши:

- О, как у вас почитают Островского! - воскликнула она. - Всю неделю в театре идет спектакль «Поздняя любовь». Если у меня останется время, то постараюсь побывать в театре...

В редакции Заяру ждали журналисты ульяновского телевидения, решившие посвятить Артему Веселому специальную передачу с участием его дочери.

А вечером Заяра Артемовна присутствовала на занятиях литературного объединения «Черемшан», где состоялось ее

Евг. Ларин с коллегами-писателями на Пушкинских днях в с.Языково.

знакомство с наставником местных литераторов Иваном Дмитриевичем Хмарским. Но главной героиней вечера была молодая преподавательница пединститута Ирина Беликова, которая впервые вынесла на суд черемшанцев свои стихи.

Стихов у Ирины было довольно много и самого разнообразного «калибра» - это и небольшие поэмы, и светлая лирика, философские раздумья и веселые миниатюры. Словом, творчество Ирины было весьма многообразно, и каждая ее даже самая маленькая вещица дышала свежестью восприятия окружающего мира, и звучала как единая непрерывная исповедь души.

Слушал я Ирину и удивлялся: почему она так долго не давала о себе знать? Проявляла скромность и высокую требовательность к себе? Наверное, и то и другое. Правда, главную ее тему пока еще было трудно выделить, зато хорошо чувствовались свой голос, своя интонация, свое ощущение звука и красок слова. Она еще только всматривалась в астрономическое безбрежье высоты и, готовясь к взлету, пошевеливала крыльями. Не случайно же она в одном из стихов говорит, что «ожиданием полета мне ломит крылья за спиной».

Великолепно сказано! Образно. Емко. Точно.

Стихи вызвали всеобщее одобрение. А Заяра Артемовна сказала:

- Вы, Ирина, будете печататься и очень скоро. А если не возражаете, то пока я здесь, приготовьте с десятков стихов, я покажу их Д.Самойлову или А.Межирову.

- Ирина, - пошутил я, - отдавай, но не все. Не забывай уговор: первая публикация будет только в нашей районке.

Добродушно улыбаясь, Ирина протянула мне десятка два листочков разного формата.

- Стихи я записываю на любом клочке бумаги, а о настоящей рукописи пока еще не задумывалась. Да и стихи для меня - не главное. Пишу-то я о будничном, незаметном, о том, чем живу. Поэзия для меня всего лишь отдушина, нечто вроде дневника.

Забегая вперед, скажу, что первая солидная подборка стихов Ирины появилась в «Знамени труда» в марте 70-го года, и она стала одним из самых публикуемых у нас поэтов. А год спустя 19 стихов Ирины напечатал и журнал «Волга». Прошел еще один год, и в Саратове была издана первая ее книжка. А «Поэма о хлебе», вошедшая в этот сборник, красочно была издана отдельной книжкой для дошколят.

Такого быстрого взлета не знал никто из наших черемшанцев. Жаль, что своему крылатому Пегасу Ирина не дала большого

хода. Родители ее были математики, да и сама она окончила физмат Казанского университета. Вот, видимо, и трудно ей поделить себя между физикой и лирикой. На эту тему, кстати, еще в конце пятидесятых поэт Борис Слуцкий с грустью заметил: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Думаю, что слова эти к Ирине Беликовой не относятся. В ней, как в Ломоносове, прекрасно уживаются и физик, и лирик.

По пути к автобусной остановке я напомнил Хмарскому:

- Иван Дмитриевич, когда будет обещанная вами рецензия на новый спектакль драмтеатра?

- Через два-три дня принесу. На премьеру попасть не сумел и пойду в театр только завтра.

- Может, и меня прихватите в компанию? - спросила Заяра.

- С удовольствием, - обрадовался Иван Дмитриевич, - у меня как раз два билета. Так что давайте завтра около шести соберемся у Жени Ларина в редакции.

16.

По пути из института во второй половине следующего дня ко мне в редакцию стремительно вошел Иван Дмитриевич Хмарский.

- Жень, выручай, - начал он еще от двери, - иди вместо меня в театр. Вчера, ты сам знаешь, с Заярой мы условились идти на спектакль, но получилось так, что в шесть я иду на юбилей, где не быть мне никак нельзя.

- Господи, Иван Дмитриевич, да я и одет не для театра, - попытался было отговориться я.

Иван Дмитриевич обвел меня взглядом с ног до головы.

- Все прекрасно, в таком виде можно и в Кремль на прием. Так что вот тебе два билета и - добро пожаловать в храм искусства. А мне еще надо сувенир достать. - Пожав мне руку, Иван Дмитриевич торопливо скрылся за дверью, не оставляя никаких шансов для отговорок.

Позвонив домой, я сказал, что вернусь поздно и объяснил суть почетного поручения Ивана Дмитриевича.

А вскоре пришла и столличная гостья.

- Заяра Артемовна, придется вас огорчить, - начал я. - Был Иван Дмитриевич, просил передать вам извинение, что в театр пойти не сможет.

- А как со временем у вас?

- Мне и поручено быть вашим гидом снова.

- Да? Тогда с таким гидом я ничего не имею против...

В театре встретил я немало знакомых горожан и, когда мы с Заярой прохаживались по фойе, то кое-кто из них глазами и

мимикой выражали недоумение, дескать, с кем это ты, дружок?..

Возвращались мы, оживленно обсуждая игру актеров. По всему чувствовалось, что театр произвел на Заяру отрадное впечатление. Она тепло отзывалась об исполнителях главных ролей, о декорациях, интерьере театра и даже о самой публике. Мне же говорить хотелось совсем о другом, о том самом, что я пытался узнать еще накануне. Я выбирал момент, как бы удобней перевести разговор на другое. Но выручила сама Заяра.

- Между прочим, в Мелекессе Артем написал пьесу «Разрыв-трава». Да и в «России, кровью умытой» немало мелекесских страниц.

- Да, колорит нашего города и уезда в романе очень ощутим. Я легко узнаю и улицы, и села, и людей, и события. Роман Артема - это богатырская симфония революционной эпохе. Такая книга достойна самой высшей награды.

- Вот ему и дали высшую - расстрел. Пулю в затылок. Проклятье и забвенье на многие годы.

- И за что?

- Таким вопросом задавались десятки миллионов сталинских жертв. И не находили ответа. Одни из них были слишком талантливы, другие слишком преданы делу революции, третьи слишком много видели, что Сталин вероломно растаптывает идеалы, за которые они боролись. В их числе был и мой отец. Вот и свозили таких в подземелья Лубянки, где они исчезали навсегда.

Мы дошли до ярко освещенной площади Советов и медленно стали прохаживаться взад-вперед. Погода стояла тихая, безветренная. Дышалось легко, хотя в душе от разбуженных воспоминаний было неуютно и тревожно. Минуту-две шли молча, словно собираясь с мыслями.

- Когда я вижу цифру «37» на ценнике товара или на жилом доме, то всякий раз воспринимаю ее, как напоминание о зловещем тридцать седьмом годе, - первым заговорил я.

- А я, пожалуй, уточню: тридцать седьмой начался еще в ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОМ, - ответила Заяра. - Вот я до сих пор и дивлюсь чуду, что трагедия обходила отца целое десятилетие.

- И все-таки что же ему ставили в вину?

Заяра ответила не сразу. Она остановилась, задумалась и пошла снова.

- Говорят, перед арестом поэта Павла Васильева появилась мерзкая рецензия на его поэму. А рецензии тех лет были равносильно политическому доносу. Они зачастую давали оценку не произведению, а личности автора, отождествляя его с образом того или иного персонажа. Ну так вот в поэме один из казаков

Редакция районной газеты «Знамя труда» встречает гостей из болгарского города-побратима.

говорит: «Што за нова власть така - раздеал и разула. Еще живы пока в станице есаулы!» И критик делает вывод, что Васильев - сын казака и потому враждебно настроен к советской власти.

То же самое можно сказать и об Артеме. На его страницах «крамольные» выражения звучат еще хлеще. Ну, скажем, такие: «Я десять лет у кулака в работниках жил, а такого гнета над собой не терпел... Чекушкой меня, брат, не запугаешь: сидел шесть лет при царе, посижу и при власти узурпаторов»... И здесь, как видите, речь идет о власти, которая страшно не любит, когда ее задевают. Не случайно в августе тридцать седьмого в «Комсомольской правде» и появилась разгромная рецензия под обвинительным заголовком: «Клеветническая книга». О романе А.Веселого «Россия, кровью умытая». Даже сам заголовок звучал, как приговор, и отец понял, что черные тучи сгустились над его головой. Гроза приближалась с каждой минутой.

А в конце октября тридцать седьмого его арестовали. Рецензия «Комсомолки», конечно, была приобщена к делу. Какая ведь удача! Какое ценное пособие для чекистов! И голову ломать не надо, какое Артему «шить» обвинение. Все подсказал сам

заголовок: «Клеветническая книга». А раз - клевета, то на кого? Значит, на партию, на рабоче-крестьянскую власть, за которую... Да, да, гражданин следователь, за которую краском Николай Кочуров и воевал, и не единожды был ранен, и которая загнала его на тюремные нары. Вот уж поистине за что боролся, на то и напоролся.

А вскоре была арестована вторая жена Артема. Тут, Евгений Степаныч, необходимо сделать пояснение: наша мама с отцом развелись, когда мы с Гайрой еще под стол пешком ходили. Но отец с мамой и с нами всегда сохранял хорошие отношения. Он помогал нам, приходил с подарками, да и мы подолгу гостили у него на переделкинской даче. И вдруг все рухнуло, как после землетрясения: отец - «враг народа», и неизвестно, что с ним, мы - дети «врага народа», и неизвестно, что будет с нами.

Мы горячо любили своего отца и не верили роковому ярлыку, который налепили на него опричники власти. Считали, что произошло недоразумение, ошибка, которая рано или поздно будет исправлена, но проходили год за годом, а от отца по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Кто-то говорил маме, что ему дали десять лет без права переписки. И мы смирились с этой участью, не тая обиды ни на власть, ни на опричников НКВД, растоптавших имя отца, его честь и гражданское достоинство. Значит, отец допустил какую-то неосторожность, кроме книг, и власть не могла ему этого простить. Значит, остается терпеть и ждать. Хорошо хоть, что могли учиться в школе, и с нами была наша мама.

Но мама жила в постоянной тревоге и страхе ожидания ареста. Она знала, что жен и бывших жен узников Лубянки и Бутырок тюремные воронки по ночам увозят в неизвестном направлении, а про нее словно забыли. Мама уже была исключена из партии и долгое время нигде не могла устроиться на работу. Тогда она завербовалась в Узбекистан, но через год вернулась к нам. Шел сорок восьмой год, и в нашей личной жизни были перемены: Гайра заканчивала университет, а я стала студенткой пединститута.

Материально, как и многие, жили мы трудно, только на скудную стипендию. А тут маме повезло, она устроилась медсестрой в поликлинике, хотя и на мизерную зарплату. По характеру она была доброй, отзывчивой, и часто после работы жильцы дома и знакомые приходили к ней делать укол. Она никому не отказывала, давала добрые советы, ну и, как говорится, досоветовалась. Однажды больному посетителю она посоветовала достать американский пенициллин и добавила: «Он много лучше, чем наш». Ну, а патриотически настроенный сосед,

услышав это, донес, зная, что за недоносительство тоже сажают.

И маму арестовали, приговорив ее к восьми годам за «антисоветскую агитацию». Бедная мама, как это она могла забыть знаменитый лозунг: «Советское, - значит, отличное!» Как дорого ей обошлась эта забывчивость.

Я молчал и слушал Заяру, затаив дыхание. Я не задавал никаких вопросов, да они были и не нужны, ибо своим рассказом Заяра как бы предвосхищала их, и мне оставалось, как губке, вбирать в свою память все, что довелось услышать из самого точного первоисточника.

Погода резко переменилась. Подул пронзительный ветерок, разнося мелкие снежинки, и вдруг повалил такой густой мокрый снег, что мы бросились бежать в подъезд дома, где находилась наша редакция. Отряхнув с себя налипшие хлопья, я сказал Заяре, что готов слушать ее рассказ дальше.

- Дальше... А дальше пришел сорок девятый - наш с Гайрой «тридцать седьмой» год. Да и не только наш. В тот год Сталин продолжил еще больший шквал репрессий, который обрушился на всю страну. Дошла очередь и до нас, детей «врагов народа». Мы выросли без отцов и матерей, стали совершеннолетними и, стало быть, нас пора изолировать, загнать куда-нибудь к черту на кулички.

В апреле Гайра успешно закончила университет, и мы решили по этому случаю устроить маленькое торжество. Приготовили угощение и пригласили самых лучших своих друзей. Настроение у всех было веселое, праздничное. Тепло поздравляли дипломантку-сестру, шутили, смеялись, остроумничали. Время незаметно подкатило к половине двенадцатого ночи, и кое-кто поспешили уйти, чтобы успеть уехать. А остальные засиделись до двух утра.

И вдруг в дверь громко постучали. Мы подумали, что кому-то, видимо, не удалось уехать домой, и он вернулся к нам. Стук повторился, и я пошла открывать дверь. Щелкнула задвижка замка, и в комнату лавиной хлынули около десятка молодых военных, заполонив собой всю нашу коммуналку.

Офицер в погонах майора вынул из кармана листочек и обратился ко всем:

- Меня интересует Заяра Артемовна Веселая. Есть среди вас такая?

- Она вам и открывала дверь, - пытаюсь улыбнуться, сказала я.

- Вот и прекрасно. Не пугайтесь, но я пришел с ордером на обыск и ваш арест. Так что прошу побыстрее собрать самые необходимые личные вещи...

Мелекесские литераторы на осенне-полевых работах.

А минут через двадцать половина военных парней вывели меня во двор. Майор и остальные остались в комнате, и я решила, что они будут делать обыск. Парни посадили меня в машину, сели рядом со мной и черная «эмка» покатила на самую черную сатанинскую кухню страны, именуемую Лубянкой. Ехала я и думала: вот такой же ночью увезли когда-то моего отца, затем и мать, а теперь по безлюдным ночным улицам повезли и меня. Какое постоянство у наших советских карателей! С поразительной садистской пунктуальностью они соблюдают свой ночной разбойничий ритуал, увозя невинных людей в преисподню сталинского гестпо.

Через несколько дней я узнала, что и Гайра на Лубянке. А через месяц мы встретились с ней в бутырской тюрьме. Там вскоре нас стали вызывать для зачитания приговора. Как дочь «врага народа», я была приговорена к пятилетней ссылке в Новосибирск, а Гайра на такой же срок, но в Караганду. Горю нашему не было предела. Подручные палачи кремлевского горца были достойны своего рыбного пахана, который даже к своим родным был жесток и немилосерден.

Напрасно мы с Гайрой писали министру госбезопасности, упрашивая сослать нас в любое место, как сестер, но вместе. Просьба наша не была услышана.

- Вот слушаю я вас, Заяра Артемовна, и думаю: вам непременно надо писать об этом книгу, непременно! В ваших руках золотые россыпи, золотой материал.

- Эх, Степаныч! Кому сейчас нужно мемуарное золото

Заседание литобъединения «Черемшан» проводит И. Д. Хмарский.

каторжан, если новый генсек начал с уничтожения правды о Сталине, с уничтожения книг о сталинских лагерях и репрессиях? Ведь даже хрущевская оттепель быстро сменилась новыми заморозками. Вспомните-ка встречу Хрущева с творческой интеллигенцией, когда глава страны, размахивая кулаками, орал на поэта А. Вознесенского, не давая ему говорить.

А теперь вовсе велют зачеркнуть в памяти и пытки, и тюрьмы, и ссылки, и десятки миллионов растерзанных в лагерях людей. Об этом, кстати, в Москве ходит по рукам поэма Твардовского, в которой есть и такие строки:

Забыть, забыть велют безмолвно,
Хотят в забвеньи утопить
Живую боль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль - забыть!..
Напрасно думают, что память
Смолчав, пройдет сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую быль, любую боль.
Не голос памяти правдивой,
Таит БЕСПАМЯТНОСТЬ беду...
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

А разве окна памяти я смогу заколотить досками, если вся наша семья - жертвы и узники кремлевского бандита? Да и в ссылке я была с безвинными людьми, о которых нельзя забыть. Так, в далекое сибирское село, куда меня сослали, была сослана и сестра Марины Цветаевой - Анастасия. В ту пору, правда, я мало что знала о стихах Марины. У нас ведь ее тогда не издавали. А теперь хоть изредка издают, но я ее сборника пока еще так и не достала.

- Я поделюсь с вами. У меня две книги стихов Марины.

- Заранее спасибо. Это будет для меня большим праздником. (И я сдержал свое слово, о чем уже говорил выше).

На прощание Заяра сказала:

- Вижу, вы человек искренний и непримиримый к произволу властей. Это хорошо. Плохо, что вы горячитесь в споре. Надо знать, с кем спорить. Спор со сталинистом - безнадежное дело, только трата нервов. В годы ссылки я встречала таких. Бывало, смотришь: доходяга доходягой, а с пеной у рта защищает Сталина. Мы-де с его именем на смерть шли, потому и победили. Таким я говорила: «А Дмитрий Донской без этого имени на татар ходил и побеждал. И Невский, и Суворов, и Кутузов одержали немало побед, не зная имени «отца народов». Бесполезно. Таким дуболомам хоть кол на лбу теши.

Когда я вернулся домой, то жена сказала:

- А тебе звонил какой-то доброжелатель. Спрашивает меня: «Валентина Ивановна, вы уже пришли из театра?!» Я отвечаю, что совсем там не была. «А разве с Евгением Степановичем были не вы? Странно. Мы его на спектакле с какой-то мадамой видели...»

Я в очередной раз убедился в мерзости подлецов, чья подлость, как вселенная, вечна и бесконечна...

- Вот, Валерий, вкратце и все о моем знакомстве и беседах с дочерью писателя Артема Веселого. Думаю, что многое из рассказанного пригодится тебе, когда будешь продолжать серию очерков о знаменитых личностях Мелекесса. К тому же, таких сведений пока нет ни в предисловиях, ни в монографиях, посвященных творчеству широко известного писателя.

- А ты какого числа беседовал с Заярой?

Я задумался: в самом деле, какого? Знаю, что в декабре, а вот какого числа, запамятовал. По-моему было это в двадцатых числах, буквально в канун семьдесятых года.

Дома я внимательно просмотрел в блокнотах свои скупые записи и, не найдя даты, обругал себя за непростительную оплошность. А когда стал разбирать старые журналы, то наткнулся

*На встрече в районной редакции «Знамя труда» собрались по перу,
ульяновские писатели (слева направо): Евгений Ларин, Владимир
Дворянсков, Евгений Мельников и Абдулла Гарипов.*

на ноябрьский номер журнала «Новый мир» за 1963 год, на обложке которого была сделана мной пометка: «Воспоминания об Артеме».

Открыл нужную страницу и ахнул, увидев знакомый автограф: «Евгению Степановичу Ларину в незабываемый для меня день первого (и не последнего) посещения Мелекесса. Заяра Веселая. 19.XII.69г.».

Вот так находка! Сам у себя раскопал ценную реликвию, о которой подзабыл. Теперь я точно вспомнил, что надпись в журнале Заяра сделала мне сразу же после встречи в кабинете М.Казанцевой. А в театр мы ходили на другой день, 20 декабря.

Так что, друзья, берегите автографы. Они - тоже документ, а, стало быть, дополнительная частица нашей родной истории.

Конец первой части.

Абдулла ГАРИПОВ -

ЖИЗНЬ ЯВНАЯ И ТАЙНАЯ

Эта первая публикация новой повести А. Гарипова - еще одно подтверждение творческого долголетия димитровградского писателя. Удивительно то, что только выйдя на пенсию Гарипов начал осваивать новое для себя дело - литературную работу. Но уже через несколько лет его имя называли в ряду талантливых литераторов нашей области. Несколько журнальных публикаций, книги, прекрасные отзывы московских коллег... Как заслуженное - прием в писательские ряды СП России. И сегодня он продолжает свой труд, надеясь порадовать читателей новыми книгами.

Однако, сама жизнь Абдуллы Касимовича - еще недописанный приключенческий роман, который заслуживает особого прочтения. Рассказом об этом я и хочу предварить публикацию повести в «Черемшане».

Родом Гариповы из Оренбуржья. Там - в многочисленной татарско-казахско-башкирской диаспоре - фамилия это известная. Отец нашего земляка - Касим, - еще до 1917-го был крупнейшим специалистом-кожевенником и управляющим трестом «Кожсиндикат». Но и после революции его знания понадобились новой власти. И он становится председателем одного из первых татарских сельхозкооперативов. В 20-е годы возрожденные к жизни ленинской новой экономической политикой деловые люди Оренбуржья вновь приглашают управляющим в кожевенный синдикат Касима.

Работал тот эффективно и самозабвенно (на себя, ведь, не на общенародное и - ничье). Однако, в очередной поездке в Монголию на закупку кож, неожиданно заболел брюшным тифом

и умер, оставив на руках у жены Хадичи пятерых ребятнишек. Мать, как могла, тянула из нищеты детей, сначала подрабатывая на дому шитьем пальто и шуб, затем - работницей на швейной фабрике. Старалась дать всем образование, профессию. Старшая дочь Райса, имевшая торгово-экономический диплом, была направлена на работу в парторганы, сначала в Джамбульскую область, затем - в Киргизию.

Следующий за ней брат - Мидхат, в 1938-м году закончил Институт народного хозяйства им. Плеханова, но был направлен на службу в органы НКВД. Служил в Гомеле. В 41-м с боями отходил к Москве, где прошел соответствующую подготовку и в 1942-м был заброшен в тыл к немцам обратно на территорию Белоруссии. Перед наступлением наших войск вместе со своей группой чекистов совершал налеты на ранее разведанные места дислокации немецких абверкоманд (разведорганы), захватывая документацию спецназначения и оставшихся в живых абверовцев... Службу в органах закончил в звании полковника, в должности зам. министра госбезопасности республики Татарстан. Умер в 1980-м в Москве. Захоронен на Хованском воинском кладбище. Мидхат Касимович неоднократно бывал у нас в Димитровграде, где проводил отпуск у родственников.

Еще более интересна судьба второго старшего брата писателя Гарипова. Фатых закончил ФЗУ. Работая ремонтником авиадвигателей в Оренбуржском военном авиационном училище, занимался пилотированием самолетов в аэроклубе. Стал летчиком-инструктором. В 1941-м был направлен на дообучение в Харьковское авиаучилище летчиков-истребителей (эвакуированное в Ташкент). С 1942-го - фронтовая авиация. Десятки сбитых фашистов. Сотни пробоин в его собственной машине. Горел, падал (к счастью, на нашей стороне фронта), лечился в ташкентском же госпитале,

где ему вживляли на тело новые куски кожи... Последние месяцы войны находился в рядах 5-й Воздушной армии 2-го Украинского фронта. Освобождал Молдавию, Венгрию, Чехословакию. После войны служил в ЦГВ (Венгрия, Австрия), до 1948-го. Когда и приключилась с ним история, круто повернувшая всю его судьбу. Уже будучи командиром авиаполка Фатых вместе с другом выехал в командировку в Вену поездом Будапешт-Вена-Париж. В дороге угощались, поднесли и проводнику вагона. Тот, в ответ, принес бутылочку-другую «Палинки», после нее летчики крепко заснули да и проводник тоже. Проснулись уже на вокзале города Парижа. Погоревали, беспечно, по-фронтовому, махнули на случившееся рукой: где наша не пропадала! И отправились на экскурсию по столице Франции. Потом пошли заявлять о недоразумении в советское посольство. Правда, не учли, что поезд в обратном направлении шел только через неделю и все время, пока из посольства не сообщили об их судьбе, в авиавойсках шел интенсивный поиск командиров, пропавших вместе с секретными документами... Расправа за беспечность последовала сразу же, правда, не очень суровая по тем временам. Фатых был отправлен дослуживать на... Камчатку.

Уволившись из армии, Фатых Касимович переехал в Самару, работал до пенсии на авиазаводе. После чего перебрался в Оренбуржье. И он по несколько раз в году бывал у нас в Димитровграде.

Особого разговора заслуживает и судьба младшего брата писателя - Хасана. Парнишка закончил техникум, был призван в армию. С 1939-го на Балтфлоте, где и захватил его 41-й. Флот зимой вмерз в «Маркизову лужу» (залив), а личный состав его, переодев в черную форму и, объявив «морской пехотой», бросили в бой под Ленинградом. Это было последней весточкой от Хасана родне в то время.

Заканчивался уже и 46-й, а от балтфлотца - ни строчки. Ни живым, ни погибшим не могли отыскать его даже братья-чекисты. Проверяли уже и по спискам узников фашистских концлагерей - нет, и среди военнопленных не было Гарипова. И лишь когда сумел Хасан добраться до сестры Райсы, да и то случайно, - узнали в семье о его судьбе.

Воевал на многих фронтах. Окопник в

черном морском бушлате. Тринадцать раз был ранен, лечился в госпиталях. Но лишь под Будапештом (где сражался в небе Фатых), осколок фашистского снаряда всерьез и надолго вывел моряка из строя. Ранение в голову, потеря памяти на долгие месяцы, лечение в госпиталях 2-го Украинского фронта... Запоминал и адреса все. Добрался до Оренбурга, где соседи сказали, что мать и сестра в Киргизии. Поехал их искать. Нашел и еще несколько лет лечился от старых ран. Женился, поступил на работу в редакцию областной газеты в Таласе, дослужился до должности редактора. Был избран председателем горисполкома. Выйдя на пенсию, переехал в Казань. Умер в 1983-м... И Хасан Касимович хорошо знал и любил наш городок.

Наград у братьев Гариповых (боевых орденов и медалей) столько, что хватило бы, наверное, на целый воинский батальон.

Писательство... Возможно, у Гариповых это черта семейная. Правда, раньше брата-редактора «грешить» со словом начал именно нынешний

член СП России Абдулла Касимович. После школы он учился на филологическом факультете Казанского университета. И еще тогда преподаватели прочили талантливо излагавшему мысли письменно студенту писательское будущее. Все рухнуло, когда началась война. Абдулла попадает в саперные части на самом гиблом (географически и климатически) фронте - Северо-Западном. Дожди, болота, озера, грязи, сырые морозы зимой, - все это становилось причиной многих заболеваний, а главное - ревматизма, переходящего в сердечные болезни... Я не буду здесь излагать фронтовые истории солдата-сапера, комсорга, политрука Гарипова. Все это писатель передал в своей книге «Ильмень-озеро», которая заслужила множество добрых откликов.

Не буду я подробно говорить и о том, как Абдулла попал на службу во фронтовую контрразведку. Как служил под началом генерала Кравченко (героя интереснейшей борьбы с фашистской

агентурой в Тегеране, где он обеспечивал безопасность совещания Сталина с Рузвельтом и Черчилем). Как уже на территории поверженной Германии Гарипов вел разведигры с противниками из войсковых разведок США и Англии... Все это дотошно и подробно изложено в его новой повести, которую публикует наш журнал «Черемшан». Особые обстоятельства привели к тому, что Гарипов с семьей был переведен на службу в Поволжье. Здесь Абдулла получил наконец высшее образование, правда теперь юридическое.

Семья А.К.Гарипова перед отъездом из Германии

Так, от старшего опреуполномоченного Управления контрразведки Группы советских войск в Германии дослужился Гарипов до звания майора госбезопасности УКГБ по Ульяновской области в 1955 году. А вскоре он возглавил 1-й спецотдел КГБ на строящемся ядерном объекте в Мелекесе.

Это только на первый взгляд чекисты, стоявшие на охране тайн НИИАРа, были дилетантами, как в плохих детективах. И самому Абдулле Касимовичу пришлось проходить целый вузовский курс по ядерной энергетике и его работники имели специальное образование. Мероприятия свои они проводили, конечно, негласно, но широко и с полным знанием дела, специфики, а главное - людей. И по сей день о многом еще умалчивает

контрразведчик Гарипов, подавляя в себе Гарипова-писателя. Неохотно идет на разговор о той службе. Но из крупиц, эпизодов, воспоминаний, - можно сложить какую-то картину «тайного фронта борьбы» с разведками западных стран в нашем городе.

Недавно городская пресса освещала историю пребывания в Мелекесе известного американского ученого по трансурановым элементам и прародителя первой ядерной реакции в первом американском реакторе - Глена Сиборга. Но история эта освещалась как бы с одной научно-познавательной и краеведческой

стороны. Обеспечивал же пребывание американской делегации спецотдел КГБ под началом Гарипова. Причем, у Абдуллы Касимовича была оперативная информация, что Сиборга сопровождают и работники ЦРУ. Официальную часть обеспечивали специально «подведенные» к делегации оперработники, они ежедневно отчитывались перед Гариповым. А вот на прием, организованный дирекцией НИИАРа в честь Сиборга, Абдулла Касимович шел сам и «во всеоружии». Помнит он, как ажнули гости, увидев на столах дымящуюся уху из стерляди. Загомонили что-то по поводу экологической чистоты НИИАРа, если, мол, его деятельность нисколько не повлияла на проживание в Черемшане такой нежной рыбы, то и люди... Отговаривать и переубеждать их никто не стал. Хотя, уж Гарипов хорошо знал, что была разработана целая «стерляжья операция». Наши узнали, что такой рыбный суп - любимое блюдо Сиборга. И начальнику ОРСа С.Галанту было поручено добыть стерлядь. Договориться удалось только в Сурском, где она еще водилась, но как ее доставить в Мелекесс живой?

Положились на опыт и умение Галанта - он не подвел. Уху доставляли в спецбочках и удалась она на славу...

За столом все садились подле фамильных бирок (по рангам). Гарипову пришлось их переменить так, что сам он оказался между членом делегации Тейббом и переводчиком-американцем. Было известно, что оба они разведчики, причем, первый в звании генерала... Тейбб завел разговор с нашим чекистом о том, что он знает, когда и как пускали первый реактор, о том, что и Гарипов это контролировал, стал испытывать того на знание специфики ядерной терминологии. Абдулла Касимович понял, что игра идет почти в открытую и не преминул заметить, что Тейбб и сам принимал личное участие не только в семи государственных переворотах в Латинской Америке, но и в пусках первых реакторов в США. Генерал расхохотался и возразил только по первой части вопроса: а вам бы, мол, хотелось, чтобы у США под боком возникло еще одно союзгосударство? Так мило и «беседовали», сопровождая свои слова «уколами фактов» друг против друга. После приема в Москву ушло донесение об истинной принадлежности и «специалиста-ядерщика» Тейбба, и его переводчика.

Чтобы доказать, что чекисты-гариповцы из Димитровграда не зря свой хлеб ели: «прочесывая» промплощадку, курируя делегации или выезжая в составе спецов НИИАРа за рубеж, - достаточно сослаться на слова А.Гарипова о том, что в нашем городе были установлены и разоблачены двое разведчиков-нелегалов из Англии. Было установлено, что, например, один из них, будучи в командировке на ДААЗе, брал образцы почвы как у завода, так и у

НИИАРа. Что-то много и мелко записывал в продолговатый блокнотик, который хранил в специальном пояске на голом животе под брюками. Абдулла Касимович и сегодня тщательно скрывает техническую сторону операции. Но известно, что одному из лодочному сотруднику КГБ удалось на время завладеть блокнотиком. Сделали фотокопию, а подлинник подвесили незаметно обратно к животу англичанина... Об этом лично Андропову доложили, передали материал на дешифровку. Брали агента уже в Москве...

О том, что работа Гарипова с профессиональной точки зрения ценилась высоко, говорит факт, что перед выходом на пенсию Абдулла Касимовича на Лубянке принимал сам Андропов. Он же отмечал в приказах эффективное разоблачение димитровградскими чекистами английских агентов. Гарипову Андропов подарил кинокамеру с дарственной надписью от КГБ СССР, а в 1974-м Абдулла Касимович один из Ульяновской области был награжден знаком «Почетный работник госбезопасности» за № 549.

Здесь же следует сказать, что наш коллега-писатель хорошо знаком с известным киргизским писателем Чингизом Айтматовым. Дело в том, что Райса Гарипова во время войны патронировала семье Айтматовых, живших бедно. Помогала устраиваться на работу матери будущего писателя, помогала в учебе Чингизу, подкармливала его. Племянник Абдуллы Касимовича учился с Чингизом в одном классе. Встречи двух писателей происходили во Фрунзе и в Москве. Чингиз Торекулович высоко ценит литературное мастерство Гарипова. Помогал ему советами, написал большое и доброе предисловие к его повести, опубликованной в альманахе «Литературный Киргизстан». Об этом, я надеюсь, сам Гарипов еще расскажет нам в своем новом произведении.

Несмотря на то, что Абдулла Касимович начал писать поздно да и тщательно, что выливается у него в годы работы над каждой книгой, он многого добился и в этой - другой для себя - профессиональной работе. Я знаю, что дважды ульяновские писатели (поддержанные самарцами, оренбуржцами и москвичами) доказывали состоятельность писателя Гарипова на правлении Союза писателей России. Но... находились нелепые формальные поводы к отклонению его кандидатуры. По существу же - возражений не было! И, лишь спустя десятилетия, справедливость удалось восстановить усилиями Димитровградского писательского отделения. Теперь Гарипов без задоринки прошел м сковское «сито», он с нами по достоинству и таланту в рядах членов СП России. Творческого неувядания и долголетия Вам, коллега.

В.Гордеев,
русский писатель.

Абдулла ГАРИПОВ

Повесть

Глава I

В июне сорок шестого года капитан Лунев вернулся в Германию из своего первого послевоенного отпуска. Еще не было девяти часов в это утро, когда он пришел в свой рабочий кабинет на третьем этаже управления контрразведки. С августа прошлого года управление вселилось в старинное трехэтажное здание бывшего Потсдамского института благородных девиц.

Алексей открыл окно. Оно выходило на

парк Ной-Гартен с высокими вечно зелеными соснами. В палисаднике здания радостно щебетали птицы. Он отошел от окна, и в эту минуту внезапно птичьи голоса замолкли.

«Почему?» - подумал Алексей и посмотрел в палисадник из окна. Ему стала понятна причина внезапного исчезновения птичек. На утреннюю прогулку вывели в палисадник из подвала сидевших на гауптвахте офицеров контрразведки. Все они были без ремней, но с погонами: и с одним, и с двумя просветами. Алексей еще ни разу туда не попадал, но понимал, в любой день и он может оказаться в том подвале.

Многие думы одолевали его в то утро, утро возвращения к своей тяжелой службе. Опять постоянно недосыпать. Ведь рабочий день у них был такой долгий: с девяти утра до четырех часов дня, а потом перерыв «на обед и отдых», до восьми вечера, а затем продолжение рабочего дня до трех ночи. Да еще нередко в три не уйдешь, а засидишься за работой до восхода солнца. Но надо было доложить о возвращении из отпуска и Лунев направился в кабинет к руководителю их отдела подполковнику Леониду Ивановичу Сергееву, ЛИСу, как между собой сокращенно называли его подчиненные.

- Ну, как отдохнул? - спросил Сергеев с привычной улыбкой, всматриваясь в смуглое лицо Лунева, и добавил: - А ты загорел.

- Еще бы не загореть в солнечной Киргизии и степном Оренбурге, - ответил Лунев.

- А где еще побывал?

- Погостил в Москве, походил по усадьбе царей в Измайлове.

- Ну, садись и слушай. Прошлым летом, - заговорил Сергеев, - тебе удалось найти исчезнувшую машину генерала Малинина и его шофера, правда, мертвого. А теперь исчез вместе со своей машиной полковник Сахно, командир бригады. Контрразведчики бригады оказались шляпами. Об исчезновении Сахно они доложили только на четвертые сутки. Возьми машину, поезжай в бригаду, разберись там и доложи мне.

Лунев вместе с шофером выехал в Новопелиц, где стояла бригада. Жизнь и работа населения этого небольшого города была связана с заводом по производству бензина из каменного угля. Завод состоял из четырех технологических линий каждая длиной в четыре километра. С одного конца линии загружают уголь, а с другого - вытекает бензин. «Хозяином» этого предприятия тогда считался Сахно Альберт Львович, командир рабочей бригады, занятой на демонтаже завода для отправки в Советский Союз, в счет предъявленных Германии репараций. Сахно был крупным специалистом-химиком, до прибытия в Германию занимал руководящие посты в Министерстве угольной промышленности. Потому и направили его в Новопелиц, присвоив воинское звание полковника. Под его руководством здесь шли и демонтаж, и производство бензина по принципу: одну линию демонтируют, а остальные продолжают вырабатывать бензин.

В службе контрразведки бригады Лунева встретил ее начальник майор Бондарев, небольшого роста светлый блондин, с орденскими колодками на гимнастерке.

- В полиции поинтересовались? Не случилось ли что-нибудь с ним на дорогах? - спросил его Лунев.

- Да, в шуцполиции (полиция порядка) я сам побывал. В аварию он не попадал.

- А в окружной криминальной полиции были?

- Нет.

- Придется побывать. Ну, расскажите кратко о Сахно, о его поведении в Новопелице.

- На заводе заправляют свои машины и немцы. Не только заправляют, но и покупают бензин. Сахно, как все евреи, хорошо владеет немецким, и среди немцев у него появились обширные связи. Семью он не привез. Жена его живет в Москве. Он связался с одной молодой немкой, местной помещицей. Она часто на заводе заправляет свою машину и приезжает всегда одна, сама

за рулем. Так они познакомились. А дальше - больше, Сахно стал ездить к ней в усадьбу и даже на ночь оставался. Особого значения его связи с помещицей не придавали. На сбыте бензина Сахно начал греть руки, получая немалую наживу лично для себя. Мы заинтересовались его махинациями с бензином. Это привело к тому, что у Сахно появилась мания преследования.

- Или «на воре шапка горит», - заметил Лунев.

- Машину он водит сам, - продолжал майор. - Заметит позади себя любую машину и сразу принимает ее за «хвост», старается от нее оторваться. И вот купил он лично для себя подержанный «Хорьх». Это высокого класса машина, легко набирает скорость. На ней он запросто уходил от воображаемых «хвостов». В усадьбе его сожительницы я вчера побывал. Управляющий имением сказал мне: их хозяйка, фрау Лотта Брокдорф вместе со своей горничной Кетрин и полковником Сахно в субботу в полдень уехали в Берлин. Туда они ездят часто, в основном по субботам. Всегда возвращались в понедельник, редко во вторник, а сегодня уже четверг, а их нет. Чтобы узнать, не попали ли они в автомобильную катастрофу, он еще вчера побывал в шуцполиции. В аварию они не попадали.

- Ну, теперь поехали в криминальную полицию, - предложил Лунев.

В криминальной полиции их принял инспектор Вольфганг.

- Мы - офицеры службы безопасности, - представился Лунев, и оба они показали свои удостоверения личности.

- Слушаю вас.

- Не было ли в последнюю субботу убийств на территории нашего округа? - спросил Лунев.

- О, да, было убийство, - ответил инспектор и удалился в соседнюю комнату.

Через минуту он вернулся с папкой в руках, положил ее на стол, полистал страницы и показал фотоснимок.

На снимке Лунев и Бондарев увидели убитую молодую девушку. В пестром летнем платье, она лежала на траве, широко раскрыв глаза. Лунев и Бондарев рассматривали фотоснимок, а инспектор начал объяснять им:

- Мы установили личность убитой. Она - горничная помещицы Лотты Брокдорф из деревни Гласхютте - Кетрин Штебе, ей двадцать лет. Управляющий имением показал: в субботу, примерно в полдень, Кетрин Штебе вместе со своей госпожой и полковником, на машине «Хорьх», уехали в Берлин. Приблизительно через час горничная была убита в лесу, неподалеку от автодороги Штетцин-Берлин. Тело Кетрин

обнаружили сравнительно быстро. Каким образом? Лесничий вместе со своей собакой обходил свой лесной кордон и вдруг услышал выстрелы. Собака повела его по направлению звуков выстрелов. Так он вышел на поляну и увидел лежавшую на земле убитую девушку. Выйдя на дорогу, он остановил проходящую машину и быстро доехал в Новопелиц, оттуда позвонил мне. Вместе с лесничим мы скоро доехали до места происшествия. На поляне лежала мертвая девушка. Сделав фотоснимки, приступили к криминалистическим исследованиям. Нашли три гильзы от русского пистолета «ТТ»: одна на расстоянии семи метров, а две - около убитой. Первый выстрел сделан в спину, рана не смертельная, пуля пробила правое плечо девушки. Она, видимо, упала, при падении перевернулась на спину. А два выстрела сделаны в упор, сверху, в грудь девушки. На ее платье следы пороха. Накануне был дождь, а почва в лесу песчано-глинистая, и следы убийц четко отпечатались и нами зафиксированы. В имении мы взяли туфли госпожи Брокдорф и проверили. След от них идентичен следам женщины, стрелявшей в упор в лежащую девушку. Первый выстрел сделан мужчиной, это видно по следам его обуви - сорок второго размера. Если найти и эту обувь, то можно бы и эти следы тоже идентифицировать.

Лунев еще и еще раз рассматривал фотоснимок убитой девушки. Она лежит с раскрытыми глазами, в пестром летнем платье, зажав в левой руке пучок колокольчиков. Снимок получился очень четкий.

- Где сейчас находится тело Кетрин? - спросил Лунев инспектора.

- Пока в морге. Хотите посмотреть?

В пути Лунев кое о чем расспрашивал инспектора.

- Вы не интересовались, приезжали они в субботу в берлинский дом Брокдорфов?

- Да, проверял. По моей просьбе управляющий имением Брокдорф вознил в Берлин. Из берлинского дома Брокдорф ответили: они там не появлялись.

- Вот для нас вопрос, куда же они девались?

Инспектор предложил шоферу свернуть в лес, и машина оказалась на небольшой поляне.

День был такой же солнечный и тихий, как и в субботу. Слабый ветерок шевелил листья кленов и осин, покачивал синие колокольчики на поляне. Слышались радостные птичьи голоса. И в такой же солнечный день убита двадцатилетняя девушка, когда она собирала цветы.

У Лунева именно здесь возникла догадка: скорее всего фрау Брокдорф затеяла остановку в пути, чтобы заманить Кетрин на

эту красивую поляну для сбора колокольчиков. Что Сахно и фрау Брокдорф убили Кетрин, сомнений не вызывало.

В криминальной полиции Лунев взял копии протокола и фотоснимков с места преступления.

Прощаясь с инспектором, Лунев проговорил:

- К вам еще одна просьба: обратиться от себя к Берлинской криминальной полиции, чтобы они побывали в гараже Брокдорфов в Берлине якобы в поисках похищенной машины. А на самом деле узнать, не стоит ли там машина Сахно «Хорьх». Если эта машина там, не трогать ее. Сахно или Лотта могут еще и появиться.

Лунев вернулся из поездки в Новопелиц. При докладе Сергееву он положил на стол копию протокола криминальной полиции и фотоснимок убитой горничной Кетрин.

- Ее убили Сахно и его сожительница Лотта Брокдорф. Они стреляли в нее оба, из пистолета «ТТ». Первым выстрелил Сахно, а за ним Лотта Брокдорф. Из усадьбы Гласхютте они уехали якобы в Берлин в субботу в полдень, взяв с собой Кетрин. Примерно через час горничная была уже убита. Таковы выводы криминальной полиции. Переводить копию протокола мне некогда. Пусть переведут переводчицы.

- Каков мотив убийства? - словно сам себя спросил Сергеев.

- В криминальной полиции о мотиве ничего пока не говорят.

- А что ты думаешь?

- Мне думается, Кетрин, как горничная, много времени проводила в покоях своей госпожи и могла услышать какой-то разговор между ее хозяйкой и Сахно, чего ей не следовало знать. За это Лотта Брокдорф и Сахно могли вынести смертельный приговор и исполнили его по пути в Берлин.

- Что представляет из себя эта Лотта?

- Ей двадцать восемь лет, а мужу уже под пятьдесят. Сама она особа настырная, нагловатая. Видимо, не Сахно охотился на нее, а она его. Берлинский их дом в американском секторе, в пригороде Грюневальд, на Трабенерштрассе. Ее мужа, фон Брокдорфа, еще в конце прошлого года американцы посадили в тюрьму на пять лет за хранение огнестрельного оружия. Сидит он в тюрьме Шпандау, недалеко от своего дома. Мне думается, найти Сахно мы сможем только через нее.

- С чего думаешь начать?

- Думаю как можно больше узнать о ней по Берлину. Это, разумеется, трудно. Дом-то Брокдорфов в американском секторе.

Оба они минуту посидели молча. Первым заговорил Лунев.

- Леонид Иванович, вот сейчас только я вспомнил, как мы с вами «ужинали» в Берлине при восходе солнца второго мая прошлого года. Тогда вы меня спросили, для чего я записал с визитной карточки номер телефона и адрес Зоммера, адъютанта Гитлера. Я вам ответил: «на всякий случай».

- Ну и что из этого?

- Сегодня такой случай подвернулся. Я узнал, особняк Брокдорф находится в Берлине-Грюневальде, на Трабенерштрассе, через дом от Зоммеров.

- Ну и что из этого? - удивленно вскинул брови Сергеев.

- А то, что за годы своей жизни рядом с домом адъютанта Гитлера фрау Лотта, с ее настырным характером, не могла не навязаться на знакомство к супруге адъютанта фюрера. Не встретиться ли мне с Анной-Мари Зоммер? Может, она что-то расскажет о Лотте Брокдорф.

- Не возражаю, - ответил Сергеев. - Когда думаешь поехать?

- Сначала позвоню Анне-Мари и договорюсь о встрече с ней. Тогда и поеду.

- Если потребуется машина, скажешь мне.

- Машина не потребуется. Поеду на электричке, буду чувствовать себя свободнее.

Вечером Лунев позвонил по квартирному телефону Зоммеров.

- Хелло, - услышал Лунев голос Анны-Мари.

- Фрау Зоммер? Анна-Мари? - спросил Лунев и заговорил первым: - Здравствуйте, вас беспокоит тот человек, кто ночью второго мая прошлого года вас вместе с Эрихом довез до вашего дома в Грюневальде. Вы еще угощали меня бразильским кофе, а потом мы смотрели фотоальбомы. Вспомнили?

- Да, да, вспомнила.

- Как ваши девочки, и не вернулся ли Эрих из плена?

- С моими девочками все хорошо... И Эрих вернулся.

- Рад услышать о вашей семье. Фрау Анна-Мари, прошу вас не удивляться моему звонку. У меня сохранилась визитная карточка Эриха. Я потому побеспокоил вас, что мне необходимо лично поговорить с вами.

- Ну что же. Если не забыли наш дом, приезжайте.

- Благодарю вас. Но мне надо поговорить только лично с вами, нет не о вас и не о вашей семье. Разговор должен быть только наедине. Нам, наверное, можно встретиться в городе, пусть недалеко от вашего дома. Допустим, у станции метро «Зоопарк». Я могу подъехать на черный рынок в Тиргартене, что-то купить для себя. Не возражаете? Пусть это будет в воскресенье. В три часа дня я буду ждать вас у спуска в метро «Зоопарк».

- Хорошо, я буду там в это время.

В воскресенье, в начале второго часа дня, выйдя из станции метро «Зоопарк», Лунев направился на один из многочисленных берлинских черных рынков в Тиргартене. Он был в однобортном сером костюме, сшитом на заказ берлинским портным весьма высокого мастерства. На шее у него висел фотоаппарат «Цейс-Иконт». Не успел он окунуться в рыночную толчею, как перед ним появился сержант американец, бесцеремонно взял в руки фотоаппарат Лунева, спросил «Wieviel?» (сколько?) «Не продаю», - ответил ему Алексей по-немецки. На руках сержанта до локтей были нанизаны часы белого металла с браслетами. Алексей начал рассматривать эти штампованные, не подлежащие ремонту часы. В этот момент рядом с Алексеем появился пожилой китаец и показал ему швейцарские часы. Взяв в руки часы, Лунев спросил его о цене. В ответ китаец показал три пальца, что означало три тысячи марок. Не торгуясь, Лунев купил часы.

До встречи с Анной-Мари у него еще было время и он решил немного походить по рынку. Вон у трех полугрузовых автомашин «Додж» толпятся немецкие покупатели, мужчины и женщины. «Видимо, надоело берлинцам ходить в тяжелых, жестких костюмах и пальто из хольцштофа (деревянных тканей), - подумал Лунев. Но самая бойкая торговля шла с американских джипов, своего рода ларьков на колесах. Здесь можно было купить бразильский кофе, шоколад в плитках, консервы, сигареты. Истосковались берлинцы по натуральным продуктам. Во время войны ведь их посадили на эрзац-продукты по талонам: эрзац-хлеб, эрзац-колбасу, эрзац-жиры, эрзац-кофе, эрзац-сигареты.

Время приближалось к трем часам, и Лунев с черного рынка направился к станции метро «Зоопарк». Да, берлинский метрополитен восстановили еще в прошлом году. Немцы сокращенно называют его Убан (от слова Untergrundbahn - подземная дорога).

Ровно в три часа из станции метро «Зоопарк» показалась Анна-Мари Зоммер и сразу увидела ожидавшего ее Лунева.

Они обменялись приветствиями и направились в парк Тиргартен.

Сначала шли молча. Анна-Мари была в светло-сиреновом летнем платье с мелкими цветочками, в белых туфлях на высоких каблуках. Но больше всего Анну-Марию украшали ее темные волнистые волосы, перехваченные сзади заколкой.

- В ожидании вас я уже побывал на черном рынке, - заговорил Лунев.

- Фотоаппарат купили? - спросила она.

- Нет, он у меня давно. Часы себе купил, швейцарские.

- У американцев?

- У китайца, - и добавил: - В сегодняшнем Берлине кого только не встретишь. Берлин стал новым Вавилоном.

Анна-Мари, разумеется, думала о том, для какого разговора потревожил ее русский офицер.

- Фрау Зоммер, у нас появилась необходимость поинтересоваться личностью фрау Лотты Брокдорф. Вы много лет живете с ней по соседству и не можете не знать ее. Причем, не только в соседстве дело. Лотта фон Брокдорф по своему характеру не уступила бы возможности познакомиться с супругой адъютанта фюрера. Я прошу вас всего лишь кратко рассказать о ней: что она за человек, что она за женщина.

Лунев и фрау Зоммер сели на скамейку. Анна-Мари минуту помолчала, видимо, собираясь с мыслями, и заговорила:

- Лотту Брокдорф я знаю последние семь-восемь лет. В двадцатилетнем возрасте она вышла замуж за сорокатрехлетнего фон Брокдорфа, после смерти его жены. Детей у них не было. Да, она стала приходить ко мне и приглашала к себе. Особняк фон Брокдорфа куда солиднее и богаче нашего дома.

- Как вы думаете, почему она вышла замуж за старика?

- Я думаю, в погоне за богатством фон Брокдорфа.

- А что, она из бедной семьи?

- Да, Лотта рассказывала мне о своей семье. Жили они скромно. Отец ее артист цирка, акробат. Она единственный ребенок. Лотте был только один год, когда отец начал ее тренировать, а немного подросла, стал брать Лотту на гастроли. Девочка выступала перед публикой. После замужества она перестала выступать в цирке. Теперь ей уже двадцать восемь лет, но она легко может ходить колесом на ногах и руках. Лихо водит машину, отлично стреляет.

- Вы это говорите с ее слов?

- Сама видела, как она ходит колесом и как стреляет. Как-то мы были с ней на прогулке, и она повела меня в тир, упрекнув: «Что вы за жена офицера, если не умеете пистолет держать в руках». В тире она показала мне, как надо держать в руке пистолет. Лотта точно попадала в цель и получила тогда несколько призов - духи, помню, и какие-то куклы.

- А вы тоже стреляли в тире, фрау Анна-Мари?

- Стреляла, но ни разу в цель не попала. И больше не стала с ней ходить в тир.

- А где живут родители Лотты?

- Родители ее живут в Берлине-Шпандау. Я ни разу у них не была.

- А где теперь муж Лотты?

- Муж Лотты, фон Брокдорф, сидит в тюрьме Шпандау.
- И давно? Кто его посадил? За что?
- Его посадили американцы, на пять лет, за хранение огнестрельного оружия.
- Как отнеслась Лотта к аресту ее мужа?
- А никак. Она не горюет, будто ничего не случилось в семье.
- Она общается с американскими офицерами?
- О, да, американские офицеры бывают у нее в доме. Сама я не видела, говорю с ее слов.
- Фрау Анна-Мари, а что вы можете сказать о ней как о женщине?
- Фигура у нее девичья, спортивная - она не родила ни одного ребенка. Красит волосы: то она брюнетка, то блондинка и меняется неузнаваемо. Что она бесцеремонная, вы уже знаете. После выхода замуж за фон Брокдорфа она стала изображать из себя знатную даму, но у нее это получалось смешно.
- Да, может быть, это и смешно, когда вчерашняя артистка цирка играет роль знатной дамы.
- Лотта мне говорила, - продолжала Анна-Мари, - когда она в Шпандау училась в фольксшULE, у нее была юношеская любовь с одним одноклассником. Этот парень до сих пор ее любит и не женился. Но он из бедной семьи.
- Ну что же, фрау Анна-Мари, благодарю вас за интересную беседу. Прошу прощения за причиненное вам беспокойство. У вас, разумеется, невысказанный ко мне вопрос, ради чего я интересуюсь фрау Брокдорф? Несколько дней назад она бесследно исчезла, ее ищет немецкая криминальная полиция, о чем, видимо, знает и прислуга в берлинском доме Брокдорфов. В этой истории замешан один из старших офицеров нашей армии. Только по этой причине я и интересуюсь Лоттой Брокдорф.
- Лунев и Анна-Мари подняли со скамейки и по аллее направились к станции метро.
- Фрау Анна, пока мы в Тиргартене, разрешите сфотографировать вас на память, - сказал Лунев.
- Анна-Мари бросила удивленный взгляд на Лунева и спросила:
- Вы ради этого приехали в Берлин с фотоаппаратом?
- Нет, не ради этого. По воскресеньям я часто хожу с фотоаппаратом, особенно если отправляюсь в Берлин. Перед встречей с вами я заснял, с их согласия, трех юных девушек. Взявшись под руки, они шли по аллее Тиргартена навстречу мне. Такие улыбчивые, веселые.
- Вы что, фотографируете только девушек и молодых женщин?
- улыбнулась Анна-Мари.

- Что вы, только что заснял старого китайца, у кого я купил часы. Правда, увлеченно торгуясь с покупателем, он этого не заметил. А если говорить о женщинах, то в коллекции моих снимков много милых старушек из Потсдамского дома престарелых «Эммаусхаус».

- Я согласна, снимайте, - повернулась Анна-Мари лицом к Луневу и легким движением головы откинула назад свои роскошные волнистые волосы.

Лунев щелкнул фотоаппаратом и, предложив ей пройтись немного по аллее, заснял Анну-Мари в полный рост.

- Пока дойдем до метро, расскажите мне о ваших милых старушках из Потсдамского «Эммаусхаус».

- Как-то в воскресный день я иду с фотоаппаратом на шее по Лепцигерштрассе мимо дома престарелых «Эммаусхаус». Эти милые старушки выходят подышать свежим воздухом и часто сидят на скамейке перед входом. Знаете, скамейка всегда бывает полностью ими занята. Я обратил внимание, у всех у них такие красивые прически, что даже молодые женщины могут им позавидовать. Я попросил разрешения сфотографировать их. Они охотно согласились. В следующее воскресенье я принес им снимки. Представьте себе, в каком восторге они были.

- И я, наверное, окажусь в фотоальбоме рядом с вашими милыми старушками, - улыбнулась Анна-Мари и добавила: - Мне хотелось бы знать ваше имя, но я его не знаю. Офицерам безопасности нельзя называть свое имя?

- Почему нельзя - мое имя Алекс, - охотно ответил Лунев.

- Алекс, мы с Эрихом приглашаем вас на чашку кофе. Если не забыли дом наш, приезжайте.

- Спасибо, - ответил Лунев, понимая такое приглашение всего лишь как жест вежливости.

В понедельник утром Лунев докладывал Сергееву о своей встрече с Анной-Мари Зоммер.

- Теперь ясно, почему у Лотты Брокдорф не дрогнула рука всадить две пули в сердце своей горничной, - проговорил Сергеев.

- Ты подробно запиши все это.

Полиция проверила гараж в берлинском доме Брокдорф. А гараже стояли три машины, в том числе и «Хорьх» Сахно. Из этого стало ясно: в тот же день, после убийства горничной, Сахно и Лотта приехали в берлинский дом Брокдорфов, и, видимо, сразу же улетели на запад. А прислуге наказали, чтобы отвечали, будто их госпожа не приезжала. Теперь надо было проверить списки пассажиров в трех аэропортах западного Берлина.

- Кто будет проверять? - спросил Лунев Сергеева.

- Ну, конечно, не ты, а криминальная полиция, раз она ищет убийцу горничной. Я позвоню в бригаду, Бондареву, чтобы он передал об этом инспектору Вольфгангу.

В Берлине инспектор Вольфганг проверку списков пассажиров начал с аэропорта «Кладов», расположенного в английском секторе, совсем недалеко от дома Брокдорфов. Лотта Брокдорф и Альберт Сахно оказались в списке пассажиров, вылетевших в Гамбург в ночь с субботы на воскресенье. Они отправились не в американскую, а в английскую зону Германии.

Лунев доложил Сергееву о результатах проверки пассажиров берлинского аэропорта «Кладов».

- Надо думать, - сказал Леонид Иванович, - вряд ли они отправились из Кладова лишь потому, что он им ближе других аэропортов. Видимо, они подались в английскую зону не только для того, чтобы уйти от нас, но, возможно, и от американцев.

Лунев внимательно слушал Сергеева и в то же время думал о том, как же в Берлине найти того парня, с которым Лотта дружила в годы учебы в фольксшULE. За это также взялся инспектор Вольфганг. Ему, инспектору, стало известно, что до замужества Лотта жила в Берлине-Шпандау у своих родителей в многоквартирном доме. Найти дом, в котором живет известный акробат цирка, оказалось нетрудно, как и школу, где училась Лотта и ее друг юности Гуго Шеффер.

- Гуго, - заговорил с ним инспектор Вольфганг, - ваша подруга Лотта убила свою горничную, юную девушку, и скрылась. Мы ищем ее и обязательно найдем. Если вы узнаете, где она находится, скажите нам.

Трудно было Гуго братья за такое неприятное дело, но он понимал, криминальная полиция не отвяжется от него.

После исчезновения Лотты прошло несколько месяцев. И вот в середине сентября Гуго получил от Лотты письмо из города Ротенбурга, что недалеко от Гамбурга, в английской зоне оккупации Германии. Из того письма Гуго узнал, что они живут в небольшой частной квартире. На деньги, какие у них были, Альберт купил небольшой заводик по производству жидкого кислорода. Солидных доходов тот завод им не приносит. Они задумали купить для себя дом, но денег для этого не хватает. Лотта просит его, Гуго, продать все три машины, что находятся в гараже при берлинском доме Брокдорфов, а вырученные деньги привезти ей.

О просьбе Лотты Гуго рассказал инспектору Вольфгангу.

- В точности исполните все, о чем просила Лотта. Продайте все три машины и отвезите ей деньги.

Гуго так и сделал, отвез деньги Лотте в Ротенбург. По возвращении о своей поездке доложил инспектору: гостил он у них два дня. Лотта говорила, примерно через семь-десять дней они хотят дать объявление в газете о своем намерении купить дом. Машины они пока не имеют.

Получив такие сведения о беглецах, инспектор Вольфганг с тремя своими сотрудниками на двух машинах «Мерседес-6» и «Вандерер» выехал в Ротенбург. Как только приехали в Ротенбург, инспектор купил в киоске последние номера местной газеты и пробежал глазами колонки объявлений: «покупаю», «продаю». Вот объявление Лотты Брокдорф: «Куплю отдельный дом с двором и гаражом», с указанием номера ее телефона. Вольфганг записал в блокнот тот номер телефона, просмотрел колонку объявлений «продаю» и выбрал адреса нескольких продаваемых домов.

Из всех записанных им адресов он остановил свое внимание на одноэтажном белом особняке, с гаражом и двором, огороженным каменной стеной. Через решетчатые ворота он увидел во дворе гараж на две машины.

«Вот этот дом годится для исполнения моего замысла», - сказал себе инспектор и из телефона-автомата позвонил продавцу дома.

- Здравствуйте! - заговорил он, - я прочитал в газете, вы продаете дом на Гундлингштрассе. Можно ли его посмотреть, и когда вы найдете время для показа мне дома?

- Могу приехать примерно через час. Вы согласны?

- Да, да, я вас буду ждать около дома в машине «Мерседес».

Обе машины инспектора стояли немного в стороне от выбранного дома.

Через час к дому подкатила синяя «Оппель-олимпия». Из нее вышел высокий худощавый мужчина лет шестидесяти с непокрытой седой головой. Инспектор вышел из машины и направился навстречу владельцу дома.

- Здравствуйте, - с улыбкой приветствовали они друг друга.

- Это вы звонили мне?

- Да, это я.

- Желаете осмотреть дом? Так прошу вас, - пригласил владелец особняка, вытаскивая из кармана ключи. Открыв дверь парадного входа, через небольшую прихожую они прошли в оклеенную обоями просторную гостиную, совершенно пустую, без мебели. Только в уголке на тумбочке стоял телефонный аппарат.

- Пожалуйста, осмотрите весь дом, о цене будем говорить потом...

- Прошу прощения, я инспектор криминальной полиции и не

намерен покупать ваш дом, - перебил его Вольфганг, показав жетон на внутренней стороне лацкана костюма.

- Так что же вы от меня хотите? - удивленно поднялись седые брови владельца дома.

- С вашего позволения я от вашего имени сейчас позвоню неким покупателям с предложением посмотреть ваш дом. Но они, супружеская пара, не купят такой большой особняк. У них на это не хватит денег.

- Но позвольте, зачем же вы будете меня впутывать в ваши криминальные дела. Это совершенно не устраивает меня. Еще стрельбу здесь откроете, повредите мой дом.

- Да, эта супружеская пара представляет интерес для криминальной полиции. Но заверяю вас: ни стрельбы, ни крови, ни шума здесь не будет. Можете мне поверить. После моего звонка я буду ждать их, а вы просто посидите в кабинете, читаете газету. Вот, возьмите, пожалуйста, - инспектор подал ему газету. - Я только прошу вас открыть ворота, чтобы наши машины могли въехать во двор. И дайте мне ключ от парадной двери, чтобы я мог встретить тех супругов. Когда они приедут, буквально через несколько минут я верну вам ключи от дома и мы уедем.

- Согласен, я все сделаю, хотя вся эта ваша история мне не нравится, - ответил владелец дома, передавая ему ключи от входной двери, а сам направился во двор открывать ворота.

Оставшись один, Вольфганг позвонил по указанному в газете телефону. На звонок ответила Лотта Брокдорф. Инспектор от имени владельца дома пригласил их осмотреть дом. Фрау Брокдорф обещала приехать. Инспектор стал ожидать их, а владелец дома уединился в кабинете. Минут через сорок раздался звонок. Вольфганг посмотрел в глазок и увидел за дверью фрау Брокдорф и Сахно. Вряд ли они могли знать инспектора Вольфганга. Он никогда не ходил в полицейском мундире.

Сахно был в однобортном темно-синем костюме, а Лотта Брокдорф в коричневом платье из тонкой шерсти и легком светлом жакете.

Вольфганг пригласил их в гостиную, но не успели они осмотреться, как из прихожей вошли два сотрудника Вольфганга, вывернули назад руки Сахно и надели на него наручники.

- Я инспектор криминальной полиции Вольфганг, вы оба арестованы за убийство Кетрин Штебе, вашей горничной, фрау Брокдорф, - спокойно и негромко произнес инспектор.

Сахно и Лотта Брокдорф буквально ошеломенели, слова не могли произнести. На женщину не стали надевать наручники. Их в

ту же минуту вывели во двор и усадили на заднее сиденье «Мерседеса»: слева Лотта, в середине Сахно, справа, рядом с ним, сотрудник криминальной полиции.

Вольфганг постучал в дверь кабинета. Навстречу ему вышел владелец дома.

- Вы слышали что-нибудь в гостиной? - спросил его инспектор.

- Только звонок и как хлопнули двери. Больше ничего не слышал, - ответил хозяин.

- В чем я вас и заверял, - заметил инспектор, передавая ключи, и добавил: - Благодарю вас за помощь. Ничего не поделаешь, правосудие тоже требует жертв.

Вольфганг вышел во двор, уселся на переднее сиденье «Мерседеса», и обе машины тут же тронулись в путь. Ворота заперал владелец особняка.

В «Вандерере», кроме водителя, сидели два сотрудника Вольфганга. Они ехали позади «Мерседеса», дабы страховать его от возможных неприятностей в пути.

Инспектор Вольфганг решил ехать, минуя Гамбург с его двухмиллионным населением, опасаясь возможных осложнений с английскими военными властями. Он выбрал дорогу на Люнебург.

По обе стороны шоссе хлеба были уже убраны, крестьяне удобряли поля, разбрасывая навоз с конных повозок.

- Жарко, - сказала Лотта Брокдорф, сняла с себя жакет и положила на колени Сахно.

День стоял очень теплый, солнечный, без единого облака, с синим-синим осенним небом. И в машине не было жарко. Просто жару выдумала Лотта, лишь бы снять жакет, стеснявший ее движения. Незаметно, понемногу, она начала опускать стекло, а сотрудник Вольфганга, сидевший рядом, не обратил внимания на ее ухищрения. А дальше произошло такое, чего и вообразить себе было невозможно. Уже на выезде из Люнебурга Лотта на ходу выбросилась из машины вниз головой. Только ноги ее мелькнули. Опустившись на руки, она сделала сальто в сторону домов и на несколько секунд заметалась в поисках открытой двери в многоподъездном доме. Но ее фокус сразу увидели два сотрудника Вольфганга с «Вандерера». Они притормозили свою машину и настигли Лотту, схватили ее за обе руки, втащили в салон машины и усадили посередине, между собою. А ведь инспектор знал - до замужества Лотта была профессиональной акробаткой. Знал, но и подумать не мог, что она способна выкинуть такой фокус.

Обе машины приближались к зональной границе. Проехали Даненберг - последний город в английской зоне. С Сахно сняли наручники, Лотту пересадили в «Мерседес», приготовились к проверке документов.

У пограничного шлагбаума к машине подошли два английских солдата в касках. Проверка здесь сводилась лишь к сличению сходства человека с фотокарточкой на документе. Английские солдаты не умели читать ни русский, ни немецкий текст. Вроде проверка документов обошлась благополучно, но английский солдат долго всматривался: то в лицо Лотты, то на фотокарточку. Часового смущал цвет ее волос. На фотокарточке она была брюнеткой, а в машине сидела блондинка. Солдат, показывая рукой на нее, произнес слово «блонд», а на паспорте, как он выразился, «шварц». Но Лотта буркнула: «Фарбен», - тронув рукой свои волосы.

- О-о, фарбен, фарбен, - улыбнулся солдат, возвращая ей паспорт.

На пограничном посту в восточной зоне стояли русские солдаты, и проверка здесь обошлась без недоразумений.

Глава 2.

С утра Лунева вызвал к себе Сергеев.

- Криминальная полиция, - заговорил Леонид Иванович, - вывезла Сахно и его сожительницу из английской зоны. Они уже у нас, в следственной части. Дело Сахно будет вести майор Борисов. Ее после допросов о Сахно возвратят криминальной полиции, и она предстанет перед немецким правосудием. Ты присутствуй на допросах Сахно и его сожительницы. Но вопросов ни Сахно, ни Брокдорф не задавай. Только слушай.

- Евгений Петрович, - позвонил Лунев Борисову, - вы сегодня будете допрашивать Лотту Брокдорф?

- Если она интересуется тебя, приходи, Алеха, к пятнадцати часам, - ответил Борисов и повесил трубку.

В кабинете Борисова сидел переводчик старший лейтенант Гольдфарб. Лунев поздоровался, сел рядом с ним.

Борисов поднял телефонную трубку:

- Приведите ко мне Лотту Брокдорф.

Через несколько минут в кабинет вошла стройная молодая женщина ниже среднего роста, со светлыми, убранными сзади заколкой, волосами. Лицо миловидное, глаза голубые с темными ресницами. Одета она была в то же летнее платье, в каком ее привезли из английской зоны.

Лотта окинула спокойным взглядом всех троих офицеров:

майора, капитана и старшего лейтенанта. На ее лице Лунев не увидел ни растерянности, ни подавленности.

Борисов показал ей рукой на табуретку. После выяснения биографических данных Лотты Брокдорф Борисов задал ей вопрос:

- Где в настоящее время находится ваш муж?

- Мой муж, Генрих Брокдорф, сейчас находится в берлинской тюрьме Шпандау. Его посадили туда американские власти.

- За что и на какой срок?

- За хранение огнестрельного оружия, пистолета, на пять лет.

- Когда это произошло? И что вы знаете об обстоятельствах этого дела?

- В нашем берлинском доме иногда бывали знакомые мне американские офицеры. Один из них, майор, в рабочем кабинете мужа, в ящике письменного стола, совершенно случайно увидел пистолет «Вальтер» и спросил меня: «Чье оружие?» Я ответила: «Моего мужа». А когда Генрих приехал в Берлин из нашей усадьбы, американцы арестовали его и приговорили к пяти годам тюрьмы.

- Когда это произошло?

- В декабре прошлого года.

- А теперь объясните: когда, где, при каких обстоятельствах вы познакомились с полковником Сахно?

- Полковник Сахно руководил заводом в Нойпелице. Однажды я приехала на тот завод для заправки моей машины «Вандерер». Мне отказали, объясняя, что заправят только с разрешения полковника. Я обратилась к нему. Он не только разрешил заправить мою машину, но и распорядился постоянно заправлять ее. Я пригласила его приехать в мою усадьбу в Гласхютте. Он стал частым гостем у меня. Нередко оставался и на ночь, - добавила она.

- На допросах в криминальной полиции вы признались в убийстве вашей горничной Кетрин Штебе. За что вы ее убили?

- Кратко о причине убийства Кетрин не скажешь. Причина эта уходит в Берлин, - Лотта нисколько не растерялась, говорила ровным, спокойным голосом.

- Так, начинайте с Берлина.

- Как я уже вам говорила, в Берлине у меня есть знакомства с американскими офицерами. Те мои знакомства, как вы уже знаете, привели моего мужа в тюрьму Шпандау. О моих знакомствах с американскими офицерами знал и полковник Альберт Сахно. И однажды он мне говорит: «Лотта, я задумал уехать в Америку. Есть ли среди твоих знакомых американцев

люди, имеющие возможность помочь мне в таком деле?» Я пригласила к себе домой знакомого мне американского майора Кларка и познакомила его с полковником Сахно. Что произошло дальше, я знаю только из того, что мне говорил Альберт Сахно. Кларк познакомил его с другим американцем, подполковником Шнайдером. Вот ему-то Альберт высказал свою просьбу: помочь уехать в Америку, получить американское гражданство. «Американское гражданство надо еще заслужить», - сказал ему Филипп Шнайдер. «Как и чем я это могу заслужить?» - спросил его Альберт. «Давать нам секретную информацию о советских войсках в Германии», - ответил ему Шнайдер.

Альберт дал ему такое согласие и на той, первой встрече с подполковником Шнайдером написал ему информацию на двенадцати страницах. Шнайдер назначил ему новые встречи в Берлине и все требовал от него секретную информацию. Альберт заверял Шнайдера, что ничего сверх того, что он дал, не знает. Но Шнайдер от Сахно не отступался. Об этих своих неприятностях Альберт рассказал мне, и мы начали искать выход из этого положения. Он мне также говорил, что сам он находится под колпаком Советской контрразведки. Когда он ездил в Берлин, а он часто ездил туда вместе со мной, бывало, если увидит позади себя какое-нибудь авто, он называл это «хвостом» за ним, старался оторваться. Ради этого он купил себе скоростную машину «Хорьх» и на ней легко уходил от кажущегося ему «хвоста». Мы стали с ним обсуждать возникшую для нас проблему, как нам избавиться от преследований и со стороны американцев, и со стороны русской контрразведки. Однажды мы говорили об этом в моей спальне и Альберт мне сказал, что мы сможем уйти и от американцев, и от русских. Я спросила его: «Каким путем?» «Путем тайного побега в английскую зону Германии», - ответил он. О наших замыслах мы говорили в моей спальне в пятницу, а по субботам мы обычно уезжали в Берлин и свою горничную Кет я всегда брала с собой. Вдруг я заметила, дверь из спальни в мой будуар открыта и там находится Кет, чем-то занимается. Мы были озадачены, понимая, что она могла слышать наш разговор и сказать о том своим родителям или подругам, или может донести на нас властям. Как я уже сказала, Альберт был за наш побег в английскую зону, но против убийства Кет. Я же настояла на своем, и он сдался. Кет привыкла со мной ездить в Берлин и утром пришла ко мне в красивом летнем платье. Мы поздно встали, я долго прособиралась и выехали только около двенадцати часов. «Хорьх» Альберта несли по берлинскому шоссе. День был солнечный, тихий.

«Альберт, остановись здесь. Смотри, какая красивая поляна, - сказала я. - Кет, пойдем, нарвем букет цветов для Берлина». Оставив авто на обочине дороги, мы все трое вошли в лес. И увиденные нами цветы мне не понравились. Мне хотелось нарвать синие колокольчики, я увлекла Кет еще дальше в лес, на поляну. Кет бежала впереди нас и, срывая колокольчики, то наклонялась, то поднималась в рост. Я дала знак Альберту стрелять. Он вынул пистолет и выстрелил в Кет. Она упала лицом в траву, но тут же перевернулась на спину и молча смотрела на нас своими удивленными глазами. «Стреляй же!» - кричу я Альберту. «Не могу», - говорит он дрожащими губами, а пистолет трясется в его руке. Я с презрением крикнула ему: «Ты баба!» - вырвала из его рук пистолет, вплотную подошла к лежавшей в траве Кет и два раза выстрелила в левую часть ее груди, надеясь попасть в сердце. Кет лежала, зажав в левой руке синие колокольчики.

- Евгений Петрович, - обратился Лунев к Борисову, - разрешите мне задать вопрос подследственной Лотте Брокдорф?

- Разрешаю.

- Вы сейчас показали, что ваша горничная Кетрин могла услышать ваш разговор с Сахно о намерении бежать в английскую зону. Но ведь она могла и не услышать этого, а если услышала, возможно, не поняла, о чем идет речь. А вы вынесли ей смертный приговор.

- Я была уверена в том, что она слышала эту часть нашего разговора.

- Сомнительная уверенность, - сказал Лунев и еще раз обратился к Борисову: - Разрешите мне сказать слово Лотте Брокдорф не для протокола?

- Разрешаю.

- Я обращаюсь к вам, Лотта Брокдорф, - заговорил Лунев, - и напомню вам, как вы бросили в лесу Альберту Сахно оскорбительные слова: «Ты баба» и вырвали из его руки пистолет, чтобы самой убить Кетрин. Но разве нужно мужество, чтобы убить лежащую на земле раненую, истекающую кровью юную девушку? Скорее всего это не трусость, а искорку человечности проявил в это мгновение Альберт Сахно. Рана Кетрин от его выстрела была не смертельна. Без ваших выстрелов она осталась бы жива.

Слушая Лунева, Лотта насмешливо кривила губы, но Лунев продолжал:

- Родители Кет сегодня убиваются постигшим их горем. Она для них была единственной отрадой в жизни. У них два сына

погибли на фронтах последней войны. Ведь вы не могли не знать об этом. Как у вас поднялась рука на жизнь Кет? Вы же женщина. Она же ваша горничная, близкий для вас человек. А если бы вашу единственную дочь вот так зверски убили, как бы вы себя чувствовали?

- У меня не было детей, - разомкнула губы Лотта Брокдорф.

- Оно и видно, вам чужды подобные чувства, - заметил Лунев и повернулся к Борисову: - Я все сказал, Евгений Петрович.

На другое утро по внутреннему телефону Борисов позвонил Луневу:

- Алеша, сегодня буду допрашивать Сахно о Шнайдере, приходи.

- Нет, Евгений Петрович, сегодня не могу. Да к тому же, если говорить о Шнайдере, нам он известен. В наших войсках только Шнайдер выискивает евреев. Наверное, среди своих хвастался, вот завербовал, мол, советского полковника. Он, профессиональный разведчик, не понял, что это за полковник. Рядовой, необученный из запаса, после окончания войны, получив чин полковника, оказался в Германии. В наших войсках таких называют профсоюзными полковниками. Сверх того, что он написал Шнайдеру на первой встрече, он ничего не мог дать, как бы его ни преследовал этот американский разведчик. Я потом как-нибудь приду на допрос Сахно.

- Хорошо, Алеша, договорились. На допросах Сахно я учту твои замечания по Шнайдеру.

На другой день, войдя в кабинет Борисова, Лунев впервые увидел Сахно сидящего на табуретке перед следователем.

С приходом Лунева Сахно поднялся с табуретки. Это был мужчина выше среднего роста, худощавый, с бледным продолговатым лицом с острым подбородком. Его гладкие темные волосы были зачесаны назад, на висках седина.

- Садитесь, - сказал ему Борисов.

Сахно сел, не отрывая своего взгляда от Лунева.

На допросе в этот день разговор шел об американском разведчике подполковнике Филиппе Шнайдере, о том, как складывались отношения между Шнайдером и Сахно. Об этом Лунев уже знал из показаний Лотты Брокдорф, поэтому он задал Сахно лишь один вопрос. Не для протокола.

- Альберт Львович, не возникала ли у вас мысль о том, где, в каких угольных районах Советского Союза размещать демонтируемые в Новопелице линии синтеза бензина из каменного угля?

- Задумывался, но кто теперь будет считаться с моим мнением.

Скоро суд, и меня, может быть, ожидает высшая мера, - подавленным голосом ответил он Луневу.

Время шло. Дело Лотты Брокдорф вернули криминальной полиции, и немецкий суд приговорил ее к десяти годам лишения свободы. Законные владельцы имения в Гласхютте, супруги фон Брокдорф, оба оказались в берлинской тюрьме Шпандау. Наследников у них не было.

Состоялся суд и над Сахно Альбертом Львовичем. Военный трибунал группы советских войск в Германии за измену Родине, шпионаж, соучастие в убийстве, хищение государственной собственности осудил его к двадцати годам лишения свободы.

Прошло немного времени после окончания дела Сахно, Лунев вызвал к себе Сергеев.

- Гольдфарб перебежал к американцам, - объявил ему Леонид Иванович.

- Что? И Гольдфарба должен искать я? - спросил Лунев.

- Его не надо искать. Он в Берлине у Филиппа Шнайдера. Помнишь, еще до побега Сахно и Гольдфарба к Шнайдеру ушел переводчик военной прокуратуры Левенсон.

- Леонид Иванович, в перебежке Гольдфарба для всех нас кроется весьма серьезная неприятность, - проговорил Лунев.

- Что именно? - встревожился Сергеев.

- Он всегда ходил с фотоаппаратом на шее. И встретит на улице нашего брата, контрразведчика, обязательно щелкнет. И меня он заснял.

- Да, скверно получается, - заметил Сергеев. - Он, конечно, копил эти снимки для побега на Запад. К Шнайдеру пришел не с пустыми руками, а с целым портфелем таких снимков.

Уходя от Сергеева, Лунев думал о Гольдфарбе. Он хорошо его знал. В те годы ему было около тридцати лет. По внешнему облику он не похож был на еврея: светлый блондин, среднего роста, по-русски говорил без акцента. Как Гольдфарб осуществил свой уход к американцам? После побега Левенсона прошло всего несколько дней, и Гольдфарбу объявили о его откомандировании в Советский Союз. Рафаил Ильич стал собираться к отъезду на родину. Машину свою продал одному следователю за шесть тысяч марок, получил от покупателя деньги и попросил разрешения еще несколько дней поездить для подготовки к отъезду. И что же? На своей уже проданной машине, вместе с женой и двумя детьми, он укатил к американцам.

- Леонид Иванович, - вновь заговорил Лунев, - вот уже трех наших евреев прибрал к рукам Филипп Шнайдер. Неужели мы не можем выбить почву из-под его ног?

- Об этом думает высокое начальство, - ответил Сергеев.

Прав оказался Сергеев. Высокое начальство придумало: в кратчайшие сроки всех офицеров еврейской национальности, не исключая контрразведчиков, откомандировали в Советский Союз. Причем, до Бреста из отправляли с сопровождением. Из-за одного-двух отступившихся евреев, сколько честных и порядочных, ни в чем не повинных людей пострадало. Мало ли русских уходило на ту сторону.

После откомандирования евреев из Германии в Советский Союз Филипп Шнайдер покинул Берлин.

Сахно продолжал сидеть в тюрьме следственной части Управления контрразведки. Лунев стал уже забывать о нем, как Сергеев говорит ему:

- Сахно о тебе соскучился. Просит дать ему встречу с тобой. Договорись с Борисовым, что он скажет тебе.

Лунев позвонил майору Борисову.

- Приходи, Алеша, к пятнадцати часам. В моем хозяйстве найдется для тебя свободная комната.

В кабинет следственной части к Луневу привели Сахно. За те несколько недель, которые Лунев не видел его, Сахно поразительно изменился: похудел, постарел, осунулся. Если недавно седина была у него только на висках, то теперь она тронула и его густые, зачесанные назад, черные волосы. Алексею показалось, Сахно даже ростом стал ниже. Лунев знал: и Сахно, и муж Лотты Брокдорф люди одного возраста, оба они недавно разменяли шестой десяток.

- Слушаю вас, Альберт Львович, - обратился к нему Лунев, как только они сели.

- Перед своим логическим концом, - а я уже конченый человек

- мне хотелось бы написать письмо советскому правительству.

- О чем, позвольте спросить вас, Альберт Львович?

- О моих соображениях, как специалиста, по проблемам размещения на территории Советского Союза тех четырех линий демонтируемого новопелицкого завода синтетического бензина.

- Понял вас. Но на это я должен получить согласие моего руководства. Результат я вам скажу завтра.

На этом они в тот день расстались.

На другое утро Лунев доложил Сергееву о своем разговоре с Сахно.

- Я не возражаю, - заметил Сергеев, - но с одним условием: писать он должен только в твоём присутствии.

На другой день Лунев был в следственной части. Приготовил для Сахно бумагу, ручку. В кабинет к Луневу привели Сахно.

- Садитесь, Альберт Львович, - показал ему Лунев на приготовленный для него стол. - Мое руководство не возражает против вашего желания написать письмо нашему правительству. Но с одним условием, писать вы должны только в моем присутствии.

- Спасибо, - ответил Сахно и сел за стол.

Сегодня он выглядел чуточку бодрее. Был в свежей рубашке, чисто выбрит. Луневу казалось, Сахно свое письмо напишет за один день. Но... Писал он его полную неделю. Каждый день все написанное он отдавал Луневу, а когда закончил, его сочинение оказалось на семидесяти двух страницах.

Вместе с последним листом Алексей взял всю рукопись и показал Сергееву.

- Ты читал все это? - поднял Сергеев глаза на Лунева.

- Да, читал. А вы будете читать?

- Ты что! Где у меня время читать всю эту муть? Вот ты будешь читать и сочинишь проект письма министру за подписью нашего генерала. Твое сочинение должно уложиться в одну печатную страницу.

- Понял, Леонид Иванович.

- Ну, иди, пиши, - закончил Сергеев разговор.

У Алексея по работе других забот хватало по горло. Но, засиживаясь на службе каждый день до полуночи, а то и до восхода солнца, он сочинил письмо. Получилось оно у него на двух машинописных страницах. В письме Сахно были изложены его соображения, где, в каких угольных районах Советского Союза размещать демонтируемые в Новопелице четыре линии синтеза бензина.

Проект готового письма министру Алексей принес Сергееву. Леонид Иванович, бросив беглый взгляд на сочинение Лунева, сердито поднял брови.

- Плохо, разве тебе не было сказано- сделать на одной странице?

- Было сказано, - отозвался Лунев, - но не укладывается.

...Помучился, помучился Алексей и вновь принес Сергееву текст уже на одной странице с не большим продолжением на другом листе. Генерал подписал документ на имя министра, и письмо ушло в Москву.

Уже через несколько месяцев Сергеев показал Луневу полученную из Москвы копию письма от министра на имя Молотова.

- На, посмотри, - подал ему Леонид Иванович, - учись, как надо писать.

Письмо занимало менее половины печатной страницы.

- Но, Леонид Иванович, из одной страницы проще сделать половинку, чем из семидесяти страниц сделать одну.

То письмо Молотову привело к смягчению уголовного наказания Сахно до десяти лет лишения свободы. Ему доверили участвовать в размещении технологических линий в Советском Союзе.

Окончание следует.

Ирина БЕЛИКОВА

О ХЛЕБЕ ЧУДЕСНОМ

**Маленькая
поэма**

(Перепечатано с издания Приволжского
книжного издательства. Саратов. 1976)

Был пекарь как пекарь,
Совсем неизвестный,
Но хлеб, что он пек,
Оказался чудесный.
Такой, что уж если
Отведал кусочек,
Еще непременно
Отведать захочешь.

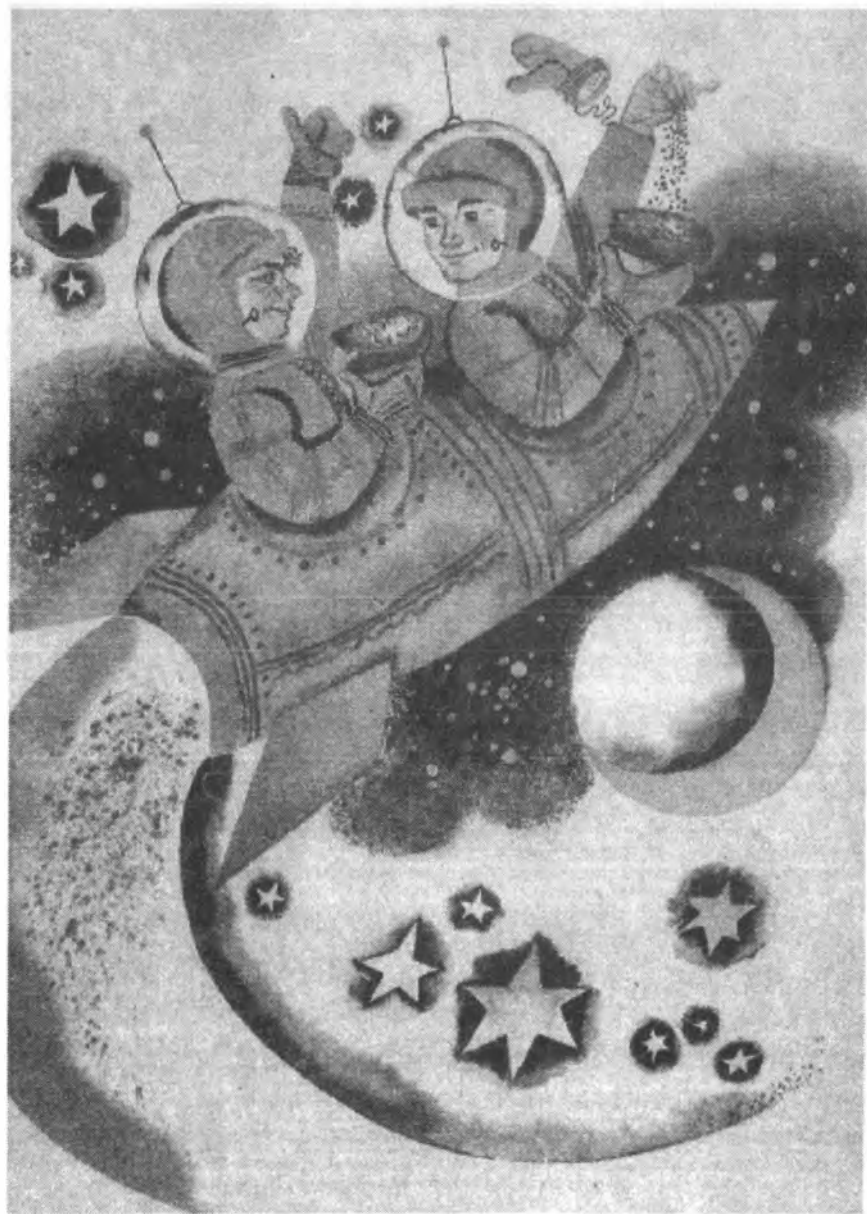
Батоны и булки
Уныло черствели,
О них позабыли,
На них не глядели.
Забыв о пирожных,
В кафе и трамваях
Все ломтики черного
Хлеба жевали.

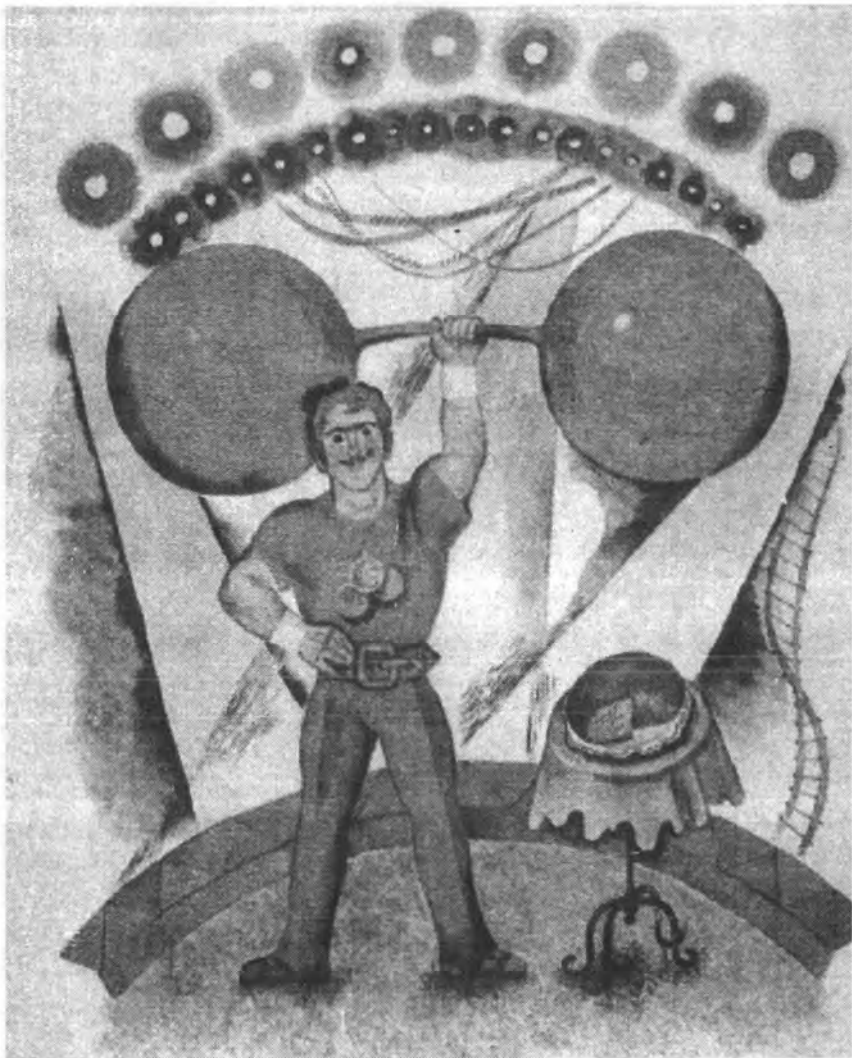

Ел каждый, как мог:
Космонавты - в ракетах,
Солидные люди -
В своих кабинетах.
Кто с луком, кто с солью,
Кто с красной икрой,

А кто просто так,
Запивая водою.
И каждый, кто ел,
Становился сильнее,
В работе усердней
И к людям добрее.

Создали о хлебе
Большую науку,
Смотрели на хлеб
В телескоп и сквозь лупу.

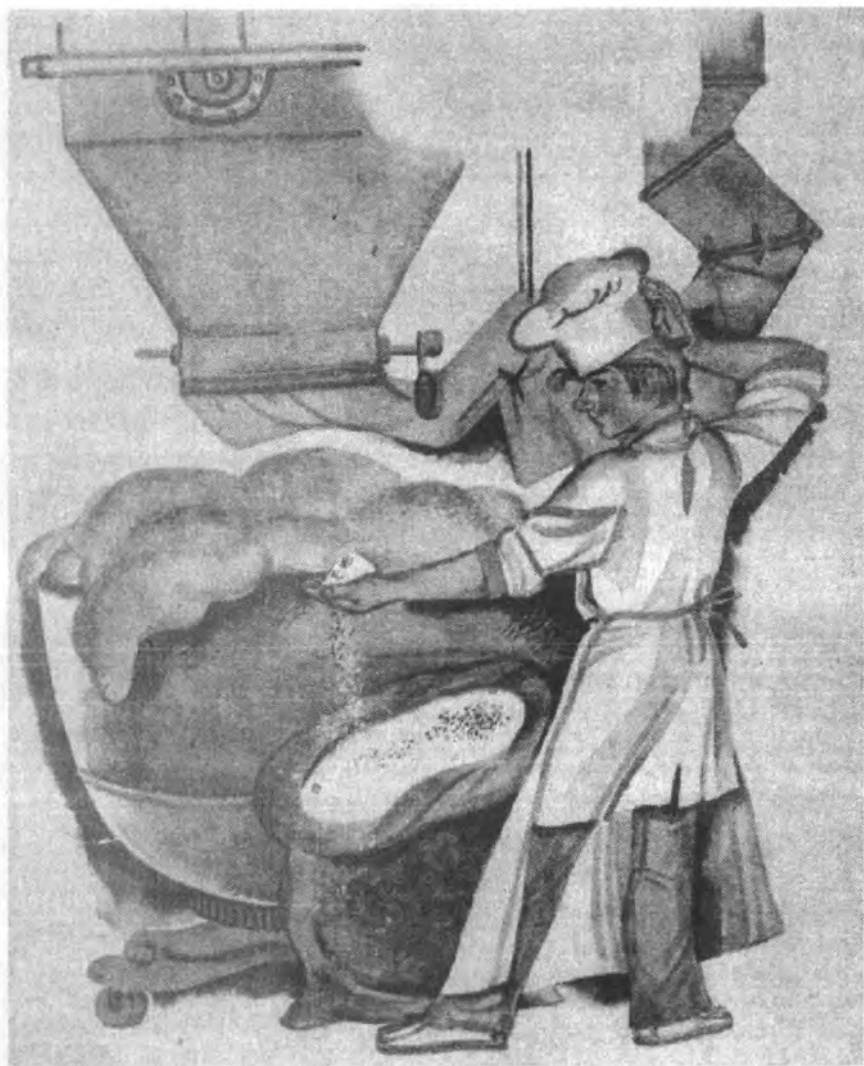
Крошили в пробирки
И прессом сжимали,
Задачи из ста
Неизвестных решали.

Устали. И, корку
Жуя на ходу,
С вопросами к пекарю
Грустно идут.

А пекарь сказал:
- Ничего я не знаю.
Быть может, мука
Мне попалась такая?

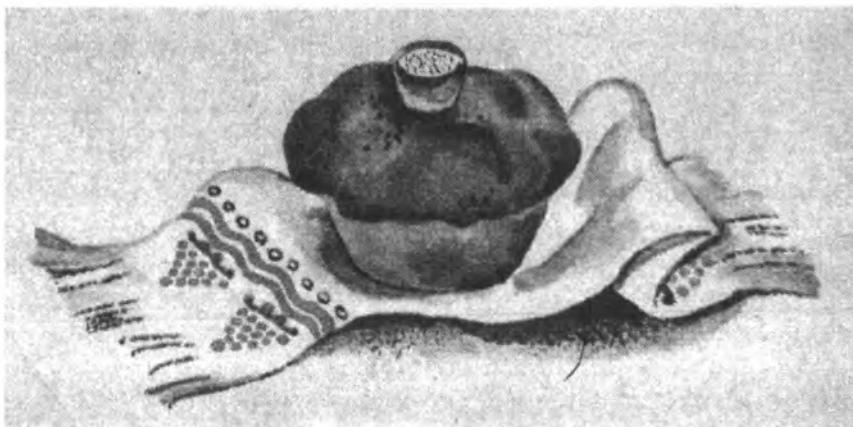
Но мельник ответил:
- И мне неизвестно.
Возможно, зерно
Это было чудесным?

Сказал хлебороб:
- И у нас нет секрета.
Спросите-ка землю
Вы лучше об этом.

Земля прошептала:
- Я только рождаю.
Вот руки людские,
Наверное, знают.

А руки... А руки -
Они промолчали.
Они о себе
Этим хлебом сказали.

Сергей СЛЮНЯЕВ

МЕЛЕКЕССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

——— **Опыт научно-
вспомогательного
указателя**

От составителя

Одним из самых распространенных заблуждений является утверждение, что большая культура и, в частности, литература, «делается» только в столицах. Нет, там она только созревает, а семена, всходящие потом в Москве или Петербурге, засеиваются в провинциальную почву, а в столицах происходит лишь «рафинирование» того «сахара», что вызревает в глубинке.

Богат талантами и Мелекесский край. Не будем пока оглядываться на признанных классиков русской (чувашской, татарской, мордовской) литературы, имевших какое-либо отношение к нашему краю, хотя одни их имена могут произвести должное впечатление. Сегодня перед нами иная задача.

Прервемся, однако, чтобы напомнить еще об одном заблуждении, сведенном в жесткой (и на 90 процентов неправильной) формуле: «Газета живет один день».

Периодический печатный источник информации не однодневка. Даже простая листовка. Если, разумеется, смотреть на печатную продукцию пытливым, аналитическим взглядом. Под таким взглядом обычная газета становится сокровищницей огромного количества ценнейшей информации об эпохе, людях... Внимательному читателю откроются (даже в самых на

первый взгляд невзрачных изданиях) бездны сведений самого разного характера. Например, о том, как шел литературный процесс.

Нашему городу в этом смысле есть чем гордиться - уж поверьте мне. Народ в Мелекессе-Димитровграде творческий и выражать свои мысли и чувства в стихах или прозе умеет. Убедился я в этом давно, поскольку уже не первый год веду литературную страничку в газете «Димитровград-панорама» (а до этого вел в «районке» «Знамя труда»). А поскольку по профессии я библиограф, появилась неистребимая мечта сохранить все художественные произведения, опубликованные нашими авторами в газетах, журналах, изданные в виде книг или вошедшие в коллективные сборники, запечатлев их в виде библиографических записей. В этом виде разрозненные, рассыпанные, распыленные сведения о том, что, кто и когда из мелекессцев опубликовал, будут сконцентрированы в одном месте. Разумеется, пользоваться такими «консервами» могут только самые внимательные и дотошные любители литературы, а также специалисты. Но ведь по большому счету именно для них-то все это и делается.

Для того, чтобы составить полноценный научно-вспомогательный указатель «Литературный процесс в Мелекессе и Димитровграде» (впрочем, вопрос названия сейчас не столь важен, важнее - тема, критерии отбора), необходимо проделать очень непростую, кропотливую, долгую работу по выявлению источников. И такая работа уже ведется. До завершения ее еще далеко, но, думается, интерес к указателю могут проявить уже сейчас: те же любители изящной словесности, краеведы, историки и т.д. Поэтому журнал «Черемшан» любезно предоставил площадь для публикации отрывков из будущей работы.

Повторяю, пока это только отрывки, рабочие материалы, и автор прекрасно осведомлен о том, что пробелов в публикуемой части много, ведь просмотрены далеко не все источники. К примеру, в публикуемой части отражены материалы газеты «Знамя коммунизма» («Димитровград-панорама») только за 1966, 1975, 1977, 1979, 1982, 1984, 1993-1998 годы (и то не из всех номеров: отсутствующие в доступных на данный момент составителю комплектах будут, конечно же, в дальнейшем найдены и просмотрены).

Составлен указатель в алфавите фамилий писателей. В окончательном варианте большинство (все - нереально) из «авторских гнезд» будут снабжены фотографиями авторов и

краткими биографическими справками, а также списком критических и литературоведческих статей, посвященных тому или иному автору. Внутри «авторского гнезда» материал расположен в хронологическом порядке, учитывается также тип издания - сначала идут сведения об отдельных изданиях, потом о публикациях в коллективных сборниках, а затем о публикациях в журналах и газетах. Будут указаны также переводы на другие языки и переводы этими авторами произведений, написанных на других языках. В описании каждой конкретной публикации (в основном это касается поэтических подборок) приводятся все произведения, включенные в нее.

Нужно особо подчеркнуть, что в готовящийся указатель (подчеркиваю, научно-вспомогательный) войдут библиографические записи ВСЕХ публикаций и изданий ВСЕХ местных авторов или авторов, оставивших заметный след в литературе Причеремшанья, независимо от регалий и заслуг этих авторов, или пристрастий составителя. Критерием включения художественного произведения в данный указатель будет сам факт его публикации.

Вот вкратце и все. Подробнее принципы отбора материалов и построения указателя будут освещены в полном издании, которое, надеюсь, когда-нибудь увидит свет. Это нужно не только дню сегодняшнему, гораздо больше в этом нуждается завтра.

Составитель

***Р.С.** Замечания и предложения составитель просит присылать в редакцию газеты «Димитровград-панорама» или в редакцию журнала «Черемшан». Кроме того, автор указателя был бы очень признателен всем, кто может оказать помощь в работе по его составлению: возможно, у кого-то сохранились подшивки газет, выходивших в нашем городе и районе; кто-то просто хранит отдельные периодические издания и книги с публикациями наших авторов; особенно неоценимую помощь окажут владельцы личных архивов. Заранее благодарен.*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А.П.

Антиалкогольное; Мари; Эпитафия; Невезуха; Неудавшийся пророк: [Стихотворения] / В качестве предисл. письмо авт. - Димитровград-панорама. - 1995. - 31 янв. - С.6.

«И может быть, дадим ему отпор»: Из цикла «Чеченская война» [Стихотворения: Узнал весь мир, что танки наши быстры...»; «Строить государство правовое...»; «Задремала в сугробах Россия...»] // Димитровград-панорама. - 1995. - 18 февр. - С.1.

По классическим мотивам: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5.

Времена года: [Стихотворения: Зима; Весна] // Димитровград-панорама. - 1995. - 18 апр. - С.6.

Ода российской реформе; Парламентские дебаты; На смерть В.Листьева; Памятный календарь; Из цикла «Чеченская война» («Любой трагической порою...»): [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 17 авг. - С.6.

Времена года: [Стихотворения: Лето; Осень (Отрывок); ...И о погоде] // Димитровград-панорама. - 1995. - 7 окт. - С.6.

«Выписывайте «Панораму»...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1995. - 12 окт. - С.1.

«Ты черепной своею твердью не поняла души моей...»: [Стихотворения: Сон; Оправдательный монолог] // Димитровград-панорама. - 1995. - 19 окт. - С.6.

Хокку // Димитровград-панорама. - 1995. - 23 нояб. - С.6.

Новогодние мечты; С Новым годом, страна!; Новогоднее: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 30 дек. - С.6.

Письмо женщине; Разрыв; Роман по-французски: [Стихотворения] / Рис. М.Н.Ларичева // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

Россия: Венок сонетов / От авт. с.4; Комментар. авт, с.4-5; Предисл.; Репр. с картины И.Глазунова // Димитровград-панорама. - 1996. - 27 апр. - С.4-5.

Великие и я: [Стихотворения: «Явив талант и благородство...»; «Когда из ванной в час вечерний...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 7 июня. - С.6.

Парнасские выси: [Стихотворения: Разговор с Музой; «Я жрать хочу! Чего же боле?..»; «Мне нравится, что Вы больны не мной...»; Вернисаж; Букет] / Рис. // Димитровград-панорама. - 1996. - 13 июля. - С.10.

О, времена! О, нравы!: [Стихотворения: Роман по-английски; Баллада о коммунистической любви; «Погляжу направо и налево...»; Золотая рыбка; «...И это тоже «господин»?!»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

Времена года. Осень: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1996. - 28 сент. - С.6.

Всю жизнь старался я смеяться, чтоб слез не показать своих: [Стихотворения: «Я в душе похож на Джеймса Бонда...»; «Шел американский фильм в кино...»; «Поев недосоленного картофеля...»; Мужики и бабы; Автоэпитафия] // Димитровград-панорама. - 1997. - 1 апр. - С.6.

АГИБАЛОВ А.

Я жалею: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 23 февр. - С.3.

Письмо к матери: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 16 марта. - С.2.

АДАЙКИН Андрей

Аве; «По улице прощально ливень шел...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.3.

АЛЕКСАНДРОВ Н. (см. Никонов Александр Федорович)

АЛИЕВА Нонна Викторовна

Убийство в стиле блюз: Повести. Авт. вариант / Редактор В.Гордеев; Фото и коротко об авт., 4 с. обл. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекес», 1997. - 44 с., ил. - (Книга сер. «Литературный Димитровград. Проза»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: Убийство в стиле блюз: Повесть-расследование; Фата-моргана: Фантаст. повесть.

Маргарита; «Я дошла до конца. Кто дошел до конца - тот сгорел...»; «Гляделась я в тебя одно мгновенье...»; «Вечер. Летний кинотеатр...»; «И снова день, в котором будет так...»; Восхождение; «Как хорошо не дни - шаги считать...»; «Если б я была Мефистофелем...»; Зеркала: [Стихотворения] / Фото // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.3.

Ностальгия: [Новелла] // Димитровград-панорама. - 1992. - 4 янв. - С.2.

Фантом: [Роман] / Краткое предисл. // Димитровград-панорама. - 1993. - 8 апр. - С.3. - 25 мая. - С.3.

Пока бьют часы: Рождественская новелла //Димитровград-панорама. - 1994. - 1 янв. - С.5.

Фата-моргана: Рассказ //Димитровград-панорама. - 1994. - 1 февр. - С.7.

Из новых стихов: [«Город спит, и луна однорогая...»; Подражание Ахматовой; «Я буду как верблюд жевать колючки...»; Воспоминание о...; «За тыщи миль, за сто веков вперед...»; «Если я все же умру, то не...»; «Любовь? Но что любовь такое?...»; «Я знаю время - время все рассудит...»; Неначатое интимное стихотворение; Неоконченное патристическое стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1994. - 8 февр. - С.7.

Убийство в стиле блюз: Повесть //Димитровград-панорама. - 1994. - 14 апр. - С.7. - 19 апр. - С.7. - 21 апр. - С.7. - 26 апр. - С.7. - 28 апр. - С.7.

Она: Новелла //Димитровград-панорама. - 1994. - 1 окт. - С.5.

Вчера: Новелла //Димитровград-панорама. - 1994. - 26 нояб. - С.13. - Под псевд.: Н.Викторова

И падал снег...: Новелла //Димитровград-панорама. - 1994. - 29 дек. - С.12.

Фантом: [Роман] /Краткое предисл.; Рис. А.Шевченко //Димитровград-панорама. - 1995. - 4 мая. - С.6. - 6 мая. - С.5. - 11 мая. - С.6. - 13 мая. - С.5. - 16 мая. - С.6. - 18 мая. - С.6. - 20 мая. - С.5. - 23 мая. - С.6. - 25 мая. - С.6. - 27 мая. - С.5.

А я всех вас знаю: Иронические стихи [«Как человеку плохо - крикнет «мама»...»; «Ах, капитан, я знаю все про вас...»; «Ты был со мной в Египте и в Вероне...»; «Я чувствую себя прекрасно...»; Исповедь; Наоборот] //Димитровград-панорама. - 1995. - 12 сент. - С.6.

И дождь пошел...: [Рассказ] //Димитровград-панорама. - 1995. - 19 окт. - С.6.

Там, в зеркалах...: Рассказ /Рис. А.Шевченко //Димитровград-панорама. - 1995. - 21 дек. - С.7. - 23 дек. - С.6.

Не делайте ссылок на поэтов: [Стихотворения: «Осень дождь выжала...»; «Родится Знание из запретов...»; Тоска; Фотограф; Почти по Эдгару По; «Я знаю: кончится зима...»; «Осень осиною стонет...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 6 февр. - С.7.

Когда-нибудь: Рассказ //Димитровград-панорама. - 1996. - 5 марта. - С.7.

Есть начало: [Стихотворения: «Бог с вами, со всеми...»; «После конфет...»; «Солнцу не лень...»; «...И уронили охапку лилий...»; «Не зарекайся...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 6 июля. - С.10.

«Свечу мою не время загасило...»: Откровенные стихи [«Я знаю

наперед прологи и развязки...»; Памяти Олега Дая; ...Игоря Талькова; «Святки. Полночь. Замерзший пруд...»; Игрушечный поезд; «Над миром - конфетти и смех...»; «Я дошла до конца...»; «Тушик. Предел. Окраина Судьбы...»; Книга (Жизнь); Казанова; *Finita*...; «Если я все же умру, тоне...»; «За тыщи миль, за сто веков вперед...»; Неожиданные стихи: «Жизнь так прекрасна, этого ради...»; «И вновь апрель, и мир дурманом дышит...»; «Сто веков на исходе...»; «Рассвет прикинулся больным и бледным...»; «Буду смотреть, как ливень листаает...»; «И мама, и детство...»; «В ночном кафе у синих китарисов...»] /Фото //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.87-93.

Под псевдонимом Макс Кронин:

- Если вы проголодались...: Фельетон // Димитровград-панорама.
- 1993. - 6 нояб. - С.5. - Указан: Кронин В.
Бюро знакомств: Письмо в деревню // Димитровград-панорама.
- 1993. - 11 дек. - С.4.
Замкнутый круг: Разговор в автобусе // Димитровград-панорама.
- 1993. - 11 дек. - С.4.
Психотерапия: Письмо в деревню // Димитровград-панорама.
- 1994. - 18 янв. - С.7.
Здравствуйте, я ваша тетя!: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1994. - 8 февр. - С.7.
Крик души, или Письмо на телевидение // Димитровград-панорама. - 1994. - 1 окт. - С.5.
Недостающее звено, или В астрале все спокойно: Фельетон / Рис. [Vova] // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.5.
И ты, Рут!: Фельетон / Рис. Д.Хамидуллина // Димитровград-панорама. - 1996. - 25 апр. - С.4.
Ку-ку: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1996. - 7 июня. - С.6.

АЛИКОВ Радик (с.м. Радецкий Ростислав Александрович)

АЛЬГИНОВ Илья

Хлебный фронт; Подарок: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

АНДРЕЕВ Н.

Тебе: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

АРТАМОНОВ Леонид Трофимович

Письмо жене: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1996. - 7 марта. - С.1.

«И тучи скользят, уплывая, как годы...»: [Стихотворения: Попрошайка; Письмо с фронта (с фотографией); Осень] / Фото, с.43; Коротко об авт., с.38 //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С. 43-46.

АРТАМОНОВ Ростислав

Обгоняя мечту: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 1 мая. - С.1.

АРХИПОВА Нина Матвеевна

Осень: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.
Первой учительнице: [Стихотворение] //Дмитровград-диалог. - 1994. - 26 янв. - С.3.

БАБУКА Я. (см. Радецкий Ростислав Александрович)

БАЗАРОВ Андрей

Россия: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 27 янв. - С.4.

БАЛАЛИН Юрий Вячеславович

Исключительная Снегурочка; Отмазка новогодняя: [Стихотворения] //Дмитровград-панорама. - 1995. - 30 дек. - С.6. - Подпись: Дедморозкин.

БАРОНКИН Юрий

Пожелание: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 1 янв. - С.3.

Женицам: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 7 марта. - С.3.

БЕЗРУКОВА Наталья

Ночная тайна; Что же будет жить?: [Стихотворения] //Дмитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

БЕЛИКОВА Ирина Ивановна

Городишна: Первая кн. поэта /О себе, с. 1; Художники О.И.Разогреева, В.К.Иванов; Фото, с.2. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1972. - 31 с. - (Первая кн. поэта). - Тираж: 10 000 экз. - Содерж.: Осень; Кружева; Сотворение мира; «Ты помнишь, как в Сибири вечерами...»; Февраль; «Который час, который час?...»; «Ты думаешь, что все остановилось...»; На Тишегру; Октябрь; «Уходят птицы. Ты не верь им...»; «Когда зима

окно завесит...»; «Белый снег уже растаял...»; Баня; Чекулаевская молодуха; «Я тебе отдам свой глаз...»; Май; «Не держи ты в комнате меня!...»; «По зеленому холму...»; «Мы стали жить, не замечая...»; Горошина; Ваза; Друг; О смерти; Дедал и Икар; Нике; Осенний день. Соколыники; «За окном река и поле...»; «Блестит алмазно снежный пласт...»; «Законам белой геометрии...»; Баллада о хлебе; Изобретатель огня; «Поэзии сияющая сила...»

О хлебе чудесном: [Стихотворение для детей] /Художник С.Б.Миронова. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1976. - 16 с., ил. - Тира : 100 000 экз.

Ода му ъям: [Стихотворение] //Строитель. - 1980. - 5 марта. - С.3.

БЕЛОВА Александра Георгиевна

Украинская песня: [Стихотворение. На рус. яз.] //Братний перегук: Поезія. - Львів: Каменяр, 1980. - С.21-22. - На укр. и рус. яз.

Вечность; Сумерки: [Стихотворения] //Истоки: Альманах. - М.: Мол. гвардия, 1983. - С. 362-363.

Помни; Миг; Маме; Мусе Джаалилю; Осенняя песня; У моря; Вечность: [Стихотворения] /Коротко об авт., с. 118 //День волжской поэзии. 1983. Ульяновск. Пенза. Саратов. [Сборник]. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. - С.118-122.

Маме; Городу Минску; Мать Ильича; О войне; Снега; У Волги; Мусе Джаалилю; «Когда любовь привычной станет...»; Без меня; Осенняя песня; Помни; Сумерки; Зрелость; Гроза; «Гляжу я на осеннее убранство...»; Ссора; Уходит друг; У моря; «Желтые листья на белом снегу...»; Иней; Падает снег; Вечность: [Стихотворения] / Рис. Л.Безрученкова //Три встречи: [Стихи]. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984. - С. 23-38.

Соната Бетховена; «Добро ко мне приходит или зло...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

Робот: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.

Землянину: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.

У моря: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3.

Когда в колыбели...: [Стихотворение] /Фото //Знамя коммунизма. - 1979. - 8 марта. - С.4.

Рождение дочери; Осень: [Стихотворения]; Стихи для детей: [Хомячок; Утро; Уколы; Луна; Солнышко; Зайка] //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

Все доступно молодым...: [Стихотворения: «Все доступно молодым...»; Весной у Волги; Свадебное; Триптих о Ленинграде; Врожея; Ласточки] / Фото; Краткое предисл. // Знамя коммунизма. - 1980. - 2 авг. - С.3.

Мать Ильича: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3.

Мусе Джаалилю: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1981. - 4 июля. - С.3.

Наша грусть; «Когда мятежная волна...»; Певвица: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1982. - 6 февр. - С.3.

Отчизна: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

Из цикла «Среди людей»: [Стихотворения: «Немало глаз со страхом и надеждой...»; «Ни жеста лишнего, ни взгляда...»] // Знамя коммунизма. - 1982. - 16 окт. - С.3.

Дисотека: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 15 дек. - С.4.

Палестинец; Служба воды: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

Зной; «Сумерки гаснут...»; Туман; «В тот час, когда спешат...»; «Как нелегко порою человеку...»: [Стихотворения] / Рис. // Автоспроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

Про нас: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

Памятник Димитрову: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.

Ранняя весна на Черемшане: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

Стихи из сборника «Три встречи»: Маме; «Гляжу я на осеннее убранство...»; Уходит друг // Знамя коммунизма. - 1984. - 25 авг. - С.4.

Возвращение (Рассказ старшей сестры); Победа: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

О любви; Осень: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1985. - 3 дек. - С.3.

Гроза; В Кипрее; Гены; Поэзия; На тракте Москва-Владивосток; Облака; Первой звездной учительнице Шарон Кристе Маколифф; Высший разум; «Ты прости меня, любовь моя, прости!...»; «Тянулись наши дни...»; «Мама, мама!...»; «Как нелегко порою человеку...»; Копайгород; Не грусти; Розы] / Фото; Рис. // Автоспроитель. - 1986. - 7 марта. - С.3.

Возвращение: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.7.

Димитровград: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1986. - 30 июля. - С.3.

Поэзия: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 2 авг. - С.7.

Мой Енисей; Облака: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1986. - 25 сент. - С.3.

Командировка; «И всколыхнет, тебе напомним...»: [Стихотворения] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 1 нояб. - С.6.

«В который раз повержена любовь...»; Облака; «...А вот покоя нет на свете...»; «Без меня сентябрь полыхает...»: [Стихотворения] / Об авт.; Фото // Ульян. комсомолец. - 1987. - 7 марта. - С.6-7.

Материнство: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1989. - 16 февр. - С.3.

Разбитая пластинка; «Мне не раз и в шутку, и всерьез...»; «Если облака и дует ветер...»; «Опять летит и тает мокрый снег...»: [Стихотворения] / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1990. - 3 марта.

Гласность: [Стихотворение] // Слово молодежи. - 1990. - 18 авг. - С.8.

Молочница: [Стихотворение] / От авт. «И сердцем, и рукой...»; Фото // Автостроитель. - 1990. - 14 дек. - С.3.

Верить в чудо!: [Стихотворения: Новогодний сонет; Гадания Анюты] // Димитровград-панорама. - 1991. - 1 янв.

Аделе: Быль // Автостроитель. - 1991. - 15 марта. - С.3.

Желаю вам...: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1992. - 30 дек. - С.2.

Но была не высказана малость...; Ведь человек родился!: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1993. - 6 марта. - С.2.

Тайный взлет души бездомной: Цикл стихов [«Запоздалая нежность моя...»; «Лишить покоя и исчезнуть...»; «Руки твои, твое лицо...»; «Придумала тебя...»; «Мне кажется, трава не поднялась...»; «Прощай. Ты знаешь, как устала...»; «Я у тебя не все воспринимаю...»] // Димитровград-панорама. - 1993. - 28 авг. - С.3.

Коришун; Зеркало: [Рассказы] / Рис. В.Золотоева // Димитровград-панорама. - 1994. - 18 янв. - С. 7.

Эту странную жизнь никогда не постичь, не понять: [Стихотворения: Студентка; Слова; Магнит; Свет; Ночь; 6 февраля 93 года; Сыну; Знаю] // Димитровград-панорама. - 1994. - 1 февр. - С.8.

«Чтобы было все в порядке»: Из будущей книжки [для детей] [В огороде; Змея; Кот Никита; Зайка] / Рис. Н.Пигузовой; Предисл. // Димитровград-панорама. - 1994. - 26 июля. - С.7.

Знак: [Новелла] // Димитровград-диалог. - 1995. - 25 янв. - С.4.

Сон в руку: [Новелла] // Димитровград-диалог. - 1995. - 17 марта. - С.2.

Россия - мощные качели...: [Стихотворение] // Автостроитель. - 1995. - 29 дек. - С.1.

Мелекесские кружева: [Стихотворения: Торжественная песня; Утренняя песня; Мой городок: Песенка для мальчишек; Дождь в маленьком городе] / Фото и коротко об авт., с. 6; Рис. // Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.6-9.

БЕНДТ Сергей

«Мы вместе, каждый в одиночку»: [Стихотворения: Азия; «Вот старуха несет с базара...»; Неверность; «Прерывисто, неглубоко...»; Пасха; «Ты ко мне отнеслась...»; «Вечный, как лай собачий...»]. // Димитровград-диалог. - 1994. - 11 нояб. - С.2.

«Все в первый и последний раз...»; Река; На перекрестке; «Плут-сторож лучших дней моих...»; «Чем распишусь в получении...»: [Стихотворения]. // Димитровград-панорама. - 1994. - 17 дек. - С.11.

«Что я видел хорошего, кроме войны?...»; Предновогоднее; «Крик ворон, ледяное бессилье...»; Вечер; «Перевернутой божьей коровкой...»; Мастер силуэтов; «Водное поло...»; «Без нас улыбуют...»; «Вечером долгим...»; «Огонь по своим...»; «В театр теневой...»; «Речь прерывает...»; «Ладит гирлянд...»; «Зимняя свадьба...»; «Ветер, играя...»; «Орган замолчал...»; «Прошло Рождество...»; «Щиплет кур, перья...»: [Стихотворения]. // Димитровград-диалог. - 1995. - 1 марта. - С.3.

Поездка в Началово; «Спотыкаясь, скользя, семена...»; Раньше и теперь; «Я там и здесь. Дворами проходными...»: [Стихотворения]. // Димитровград-панорама. - 1995. - 7 марта. - С.11.

Осень: [Стихотворение]. // Смена. - 1996. - N 5. - С. 154.

БОЛОТНОВА Т.

Осеннее: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.

БОНДАРЕВА Кристина Валерьевна

«Хочу быть стервою...»: [Стихотворения: «Что вы смотрите,

ждете?!»; «Когда я немного сошла с ума...»; «Невыносимо долго я тебя ждала...»; «Не пытайся напрасно стучать...»; «Глаза мои отвыкли плакать...»; «Как страшно думать, что мечте не сбыться...»; «Я так устала...»; «А судьи кто?!»] / Фото; Рис. // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.41-42.

БОРИСОВА Татьяна

«Осенним утром в сентябре...»: [Стихотворение] // К доске! (Ульяновск). - 1992. - 9 янв. - С.3.

БРЕННЕР Юрий

Города-побратимы: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.

БРУСКИН Ю.

Зимняя любовь; «Трудный» возраст: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1977. - 19 марта. - С.3.

БУДЫЛЕВ Анатолий Михайлович

Бабьим летом: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 4 октября. - С.4.

Он пришел...: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.

БУРМИСТРОВА Наталья

Будь мирным, день!: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 9 мая. - С.4.

БУРЦЕВ В.

Солдат: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 23 февр. - С.3.

ВАЛЕНТИНОВ С. (см. Слюняев Сергей Валентинович)

ВАСЮНИН Михаил Владимирович

«На неизведанном пути мне все знакомо...»: [Стихотворения: Вечер; «Читать в твоих глазах несложно...»; Игла; Конверт; Летний вечер; Знаю; НЛО N 5; Сомнения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 3 окт. - С.7.

Шахматные сказки: [Поэма] // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 февр. - С.7.

«Там, за облаками...»: [Стихотворения: Дуэль; Тяжелый рок

(Сердце); Река; За облаками; Война; Усталый рок (Герцог Альба); Листок; Абро-Бенгро; Геом; Да и нет; Соло фягота] // Димитровград-панорама. - 1996. - 5 марта. - С.7.

Мышь обыкновенный: [Рассказ] / Рис. В.Шилова // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

Бум-шоу: (Пародия); Зануда / Рис. О.Тюренкова // Димитровград-панорама. - 1996. - 13 июля. - С.10.

ВДОВИНА Мария

Частица другого света: [Стихотворения: «Я глажу белье, заглаживаю печаль...»; «Я цветы в душе сберегу...»; Натюрморт со стеклянной посудой; «На окно твоё не смотрю...»; О художниках; «Вот и одиночество подкралось змеёю...»; «Я хотела бы позвонить Богу...»] / Рис. авт. // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 февр. - С.7.

ВЕДЕНЕЕВ Михаил

«Летят, курлыча, журавли...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

ВИКТОРОВА, Н. (см. Алиева Нонна Викторовна)

ВЫСОТИН Николай Владимирович

Три дня: Сонет; «Спасибо, что ты есть, подруга...»; Подари мне; «Нас ждут труднейшие дороги...»; «Сотни окрыленных струн...»; «Я сердцем - в небо...»; «Месяц канул в небо...»: [Стихотворения] / Фото и коротко об авт. // Знамя труда. - 1991. - 30 янв. - С.3.

Крылатое перо; Как черное на белом; «Мы так близки и так далеки...»; «Очнь трудно быть...»; «Иду непонятый, как бес...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1991. - 28 янв.-3 февр. - С.7.

По просьбе трудящихся: [Стихотворение] / Рис. // Вестник НИИАР. - 1991. - 25 февр.-3 марта. - С.1. - Авт. не указан.

Лучшее - впереди: [Стихотворение] // Вестник НИИАР. - 1991. - 1-7 апр. - С.5.

«Сумасшедшая весна...»; «Весна. Я снова стал другим...»; «Я смотрю на земные просторы...»: [Стихотворения] / Фото В.Волчкова // Знамя труда. - 1991. - 10 апр. - С.4.

«В день Саввы мороз...»; «Скоро будут такие дни...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1991. - 1-7 июля. - С.7.

Пропажа N 1; Пропажа N 2: [Стихотворения] // Вестник

НИИАР. - 1991. - 1-7 июля. - С.7. - В соавт. с И.Панфиловым (ошибочно указан Н.Панфилов).

Восхождение; «Постиг ли я, и все ли понял...»; Пасмурное небо; «Срок испытаний не прошел...»; «Легче умирать, чем возрождаться...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1991. - 25 авг. - С.6.

Сверчок: (Песня); Звук скрипки: (Сонет); Еще сыграю...: (Песня) // Знамя труда. - 1991. - 5 сент. - С.4.

Он мечтал о том, о чем я никогда не мечтал; «Я остаюсь вдвойне причастным...»; Что творится?: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.4.

«Солнца оскал...»; Веруйте; Пожелания: [Стихотворения] // Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 14-15.

1992 год; Россия: (Сонет); «Иной считает, что живет...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1991. - 23-29 дек. - Разворот.

«О, женщина, твои глаза...»: [Стихотворение] / Предисл. авт. «Звездой мерцаешь с высоты...» // Знамя труда. - 1992. - 7 марта. - С.4.

«Живем мы от предчувствий правды новой...»; «Что мне сделать для правды?...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1992. - 2-8 марта. - С.7.

Несерьезности: [Фразы и анекдоты] // Знамя труда. - 1992. - 31 марта. - С.4.

«О, Бог, ты выбрал ли меня?...»: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1992. - 11 апр. - С.2.

Наша доля; Куликово поле; Ново-Иерусалимский монастырь: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1992. - 18-24 мая. - С.7.

«Снова спруны влекут куда-то...»; Владимиру; Сонет («Без веры - не быть никому...»); «Не отгораживаться и не отрицать...»; Родник: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1992. - 28 сент. - 4 окт. (N 31). - С.7.

Новогодняя игра: [Стихотворение] / Рис. // Знамя труда. - 1992. - 29 дек. - С.4.

Все равно я останусь собой: [Стихотворения: «Окропи мои плечи безвестной водой...»: [Песня из репертуара группы «Вход и Выход»]; Думы; Душа; «Я строкой прорезаю небо железное...»; «Беспечен мир, то рай, то ад...»] // Вестник НИИАР. - 1993. - 7-13 мая. - С.7.

Листья золотые: Сонет // Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.
Впереди - год собаки («Прорвались слухи в город наш такие...»):

[Стихотворение] / Фото; Рис. // Вестник НИИАР. - 1993. - 31 дек. - С.4.

Меж сном и не сном; Море (Сонет); «Облака утешают небо...»; Неизбежность (Сонет); Соприкосновение: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 14 марта. - С.6.

«Я приношу к твоим ногам - стихи, а не себя...»; «Как в Небо глаз твоих мне хочется уйти...»; «Очень тонкими нитями связаны души...»; «Я смеюсь облакам. Их не слышу ответа...»; Соприкосновение; «Плавится лед на золоте стекол...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 марта. - С.6.

Чье-то кому-то от кого-то; Кладоискатель; Баллада о прокуренном курятнике: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5. - В соавторстве с Мариной Панкратовой.

«Лишь тенью смысла мы живем...»: [Стихотворения: Утопленник неба; О смысле; «Как-то вышла душа из тела...»; «Иной считает, что живет...»; Думы; Чаша поэзии; «Для миллиона тел - миллион гробов...»; «Бывают слова небывалой силы...»; Ангелу-хранителю; «Бессмертие - бессмысленность? Как знать...»; Фоме неверующему; Голос ветра; Элегия неба; О смысле смысла] // Димитровград-панорама. - 1995. - 3 окт. - С.7.

Прислушиваясь к ветру бытия...: [Стихотворения: Стрелы Гамаюна; «Мы выбираем тех, кто мучит нас...»; Оковы лета; Освобождение; Ларец; Загадка; Жрица Тайных Ветров; Старцы; Пробуждение; Я был убит...; Предчувствие; «Легче воздуха, быстрее света...»; «Я много дум пустил на ветер...»; Пил по-русски] // Димитровград-панорама. - 1996. - 13 апр. - С.6.

О том, чего - да, чего - нет: [Стихотворения: Пролог; О различных влияниях; Из записки «Сады и топи»: Взгляд со стороны; Сквозное (Забавы); Тютя Великий; Про одного дядю, или Пора идти в сад...; Кладбище (Забавы); Забывчивость; Кобыла и драндулет (Дорожный романс); Прерванный сон (Забавы); Из записки «Однажды...»: Перебор; Из записки «Череп и водоросли»: Исповедь потерянного птеродактиля; Кривая жизнь (Исповедь седого скептика); Рассуждения пролетающего мимо орла; Эпилог; Заключение] / Предисл. // Димитровград-панорама. - 1996. - 30 июля. - С.6.

«Вишу один на волоске...»; «Однажды я в чужой кровати...»: [Стихотворения] // Димитровград-эфир. - 1996. - 4 окт. - С.8.

И лишь любовь...: [Стихотворения: Любовь и ненависть; Утешенье; «Упрекает та стихами...»; Лицемерной даме; Утренние

мысли; «Лучше облаком плыть...»; Я люблю сейчас; Сквозь бред; Листья золотые; Игра; Возможно ли?; «Сливается осень с весной...»; «Забросил в дальний угол я перо...»; «Спасибо за муки творчества...»; Стихи, навеянные «Временами года» А. Вивальди («Разувериться в жизни до срока...»); Если б не любили...] / Рис. // Димитровград-панорама. - 1997. - 4 окт. - С. 12.

А все ль придумано?: [Стихотворения: «Сердцебиение земли. Оно твое сердцебиенье...»; Перевертыши; «Златоустые арфы. Тонкострунные души ветров...»] / Рис. // Димитровград-панорама. - 1998. - 10 янв. - С. 11. - В соавторстве с Мариной Панкратовой.

«Счастливая судьба поэта...»; «Тень поэта склонилась над снежным листом...»; Отклик на стихи М. Панкратовой; К. Бальмонт; «Сердце мое всполошено...»; Тождество; Разрешение (комплекса Пигмалиона); «Мечты. Капризные мечты...»: [Стихотворения в подборке «Счастливая судьба поэта...»] // Димитровград-панорама. - 1998. - 4 апр. - С. 12.

«Здравствуй, мое Отечество!...»; «В деревенском саду...»; Песня чаровницы; К Волге; «Златосеребряные ночи...»; Хохлома: [Стихотворения в подборке «Здравствуй, мое Отечество!»] / Илл. // Димитровград-панорама. - 1998. - 26 сент. - С. 12.

Предчувствие Слова: [Стихотворения: «...Я плачу от предчувствия Слова...»; В стороне: (Сонет); «То ли ангелы? То ли птицы?...»; «Первый радуется...»; «Погасли очи, речи, ночи, свечи...»; Кирпич; «Один. Одна. Одиночество...»; «На рассвете - ветер светел...»; «Вишу один на волоске...»; Молчание; Конфета: (Сонет); Предфевралье; «Скорбь моя - белая ворона...»; «В чем смысл?...»] / Димитровград-панорама. - 1998. - 11 дек. - С. 12.

ГАЛАТА Л. (ПАРАМОНОВА Людмила Александровна)

Пишите письма в армию...: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 16 окт. - С. 3.

ГАЛЯУТДИНОВА Н.

Лирическое: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1978. - 25 марта. - С. 4.

ГАРИПОВ Абдулла Касимович

Ильмень-озеро: Повесть / Художник Н. Горбунов. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. - 183 с. - 15 000 экз.

На всю твою жизнь: Повесть // Гарипов А. На всю твою жизнь; Подвицкий А. Встреча с человеком без лица: Повести / Художник В. Г. Алексеев. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. - С. 3-116. - 5 000 экз.

- Зов Карпат: [Рассказ] // Знамя коммунизма. - 1969. - N 63.
 Сувенир: [Рассказ] // Знамя коммунизма. - 1969. - N 122-128.
 На Одере: [Рассказ] // Знамя коммунизма. - 1970. - N 56.
 В зимнем наступлении: [Рассказ] // Знамя коммунизма. - 1971.
 - NN 21-25.
 Это саперы: [Рассказ] // Знамя коммунизма. - 1975. - N 55.
 В двадцать ноль-ноль: [Рассказ] // Знамя труда. - 1975. - NN 151-154.
 Ледовая разведка: Отрывок из повести [«Ильмень-озеро»] / Краткое предисл. // Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3, 4.
 Ильмень-озеро: [Отрывок из повести] / Предисл. [в N 3] Ч.Айтматова // Лит. Киргизстан. - 1980. - N 3. - С.38-47. - N 4. - С.24-39. - В N 4 подзаг.: «Фрагменты повести».
 Рассказ артиллериста: Отрывок из повести «Ильмень-озеро» / Краткое предисл. // Знамя коммунизма. - 1982. - 11 мая. - С.4. - 13 мая. - С.4.
 Ильмень-озеро: [Отрывок из повести] // Знамя труда. - 1983. - 23 февр.
 На всю твою жизнь: [Фрагмент из повести] // Ульян. правда. - 1985. - NN 203-278.
 На всю твою жизнь: Повесть / Рис. Г.Филатова; Фото // Пограничник. - 1987. - N 12. - С. 65-79.

ГАЧАВА А.

Сказка для Наташи про доброго Короля и юную Королеву // Димитровград-панорама. - 1996. - 23 апр. - С.6.

ГЕНЕРАЛЕНКО Геннадий Михайлович

«Хочется необычайного...»: [Стихотворения: «Он уходил от них...»; «- Нет жизни...»; «Воздух, солнце, «Кампари»...»; Подпись к картине «Махание зайцем»; «Не буди лихо, пока оно тихо...»; Кенигсбергское; «...Снова один...»] // Димитровград-панорама. - 1995. - 19 окт. - С.6.

Дома нет меня: [Стихотворения: «Рука ломает шоколад...»; «Ставлю джаз...»; «Джин и тоник...»; «Пьяный клоун...»; «Не брит три дня...»] / Фото [А.Шевченко] // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 февр. - С.7.

Веаи тонде; «Сегодня плевать на хот-доги...»; Папирус; «Мавританка в далеком Марокко...»; «Ангел пролил чашу...»; «Упражняй себя в благочестии»; Танайский торговец вернулся домой и нашел дом в крайнем запустении: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1996. - 7 июня. - С.6.

ГЛУХОБОЕВ В. (Ермолович Михаил Николаевич)

Случай с Дедом Морозом и фининспектором: [Новогодний рассказ] / Фото // Вестник НИИАР. - 1993. - 31 дек. - С.4.

ГОВОРОВИЧ М.

Разговоры - разговоры; Тяжелая «болезнь»: Сатирические миниатюры // Знамя коммунизма. - 1975. - 1 нояб. - С.4.

ГОРДЕЕВ Валерий Леонидович

Маршальский жезл: Стихи. - Нукус: «Каракалпакстан», 1980. - 32 с. - (Первая книга поэта). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: «Мой маршальский жезл...»; Монолог; О героях сказ; Камень; Песня; Полк; «Больше не было боли...»; «Всплеск седых бровей размерен...»; Пропавшим без вести; Муса Джалиль; Память; Тишина; Игра; Ремесло; «Еще рывок...»; Нежность; «Всю ночь устало хлопали ракет...»; Тревога; Письма; «Когда патрон...»; Солдатам моего призыва...; «Не провожали жены нас...»; «Как долгожданна эта встреча...»; «Это очень не просто...»; На марше; «Звучит в поэзии нелепо...»; Победители; Надежда; Тополя; Старый сказочник; «Ядреной шуткой вспыхнул смех...»; Читает стихи Лисянский...; Лучшие стихи; «И тихо тенью сходит город...»; Беда; «Меня ты до порога проводила...»; «А первый снег...»; «Уходят грозы в пылевом размахе...»

Доверие: Стихотворения и поэмы / Художник В.Цой; Фото и коротко об авт. на 4 с. обл. - Нукус: «Каракалпакстан», 1982. - 63 с., ил. - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: «Трудно измерить труд человека...»; «Та простота...»; «Подмигивают волны озорно...»; Ветер; Небо; «Костер тепло нам дарит...»; «Пустыня была...»; «У одинокого дерева...»; «Три букета - три солнца рыжих...»; «Мы уходим все дальше и дальше...»; «Уйти, как в винный поребок...»; «Есть таинство мысли...»; Путь; «Волной песок накапывал...»; «Сто лет корневищу...»; Осень; Семь капель воды; «Геолог про Устюрт не вспоминает...»; Целина; Море; Осень в степи; Бердах; Истина; Песня аральского рыбака о море; «Виолончели, виолончели...»; «И лишь однажды...»; Эхо; «Оповести звонком над дверью...»; «А дело было так и не иначе...»; Эпюд; «Как же ты до меня дойдешь...»; «Едва ли есть симфония сильнее...»; Сенатская площадь; Служу Советскому Союзу!; Поэма; На поверку.

Родство: Стихи / Художник Н.Гриценко. - Нукус: «Каракалпакстан», 1985. - 45 с. - Тираж: 3 000 экз. - Содерж.: «Я не ржавел в дороге послесловья...»; Письмо; «Пламя немое...»; «Снова трубы запели...»; «Говорят, что у каждой версты...»; «Не растерять

в пути большом...»; «Бархан переизганул...»; Ростки; «Я чувствую сердцем уже...»; Самоубийцы; «К степной траве припав однажды...»; «В небе всполохи зарниц...»; Стая; «Караван-сараев пустота...»; «Черногорье!...»; «Гульдурсун!...»; «Я знаю: есть слова нежнее...»; Полет; «Девушка плачет в трамвае...»; «По вечерам, когда над городом...»; «По селу расплескалась осень...»; «В обратном не упрекая...»; «Обсую у костра одежды...»; «Мягко лапает крыши снег...»; Август; В чаще; Листья берез; Вещий сон; Странники.

Черный Собор: Избранное / Редактор В. Гордеев; Фото на обл.; Коротко об авт.; От авт., с. 3; «Слово о Великой Степи» [О цикле переводов], с. 34-35. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекесс», 1997. - 62 с., ил. - (Книга сер. «Литературный Димитровград. Поэзия»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: «Как покинуло Русь Провиденье Господнее...»; Смута; Псалом; «Отойдите от озера...»; «Санный след целиной...»; «У старых стен в недоуменьи вздрогну...»; «Окрест меня и домовья...»; Великороссы; Друзья сердечные; Русских слава; Отечество; Деревни; Моя бабушка по сыну голосила...; Простая суть; Боль; Испытания; Комедиант; Призраки души; Смерть красна на людском юру; Предчувствие лета; «Поговорить начистоту...»; Из цикла «Я был птицей...» [«Осело эхо на деревьях...»; «Я свободная птица над брэнной землею...»; «В бледном небе над степью...»]; Не авторская песня; «В кольце твоих рук просыпаюсь...»; От Н. Языкова...; «Паллада» Гончарова; Отторгнутым от родины: Песня из сценария к фильму «Винновская роща»; «Заколыцовано, как стужка...»; Стригуны; [Переводы:] Из Махтумгули...: Подобие; Разве не станет?; «Плохая жена, - что слепая старуха...»; Проходит; Течет река. Проходит день...; Не верь! / С древнеарабского и туркм.; Из Махмуда Хусаина...: Из книги «Спектр сонетов»: Красный; Черный; Красный / С тат.; Из Марата Карабаева...: Я рожден человеком; Из Жиенбая Избасканова...: Уходит сентябрь; Родине; Мои ивы; Я - Весна; Цветы; Полдень у родника; Березы; Светлячки; Из Улмамбета Ходжаназарова...: О белом стихе; «У меня случалось иногда...»; Из Есемурата Хожамуратова...: Тулпары; Душа; Из Икметуллы Аимбетова...: При посещении дворца красавицы Мазлумхан...; Из Аяпбергана Сейтекова...: «Мой первенец...»; «Я помню...»; Отставшие от стаи / С каракалп.; Из Атамурата Шамуратова...: Газели [«Гнилые души жаждут наслажденья...»; «Любой из нас, частица человечества - иная...»; «Любимая! Ты почему приснилась мне сегодня?...»] / С узб.; Из Аскара Токмагамбетова...: Казахи и каракалпаки / С каз.; Синяя птица, или Как дорожить дружбой: (По мотивам каракалпакской народной сказки).

Тревога; Камер: [Стихотворения] / Фото; Коротко об авт. // Молодость: Рассказы. Стихи. Очерки. [Альманах] (Ташкент). - 1979. - Вып. 3. - С.33.

Работа; Будильник; Вода: [Миниатюры] // Молодость: Лит.-худож. альманах (Ташкент). - 1981. - Вып. 7. - С.52-53.

Ведет дорога: [Стихотворения: Ремесло; Аральское море; «Есть край земли...»; «Ты до порога молча проводила...»; «Скорый поезд отгрохочет...»] / Рис. Н.Попова; Коротко об авт. // Ростки: Стихи. - Ташкент: Ёш гвардия, 1985. - С.123-126.

В час расставанья: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1972. - 22 апр. - С.4.

Джалиль: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1972. - 23 дек. - С.4.

Девочка на качелях: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 24 февр. - С.4.

Цинии: Рассказ // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.4.

Полевые боги: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 мая. - С.2.

Нежность: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.

Тишина: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.

Цветы: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.

Не провожали жены нас...: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 23 февр. - С.3.

Весеннее настроение: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 14 марта. - С.4.

Расстояние: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 28 марта. - С.4.

Значок: [Рассказ] // Ленинская правда (г.Похвистнево, Кубышевской обл.). - 1974. - 27 апр. - С.4.

Твои следы: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

Цветы: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 24 апр. - С.3.

Памятник: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1975. - 25 сент. - С.4.

Первый снег: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 22 нояб. - С.4.

Сенатская площадь: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

- Ульяновск: [Стихотворение] //Корреспондент (Узбекистан). - 1977. - N 6. - С.34.
- Короткие рассказы: [Вода; Звезда; Работа] //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 20 авг. - С.4.
- Сказка; Снежная баба: [Стихотворения] //Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.4.
- Победители: [Стихотворение] //Корреспондент (Издание газеты «Совет Узбекистони» и Союза журналистов Узбекистана). - 1978. - N 1. - С.36.
- Память; Победители; Море: [Стихотворения] /Краткое предисл. //Путь Ленина (Кзыл-Орда, Казахстан). - 1978. - 21 нояб. - С.4.
- «Служу Советскому Союзу!»: Поэма /Рис. //Амударья. - 1980. - N 5. - С.17-22.
- Блокнот; Аральское море; Осень в степи; «А первый снег...»: [Стихотворения] //Звезда Востока. - 1980. - N 10. - С.39-40.
- Бердах: [Стихотворение] //Сов. Татария. - 1980. - 19 авг. - С.3.
- Море: [Стихотворение] //Сов. Татария. - 1981. - 18 июня. - С.3.
- «В свои права весна вступила...»: [Стихотворение] /Фотоэтиюд Р.Саидова //Сов. Каракалпакия. - 1983. - 15 апр. - С.4. - [Авт. не указан].
- Мы - братья; «Ночной полет в Махачкалу...»; «Когда засыпает столица моя...»: [Стихотворения] /Предисл.; Рис. //Дагестанская правда. - 1984. - 9 авг. - С.4.
- Русским женищинам: [Стихотворение] //Ульян. правда. - 1985. - 30 июня. - С.4.
- Пора: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1985. - 3 июля. - С.2.
- «Отблеск зорь на рубиновых звездах Москвы...»: [Стихотворение] //Путь к коммунизму. - 1985. - 18 окт. - С.1. - [Авт. не указан].
- Гримасы войны: Главы из повести /Рис. //Путь к коммунизму (Ульяновск). - 1985. - 11 нояб. - С.4. - 29 нояб. - С.4. - 6 дек. - С.4. - 13 дек. - С.4.
- На переломе мы: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 апр. - С.7.
- Горящее пламя России: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 7 июня. - С.6-7.
- Беспокойся, сердце: Главы из поэмы /Краткое предисл. //Знамя труда. - 1987. - 25 марта. - С.3.

Из новых стихотворений: [Испытания; «Контуры вечности
ночь проложила...»; «Когда мне говорят: - Остынь!...»; Чудаки] //
Сов. Каракалпакия. - 1987. - 18 апр. - С.4.

«Талые воды льются...»: [Стихотворение] // Лит. Россия. -
1990. - 31 авг. (N 35). - С. 14. - Ошибочно указан автор «Владимир
Гордеев».

На дальний остров Шикотан: [Рассказ] /Рис.; Коротко о
рассказе //Россия молодая. - 1991. - N 7. - С.12-14.

Цикл «Печальные стихи»: [«Есть в России такие места...»;
«Кукушаный клик блуждает...»; Комедиант; «Отойдите от озера...»;
Город; Деревни; Забытые деревни; Мой отец; «Поговорить
начистоту...»; «В колыбе твоих рук просыпаюсь...»; «Когда мне
говорят: - Остынь!...»; «Друзей не выбираем...»; Испытания] /Фото;
Предисл. //Дмитровград-диалог. - 1993. - 12 февр. - С.3.

И она ответила: «Победа!»: Документальная повесть /Рис.;
Фото // 25 канал. - 1994. - N 51. - С.12. - N 52. - С.6. - 1995. - N
2. - С.8. - N 3. - С.8. - N 4. - С.8. - N 5. - С.5, 6-7. - N 6. - С.5.

Сказка для читателя голого, но с колом: [Фельетон] //
Дмитровград-панорама. - 1996. - 1 авг. - С.2. - Под псевд.: Клим
Мелекесский-Посадов.

Тах шагъарым юхлайгъанда...; «Уллу ёлда намусумну тас
этмей...»; Гульдурсун: [Стихотворения] /Пер. Бадрутдина,
М.Атабаева //Каракалпакская песня. - Махачкала: Даг. кн. изд-во,
1984. - С.185-187. - На кумыкском яз.

Муса Джалиль: [Стихотворение] /Пер. М.Хусаина //
Социалисттик Татарстан. - 1976. - 25 янв. - С.3. - На тат. яз.

Муса Джалиль; Посвящение девушкам; И я стрелял; «Трудно
измерить труд солдата...»; «Когда патрон последний бережет
солдат...»: [Стихотворения] /Пер. А.Сейтекова //Амударья. -
1978. - N 2. - С.43-45. - На каракалп. яз.

Работа; Звезда; Верблюд: [Миниатюры] /Пер.
[О.Абдирахманова] //Амударья. - 1978. - N 12. - С.92-94. - На
каракалп. яз.

Оглянись вокруг; «Читает стихи Лисянский...»; «Играет в
сумерках рояль...»: [Стихотворения] /Пер. Ж.Избасканова //
Амударья. - 1979. - N 12. - С.37-38. - На каракалп. яз.

Август; Гульдурсун; Полет [Отмши]; «Кешип еспе кумларды...»: [Стихотворения] /Пер. Ж.Избасканова //Амударья. - 1984. - N
6. - С.9-10. - На каракалп. яз.

Наша гордость: [Стихотворение] /Пер. К.Кенесбай //
Амударья. - 1984. - N 10. - С.27. - На каракалп. яз.

Синяя птица, или Как дорожить дружбой: По мотивам

каракалпакской народной сказки / Пер. Ж.Избасканова // Жеткиншек (Пионер) (Нукус). - 1984. - 18 апр. - С.4. - На каракалп. яз.

«Мой стихи»- атаки высот...»; «Производство не стали, стихов отстает...»; Аральское море; Пионерам победы: [Стихотворения. «Аральское море» - песня] / Пер. Ж.Избасканова // Амударья. - 1985. - № 5. - С.83-85. - На каракалп. яз.

Нуша лерил узбира: [Стихотворение] // Литературала Дагьистан. - 1987. - № 2. - С.58-59. - На даргинском яз. [Кроме того, издано на аварском, кумыкском, лезгинском, лакском языках].

Родина или смерть: [Стихотворение] // Ленинское знамя (Махачкала). - 1987. - 21 авг. - С.3. - [На аварском].

Переводы: [Стихотворения: «Слова не должны расходиться с делом...»; «Волной песок накатывал...»; «Мне говорят: «Остынь!»...»; «О них уже не говорят...»] / Фото; Пер. А.Чуриева // Эдебият ве сунгат (Ашхабад) - 1988. - 2 дек. - С.4. - На туркм. яз.

ГРЕВС Ф. (см. ЕВСЕЕВ Ю.)

ГРЕК Вадик

«Летит самолет в небе высоко...»: [Стихотворение] // Димитровград-эфир. - 1996. - 4 окт. - С.8.

ГРИДИН Евгений

Стихи для детей (Зарисовки с натуры): [Мальши-рыболов; Кошка-рыболов; Будущий шофер] // Димитровград-панорама. - 1995. - 26 окт. - С.7.

ГРОТУС Анатолий Юрьевич

«Что, Георгий, конь устал...»; «Родина моя сегодня в грусти...»; «Все на свете - тлен и прах...»; «Пирамида жизни странна...»; Молитва; «Разменяйте червонцы грусти...»; Есенинские мотивы; «Кажется, мартовской синью...»; Рондо; «Я божий раб, молитвенник за Русь...» // Димитровград-панорама. - 1994. - 5 февр. - С.6.

Обволакивает прошедшее, одурманивает вчера...: [Стихотворения: Романс; «По бокалам разлили напитки...»; «Я шел по пыльным площадям...»; «Мужик сидел на камне придорожном...»; «Удавиться на собственном шарфе...»; «Всем миром обули, одели...»; «Мой скелет гуляет ночью...»; «Что проще - он был сумасшедший...»; Вечный спор; «Золотыми монетами роцца...»; «Мишурный блеск не в укоризну...»; «Отпугнул и даже не заметил...»; «На окнах решетки...»; «Настольной лампы свет...»;

«Ангела обидели...»; «Я путал названия улиц...»; «На подушке из нефрита...»; «От ста начальников сбежал...»; «Прими, пожалуйста, мой стих...»; «За бессонницей и кошмарами...»] // Димитровград-панорама. - 1994. - 22 февр. - С.7.

«Заумны, унылы и схожи...»; «Я говорил им: «Я не тот...»; Муза; «Не статуэтка из фарфора...»; Осень; «У кого учиться чуду...»; «Что надо в жизни...»; Ворожба; «Не скука это, а тоска...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 13 авг. - С.6.

Элегия; «О самом в жизни золотом...»; «Смотри спокойней, Натали...»; «Ветер-странник притих на минутку...»; «Бледно-голубое с кремовым отливом...»; «И дальние дали...»; Карелия: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 18 апр. - С.6.

«Благодать, смирение и любовь...»: [Стихотворения: «Я щекой прижался к иван-чаю...»; «Жизнь моя - рисунок акварелью...»; «Посвящается коту Олосятичу; Необъяснимое (Вид из окна); «Есть две любви - знакомы обе мне...»; «Я видел тысячи людей...»; «Есть в жизни женщина, поэт...»; Романс; «Что-то там впереди - богадельня...»; Молитва; Экспромт; «Я поднялся по-над бездорожьем...»; «Когда волной духов «Быть может»...»; Старая дева; Salon; «Мулловка. Туман над болотом...»; Город] / Фото А.Шевченко; Рис. Жанны Ашаковой // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 янв. - С.6.

«Воспоминаний крепкую настойку...»: [Стихотворения: «Откупорил, как винную бутылку...»; «Ко мне товарищ подошел...»; «Боже, дай мне духовную крепость твою...»; «Я догорающая божия свеча...»; «Посреди цветастого раздолья...»; «Тридцать восьмая российская осень моя...»; «Все мы братья, козь каждый в своей хате...»; «Владимир Санин да Илья Обломов...»; Набросок; «Уводит от жизни меня...»; «Ночь в спорота раскатистым: «Пир-раты!»...»; «В дверном проеме она стояла...»; «Раскрываю кошелек...»; «Я не книжными знаниями крепок...»; «Вы меня ругайте, но не слишком...»] / Фотонадюрморт А.Шевченко // Димитровград-панорама. - 1996. - 21 марта. - С.7.

«Думы, дайте мне покой...»: [Стихотворения: «Отяжелел мой стих, обрзог...»; «На окнах решетки...»; «Думы, дайте мне покой...»; «Сладится, не сладится?...»; «Под гриновской эгидой...»; «Бог, видно, смерти не дает...»; «Поют красиво...»; «Только и осталось Слово...»; «В стихах моих - оттенки настроенья...»; «В этой жизни чудной...»; «Бела-брусова лавочка...»; Квинта; «Храни вас Бог, кому везет...»; Дистих; Моностих; «Как на этой стороне...»; «Я устал от дикой

свистопляски...»; «Знаю - не сработают однажды...»; «Капкан стихов надежно держит душу...»; «В другой не справлять новоселья...»; «Все ближе к Господу в беседах...»; «Еще врагов себе не нажил...»; «Мне под тридцать...»; «Живые лгут, а мертвые молчат...»; Поэту; «Олухи царя небесного...»; «Голоси, не голоси...»; «Я не хочу Поэтом быть...»] / Фото А.Шевченко // Димитровград-панорама. - 1996. - 22 июня. - С.10.

ГРУШКИНА Марина

Детям нужен мир: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979. - 9 мая. - С.2.

«Я укутаюсь дымом костра...»; «В небе черном луна...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1982. - 6 февр. - С.3.

ГУЗАНОВА Елена

«Пусть будет к ближнему любовь...»: [Стихотворения: Маме; «Закрываю глаза...»; Молитва; «Мне хочется быть доброй и веселой...»] / Фото // Димитровград-панорама. - 1996. - 28 марта. - С.7.

«Мне сын с утра кричит: «Читать!»...»; Сыну: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

ГУСЕВ Константин Петрович

Год прошел...: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1982. - 9 февр. - С.3.

ГУСЕВ П.

Степь: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

ДЕДМОРОЗКИН (см. Балалин, Юрий Вячеславович)

ДЕМИДОВ Александр

Шинели: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 23 февр. - С.3.

Вспомни, мой друг: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 9 мая. - С.4.

ДЕМИЧЕВ В.

«Ты мое тайное счастье...»; «Как нежен душистого ландыша запах...»; «Что ни год, то все хуже и хуже...»; «Когда вдруг наступит минута печальная...»; Сонет; «Одни воспоминания...»:

[Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 9 авг. - С.7.

ДЕРЯГИН Николай

Раздумья ветерана: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1994. - 26 янв. - С.3.

ДЖО ШИН (МОКШИН, Евгений)

Заклятье айна. Невероятные приключения Нاستи и Коли в городе
Находка: Детский фантаст. детектив / Предисл.; Рис. авт. // Димитровград-панорама. - 1994. - 10 нояб. - С.6. - 12 нояб. - С.5. - 15 нояб. - С.6. - 17 нояб. - С.6. - 22 нояб. - С.6. - 24 нояб. - С.6. - 26 нояб. - С.12. - 29 нояб. - С.6. - 1 дек. - С.6. - 1995. - 11 янв. - С.6. - 14 янв. - С.5. - 19 янв. - С.6. - 24 янв. - С.5. - 26 янв. - С.6. - 1996. - 13 февр. - С.7. - 15 февр. - С.7. - 21 февр. - С.7. - 22 февр. - С.7. - 27 февр. - С.7. - 29 февр. - С.7.

Рейка - кой-черт спаниель: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1995. - 8 авг. - С.6.

Новый год: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1995. - 30 дек. - С.6.

ДОЛГОВ Василий

Ожидание: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1989. - 16 февр. - С.3.

ДОХТУРОВА Елена Васильевна

Встреча с Золушкой: Рассказ // Знамя труда. - 1974. - 14 марта. - С.4.

ДРЫГАНОВА Надежда Андреевна

Жажда; Я стала строже; Шаги осени; А ты не слышишь: [Стихотворения] / Коротко об авт., с.125 // День волжской поэзии. 1983. Ульяновск. Пенза. Саратов. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. - С.125-127. - Тираж: 10 000 экз.

На Иссык-Куле; «Нас везде судьба носила...»; «Кольщит ветер в поле рожь...»; «В лесном загадочном пруду...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.

Уходила любовь на рассвете; «Ты приказал мне не писать...»; «Если ты не заметил...»; «Я счастье измеряю болью...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1979. - 27 янв. - С.4.

Сны: [Стихотворение] // Строитель (Димитровград, ДУС). - 1980. - 5 марта. - С.3.

Давай потанцуем: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1981. - 4 июля. - С.3.

Прими любви моей слова...: Венок сонетов //Знамя коммунизма. - 1981. - 24 окт. - С.4.

На память; «Я кричу, а ты не слышишь...»; «Уже смирилась с грузом времени...»: [Стихотворения] /Рис.; Предисл. «В гостях - автор» //Автостроитель. - 1982. - 15 янв. - С.4.

Сон: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 16 окт. - С.3.

«Снова лето в разгаре...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

Диалог: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 15 дек. - С.4.

«Все я трезво рассудила...»; «Ненавижу тебя...»; «Позови меня теплым приветом...»: [Стихотворения] /Рис. //Автостроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

«Зачем все так ненужно трудно?...»; «Я живу, как от клыка отставшая птица...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

«Зачем все так ненужно трудно?...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

Не зря на Эльбе поклонились...; Как прежде, прост и чист, и зелен: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

Памяти Дмитрия Лескина: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6.

Я жду; «Ухожу в воспоминанья...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1986. - 25 сент. - С.3.

Небо, любовь и земля; «Какой необычный вечер!...»; «Ненавижу тебя...»; «Я живу. Ошибаюсь...»; «Молодая весна...»: [Стихотворения] /Об авт.; Рис. //Ульян. комсомолец. - 1987. - 7 марта. - С.7.

ДЮЖИЙ Владимир Иванович

Темный лес: [Юмореска] //Дмитровград-панорама. - 1993. - 1 апр. - С.3.

ЕВСЕЕВ Юрий Федорович

Игра: Рассказ-быль // имитровград-диалог. - 1993. - 2 апр. - С.3.
Золотой журавль: Рассказ-феерия /Фото //Дмитровград-диалог. - 1993. - 21 мая. - С.2. - Под псевд.: Гревс Ф.

Снеговик поневоле: Невыдуманная история // имитровград-панорама. - 1995. - 21 февр. - С.6.

ЕНДУРАЕВА Татьяна

- Стихи; Учительница: [Стихотворения] // Знамя коммунизма.
- 1966. - 1 июля. - С.3.
Паруса: [Стихотворение] / Фото; Предисл. «Юная поэтесса»
// Знамя коммунизма. - 1966. - 21 окт. - С.3.
Береза: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 30
окт. - С.4.

ЕРМИЛИН Александр

- В День Победы: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979.
- 9 мая. - С.2.

ЕРШОВА Нелли

- А была ли зима?: [Миниатюра] // Димитровград-диалог. - 1993.
- 5 марта. - С.4.

ЕСЬКОВ Петр Матвеевич

- Дождь; Звезда: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1970.
- 8 сент. - С.4.
«Пусть будет больше теплоты...»: [Стихотворение] // Звезда
(Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.3.
Хлеб: [Стихотворение] // Звезда. (Н.Малыкла). - 1973. - 1
мая. - С.4

ЖУКОВ Анатолий Николаевич

- Поздняя осень: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24
окт. - С.4.
На часах - двенадцать без пяти: Новогодняя фантастика //
Знамя коммунизма. - 1977. - 1 янв. - С.4.
Именные часы: Быль // Знамя коммунизма. - 1977. - 22 февр.
- С.4.
Три попытки...: Юмореска // Знамя коммунизма. - 1977. - 1
окт. - С.4.
Не бывать бы счастью...: Рыбацкая юмореска // Знамя
коммунизма. - 1979. - 4 янв. - С.4.
Деды и внуки: [Миниатюры] // Знамя коммунизма. - 1979. - 8
марта. - С.4.
Второе дыхание: Юмористический рассказ // Знамя
коммунизма. - 1984. - 1 янв. - С.4.
Как Павел колбасу покупал: [Юмористич. рассказ] / Рис.
С.Высотина // Знамя труда. - 1992. - 29 дек. - С.4.
Как мы с братом суп варили: Юмореска // Димитровград-
панорама. - 1994. - 5 февр. - С.5.

Пропал Паласов: Юмореска // Димитровград-панорама. - 1994. - 5 марта. - С.5.

Планета дикарей: Чуть ли не фантастика // Димитровград-панорама. - 1994. - 17 дек. - С.11.

ДЭЭР: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1995. - 21 февр. - С.6.

ЖУРИН Олег

Феникс: [Рассказ] // Димитровград-панорама. - 1995. - 17 авг. - С.6.

ЗИМНЯКОВ Геннадий Васильевич

Доярка; В селе: [Стихотворения] // Знамя труда. - 1974. - 28 марта. - С.4.

Ильич: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4.

Лосенок; Осенний этюд: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3.

Товарищ Ленин; Солдат лета 1941 года; Россия-работница; «Осень красочной кистью махнула...»; «Не дал бог мне силушки телесной...»; «Зверька держали долго в клетке...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

«Весна пришла с букетами подснежников...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3.

Ненависть: (Рассказ попутчицы); Раздумья о Родине; «Бывало, долго мать не видел...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1981. - 4 июля. - С.3.

«Идут снега, липучие, крутые...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 6 февр. - С.3.

В отпуске: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

Разговор с Татьяной: [Поэма] // Знамя коммунизма. - 1982. - 10 авг. - С.3.

Уходит лето: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 26 авг. - С.4.

Наще приволье: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 16 окт. - С.3.

Тропа: [Стихотворение] / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1986. - 2 авг. - С.6.

Синица; Ты; Старушка: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.2.

Натюрморты: [Стихотворения. Посвящены Е.Дохтуровой] /

Краткое предисл. о Е.Дохтуровой // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 окт. - С.7.

ЗИНАИДА

«Я не плачу и не рыдаю...»; «Одиночество правит бал...»; «Я сама во всем виновата...»; «И опять, и опять, как всегда...»; «Я уже перестала мечтать...»; «Голубое небо, река, облака...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 11 авг. - С.7.

ЗОЛТОВ Виталий Павлович

«Синица пела...»; Слова мои; «Ночью тихо - ветки серы...»; «Солнце закатное - солнце восходное...»; Снег на реке Сумида: [Стихотворения]; У меня кто-то есть: (Рассказ) / Рис. И.Ахмедовой // Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 15-16.

Снег на реке Сумида: [Стихотворение в статье А.Шевченко «Про Золтова В.П.»] // Димитровград-диалог. - 1993. - 30 июля. - С.2.

ИВАНЮКОВА В.

Труд: [Стихотворение] // Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.1.

ИНГА (ГААК, Инга)

Лунный луч: [Стихотворения: «Лунный луч пронзил морозность...»; «Прочь сомненья - я любила!..»; «Полуулыбкой, полужестом...»; «Таит лунный свет в ночи...»; «Ночь разольет лунный свет...»; Д.И.Е.; «Вот и пришел конец тому...»; «Ты, лучистая, как солнце...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 28 марта. - С.7.

Земное все любя...: [Стихотворения: «Я не поэт, как жаль...»; «Я знаю - ты меня любил...»; «Снег искрится в лунном свете...»; «Оставив звезды Водолея...»; «Стоит на сцене пред притихшим залом...»; «Средь мрачных туч просвета нет...»; «Луна мерцает перламутром...»; «Прошу, не надо слез...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 29 июня. - С.10.

ИСАЕВ Александр Алексеевич

Только раз: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1970. - 8 сент. - С.4.

КАЗМЕНКО С.

«Не верим мы в святую эту братию...»; «У нас в стране забавные порядки...»: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1991. - 28 янв.-3 февр. - С.7.

КАМИНСКИЙ Владимир

«По белому, белому снегу, по снегу, по снегу...»; «Еще не сентябрь, но ветер летает осенний...»: [Стихотворения] // Димитровград-диалог. - 1994. - 12 окт. - С.2.

КАНАКОВ М.

Незаменимые: Басня // Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

КАНТЕМИРОВ Дмитрий

Если говорить коротко...: [Миниатюры и фразы] // Димитровград-панорама. - 1993. - 2 янв. - С.4.

Короче говоря...: [Стихотворные миниатюры и фразы] // Димитровград-панорама. - 1993. - 1 апр. - С.3.

Короче говоря...: [Фразы и миниатюры] // Димитровград-панорама. - 1993. - 29 мая. - С.3.

Короче говоря: [Фразы и миниатюры] // Димитровград-панорама. - 1993. - 7 авг. - С.3.

Короче говоря...: [Фразы и миниатюры] // Димитровград-панорама. - 1993. - 16 сент. - С.4.

Короче говоря: [Фразы и миниатюры] // Димитровград-панорама. - 1993. - 11 дек. - С.4.

Короче говоря...: [Фразы] // Димитровград-панорама. - 1994. - 31 марта. - С.7.

Короче говоря: [Фразы] // Димитровград-панорама. - 1994. - 12 мая. - С.7.

Фразы // Димитровград-панорама. - 1994. - 5 июля. - С.7.

Фразы // Димитровград-панорама. - 1994. - 27 окт. - С.6.

Современный толковый словарь; Фразы; Просьба избирателя; Призывы; Эпитафия путане; Информация: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 31 янв. - С.6.

Современный толковый словарь; Фразы // Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5.

Фразы; Современный толковый словарь // Димитровград-панорама. - 1995. - 15 июня. - С.14.

Стихотворения и фразы // Димитровград-панорама. - 1995. - 8 авг. - С.6.

Современный толковый словарь; Фразы [Короткие стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 17 авг. - С.6.

Современный толковый словарь; Фразы // Димитровград-панорама. - 1995. - 11 нояб. - С.8.

Фразы // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

Современный толковый словарь; Фразы // Димитровград-панорама. - 1996. - 29 июня. - С.10.

Фразы // Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

КАСИМОВ Феликс Дмитриевич

Может быть: Стихи / Редактор В.Гордеев; Фото на обл.; Коротко об авт. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекесс», 1997. - 54 с., ил. - (Книга сер. «Литературный Димитровград. Поэзия»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: «Я не был у реки полгода...»; Старый мотив; Может быть; «Порой в случайном сочетании...»; У костра; Егорыч; Разговоры с отцом; «За Бригадировкой дорог хороших нет...»; «Казалось, путь далек, жизнь впереди большая...»; «Вновь осень свои предъявляет права...»; «Снова лифт на ремонте...»; «Буераки да осинники...»; «Еще стремлюсь, еще надеюсь...»; Атолл; «Январь заметит, а февраль разбудит...»; «Осенняя роскошная пора...»; Разрыв; «Безлюдье. Неуют...»; «В который раз зима приходит к лету...»; «Вершина лета, доньшко зимы...»; «Вчера весь день была ненастная погода...»; «Ну, здравствуй! Твой далекий мозг...»; «Ей восемнадцать, а ему давно за шестьдесят...»; Тост; Вы и ты; Баня; Июньский жук; Игра; Цирк; «Люблю сырой, ненастный вечер...»; «Неторопливых волн валы...»; «Когда в глаза твои гляжу...»; «Мы строим корабли, чтоб плыть в бескрайний космос...»; Остров; Пришелец; Иго; «Где край страны моей, того не знаю сам...»; Отчет; Герострат; «Выйду в поле-луг зеленый...»; Минарет; Поэма; Балласт; Поэма.

Старая песенка: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

«Тот странный мир едва ль напоминает наш...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.

«Буераки да осинники...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

«Борьба»: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.7.

Разрыв: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1986. - 25 сент. - С.3.

Егорыч: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 1 нояб. - С.6.

Пришелец; Атолл; «Вчера весь день была ненастная погода...»; «Еще стремлюсь, еще надеюсь...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1989. - 16 февр. - С.3.

«Осенняя роскошная пора...»; «Выйду в поле - луг зеленый...»; «Я не был у реки полгода...»; Отчет: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.3.

Из новых стихов: [«Мы строим корабли, чтоб плыть в безбрежный космос...»; «Ей восемнадцать, а ему за шестьдесят...»; «За Бригадировкой дорог хороших нет...»; «Люблю сырой, несчастный вечер...»] / Фото // Димитровград-панорама. - 1993. - 18 марта. - С.3.

На местные темы: (Из цикла «Черемшанские рассказы») [Зовут плясать; Маленькие лягушата] / Фото // Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.52-57.

КИРЮХИН Анатолий Иванович

Волгоморье: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 18 авг. - С.4.

«В лесу колдуют...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.

Кто тебя выдумал?: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

Детство: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.

Зимние строки: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.

Прости: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 28 марта. - С.4.

Звездные росы: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

Бабье лето; Прости: [Стихотворения] // Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.4.

Награда: Рассказ // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6-7.

Упрямец: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1986. - 25 сент. - С.3, 4.

Упрямец: [Лит.-худож. очерк]. / Фото; Краткое предисл. // Ульян. комсомолец. - 1987. - 1 янв. - С.6-7.

КИСЕЛЕВ Дмитрий

«Вы спитесь мне, хотите Вы или нет...»; «Я снова здесь, я вновь с тобой...»; «В сумерках зажгло окно...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 марта. - С.6.

«Я объявил антракт в спектакле жизни...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

КИСЕЛЕВ Олег

Новогодние триолеты: [«Обряда таинство вершится!»; «В этот вечер на крыльях рождественской вьюги...»; «Мой маленький город оснежен, опушен...»; «Забывший, забытый текущей дел...»; «В ночи новогодней, средь шорохов, шепотов, робко...»; «Неудержимо утекает время...»; «Уходит в смуту, в ночь, в метель святочный дед...»; «Тихо падает снег, в законную глубь...»] // Димитровград-панорама. - 1994. - 1 янв. - С.4.

Лики города (Триптих); Семейный портрет в поэтическом интерьере; Подражание Цветаевой: [Стихотворения] / Краткое предисл. // Димитровград-панорама. - 1994. - 12 апр. - С.6.

КЛЕВАЙЧУК Надежда

Любовь: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

КНИГНИЦКИЙ Я.

Утро; Город юности: [Стихотворения] // Ульян. комсомолец. - 1988. - 2 янв. - С.8.

КОБЫЛИСКОВА Светлана

«Если верить в счастье...»: [Стихотворения: «Оттого, что жить без тебя не могу...»; «Ну, вот и этот скоро день пройдет...»; «Ни о чем не печалюсь, ничего мне не надо...»; Не плачь] // Димитровград-панорама. - 1996. - 28 марта. - С.7.

КОЛОМЕЙЦЕВА Татьяна Владимировна

«Смертный-смертный до мозга костей...»: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

КОНЮХОВА Евдокия Трофимовна

Падают листья: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

КОРЕНЕВ Александр

Матери: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.4.

КОРЖЕНЕВСКИЙ Борис Николаевич

Моление о сне; Россия: [Стихотворения] / Краткое предисл. «У нас в гостях» // Звезда. - 1972. - 23 дек. - С.4.

Аленушка: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.2.

- Истина: [Стихотворение] //Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 1 мая. - С.4.
- Будни: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1973. - 18 авг. - С.4.
- Былины; «Когда-то это началось...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.
- Голуби: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.
- Небо: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4.
- «Лежит он, смертный и великий...»: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1975. - 22 февр. - С.4.
- Руки; Кино: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.
- Весеннее: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.
- Самолет: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.
- Анонимка: [Рассказ] //Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.4.
- Весеннее: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1978. - 25 марта. - С.4.
- Детская игра: [Стихотворение] //Строитель (Димитровград, ДУС). - 1980. - 5 марта. - С.3.
- Дефицит: [Новогодний рассказ] //Знамя коммунизма. - 1984. - 31 дек. - С.4.
- Детство: Из поэмы «Азарт»; Будни: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.7.
- Дорога № 95: [Поэма] /Рис. [А.Васина?] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 29 нояб. - С.8.
- Дорога № 95: Поэма /Краткое предисл.; Рис. //Знамя коммунизма. - 1987. - 20 янв. - С.2.
- Реквием для хора с оркестром: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1991. - 13 апр. - С.1.
- Царь-златоуст: [Поэтич. сказка] //Димитровград-панорама. - 1992. - 4 янв. - С.2.
- Тихо вокруг...: Репортаж с последнего заседания, которое может состояться в будущем. [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1993. - 13 марта. - С.1.
- На цвет товарища нет: [Юмореска] //Димитровград-панорама. - 1993. - 1 апр. - С.3.
- Подари мне твою смерть: Психологич. детектив //Димитровград-панорама. - 1993. - 1 июля. - С.3.

КОРОБКОВ Василий Владимирович

Крик над болотом: Повесть /Художник А.И.Клементьев; Фото.
- Ульяновск: Ульян. обл. газетное изд-во, [Б.г.]. - 141 с. - Тираж 5 000.

Краюха черного хлеба: Стихи и поэмы /Фото; Художник Ю.Е.Никитина. - Ульяновск: Симбирская книга, 1997. - 79 с. - Тираж: 1 000 экз. - Содерж.: «Тихая сельская улица...»; Ностальгия; «Вспоминается дом в Виноградово...»; «Я напился однажды, как зюзя...»; «Дом в селе замызганный, крыша набекрень...»; «Вот и, слава богу, собрались все вместе...»; «Вспоминаю старую ограду я...»; «Черемуха душистая...»; «Летний вечер с летнею луной...»; В летний сенокос; Соседи; «Тучи небесные, небо закрывшие...»; «Деревенский домик в три окошка...»; «Запах сена ночами мне снится...»; «Первый раз влюбившись в десять лет...»; «Я к тебе заявлялся с цветами...»; «Ночи летние, ночи краткие...»; «Утро ранее, над рекой - туман...»; «Мы с тобою слесарили...»; «Ах, Россия, родная Россия!...»; «Языками недолго мололи...»; «Гром гремел, переходя в раскаты...»; Реквием; «Из-за крыши дома облако торчит...»; «Справа - поле кукурузы, слева - поле ржи...»; Гости; «Я теперь не скоро к вам приеду...»; Иван из деревни; «Вновь у Вани Иванова...»; Печальный случай; «Люблю собак породы неизвестной...»; «Дядя Леша родственник хороший...»; «Детский дом, обнесенный забором...»; Бабушка; «В сельском клубе - веселые танцы...»; Деревенская грусть: Поэма; «Вот Сашка Никонов, душа совсем простая...»; «В огороде пылает костер...»; «Перед зимней стужей...»; «Рано утречком на рассвете...»; «Ночью морозец раскрасил стекло...»; «Эх, мороз, мороз...»; А зима в России снежная...»; «На сирени настояна Русь...»; Подмосковный мужик: Поэма.

Под веселым градусом: [Частушки; Поэма] /Фото; Художник В.Немалыхов. - Ульяновск: Бюро пропаганды художественной литературы, 1991. - 37 с., ил. - Тираж: 6 000 экз. - Содерж.: Частушки; Иван в период застоя: Поэма.

«Я живу среди людских капризов...»: [Стихотворение] // Карамзинский сад: Лит.-худож. альманах. Вып. 1. - Ульяновск: Обл. писательская организация, 1991. - С.126.

Обронила зеркальце зима: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3.

Мать и сын: [Стихотворение] //Знамя коммунизма - 1978. - 1 апр. - С.3.

КОЧКИНА Людмила Ивановна

Про Даму, Рыцаря и Хама: (Сценка) / Рис. И.Ахмедовой // Ступени. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 6-7.

Уставший град Димитровград: (Неоконченная сказка) // Знамя труда. - 1992. - 11 апр. - С.2.

Молитва: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

КОШКИН Геннадий

Вспоминая о лете: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1982. - 9 февр. - С.3.

«Белым пухом ты Землю укрой, снегопад...»; «Под ливнями, грозами, зноем...»; «Тихо, тихо первый снег ложится...»; «А ночь была чернильная, глухая...»; «Средь кустов заиндевелых...»; Так небосвод в рассвет хрустально звонок...»; «Мне не надо жалости. Не надо...»: [Стихотворения] / Предисл. А.Гарипова // Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

«Есть в осени дивная песня...»; «Как трудно человеком быть...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

Песня счастья: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

«У девочки очи черные...»; «Над полями за селом...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.

Гори, заря: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 7 нояб. - С.1.

«Дорогие мои, хорошие...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.2.

КРАПИВИН К. (Под этим объединенным псевдонимом публиковались сатирические произведения Евг.Ларина и Евг.Рябова).

Чернобурка: Юмореска // Знамя коммунизма. - 1966. - 1 янв. - С.4.

С легким паром: К.Крапивин на XXV партконференции. [Сатирические строки] / Рис. // Знамя коммунизма. - 1966. - 7 янв. - С.4.

КРАСИЛЬНИКОВ А.

Баллада о танке // Знамя коммунизма. - 1975. - 22 февр. - С.3.

КРАСНИКОВ Г.

«В память об ушедших в небо...»: [Стихотворения: «Не во сне, а наяву в стае аистов плыву...»; «Поклон земле родной я шлю из края...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 25 апр. - С.3.

КРОНИН В. (см. Алиева Нонна Викторовна)
КРОНИН Макс (см. Алиева Нонна Викторовна)

КРУГЛОВ Ю.

Выпускнику: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 26 июня. - С.3.

КУЗНЕЦОВ Андрей

Старик: [Стихотворение] /Коротко об авт. //Знамя коммунизма. - 1989. - 16 февр. - С.3.

КУЗНЕЦОВА Валентина (КУЗНЕЦОВА Варвара Ивановна)

С днем рождения, Армия!: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 23 февр. - С.4.

8 марта; Подарок маме: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1966. - 7 марта. - С.4.

Мой котенок: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.

КУЗНЕЦОВА Ольга Викторовна

Родное: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4.

КУЗНЕЦОВА Светлана

По воле случая; Тебя я не прошу; Зима: [Стихотворения] / Предисл. «Знакомьтесь: Светлана Кузнецова»; Фото //Знамя коммунизма. 1983. - 13 дек. - С.3.

Десять лет спустя: [Стихотворения: Я - земная...; «Не зови меня больше...»; Просто так; «Бутылка водки, пачка сигарет...»; «Скажи, ты помнишь обо мне?...»; «Цветок упал на подоконник...»; «Вот ночь, опьяненная лаской...»; «Может быть, я тебя не любила...»; Если ты уйдешь] / Фото; Краткое предисл. //Дмитровград-диалог. - 1995. - 15 февр. - С.3.

КУЗЬМИН Сергей Александрович

Хозяйка тихой заводи: Из рассказов о природе //Знамя коммунизма. - 1966. - 26 янв. - С. 3.

Толстолобик: Рыбачья притча //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

Ягодка клубники: Рассказ //Знамя коммунизма. - 1966. - 4 дек. - С.4.

Услуга: Рассказ //Знамя труда. - 1972. - 22 апр. - С.4.

Бухгалтер Еремушкин: Из охотничьих рассказов //Знамя коммунизма. - 1973. - 13 окт. - С.3.

Карпатская быль: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1975. - 24 апр. - С.3.

Отважный охотник; Мертвый пороша: [Рассказы из цикла «Наедине с природой»] // Знамя коммунизма. - 1975. - 13 дек. - С.4.

Сомовья шутка: Рассказ // Знамя труда. - 1976. - 13 июля. - С.4.

Черторой: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1977. - 19 марта. - С.3, 4.

После снегопада: Зимние этюды // Знамя коммунизма. - 1979. - 25 янв. - С.4.

Последние из распадка: Новелла / Фотоэтиюд П.Семенова // Знамя коммунизма. - 1979. - 24 апр. - С.4.

Сберечь красоту Черемшана: Очерк // Знамя коммунизма. - 1979. - 7 авг. - С.4.

Именем революции: Глава из повести «Через годы и расстояния» / Краткое предисл. // Знамя коммунизма. - 1979. - 18 авг. - С.4.

Конец «тихой светелки»: Глава из повести «Через годы и расстояния» // Знамя коммунизма. - 1979. - 21 авг. - С.4. - 28 авг. - С.4.

Вечер года: Очерк // Знамя коммунизма. - 1979. - 25 сент. - С.4.

Голенастый скороход: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1979. - 4 окт. - С.4.

На перекрестках судьбы: Отрывок из повести о войне // Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3. - 4 июля. - С.3.

Клубника: [Рассказ] // Димитровград-диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.

КУЛИКОВА Валентина Ивановна

Песня искателей: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.

КУПЦОВ Сергей

Сказка, в которой не было печали: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.4.

ЛАВРИК Наталья

Память о войне: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979. - 1 февр. - С.2.

ЛАРИН Евгений Степанович

Газета; Руки: [Стихотворения] // Черемшанские зори: Творчество автостроителей. К 10-летию газеты

«Автостроитель». - [Димитровград]: [Типография ДААЗа], [Б.г. 1982?]. - С.3-4.

Да и нет: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 14 янв. - С.4.

Три сына: По мотивам украинской сказки // Знамя коммунизма. - 1966. - 17 авг. - С.4.

Не все в душе...: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 24 апр. - С.3.

Ульяновск: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3.

Признание: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1978. - 1 апр. - С.3.

Сорок четвертый: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

Песня о братстве: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 12 июня. - С.3.

Слово о ветеране: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 31 июля. - С.3.

Слово: [Стихотворение] / Рис. // Автостроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

Философствующему критику: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.

В двух шагах от войны: [Стихотворение] из цикла «Фронтовой блокнот» // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

«Чтобы душу выразить...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 3 нояб. - С.4.

Блокнот: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 апр. - С.6.

Пушкин: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 7 июня. - С.6.

Цена слова: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1986. - 30 июля. - С.3.

Фронтовые феи: [Стихотворение] / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1986. - 2 авг. - С.6.

Сказка о чужом рубле / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1986. - 25 окт. - С.9.

Азгулов Шавкат: [Стихотворение] / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1986. - 6 дек. - С.6.

Бог: [Поэма. Публикуется с сокр.] // Ульян. комсомолец. - 1987. - 3 окт. - С.6.

Посол с того света: Поэма // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.2.

Гусляр: Поэма // Димитровград-панорама. - 1993. - 24 июля. - С.3.

Пастушка Анюта: Поэма-сказка // имитровград-панорама. - 1994. - 25 янв. - С.7.

Беда, что нет у нас в России ума, как у великого Петра: Из поэтического дневника Евгения Ларина // Димитровград-панорама. - 1994. - 15 марта. - С.7.

Венок памяти: Поэма // имитровград-панорама. - 1995. - 2 февр. - С.6. - 4 февр. - С.5.

Листая молодость свою...: [Стихотворения: Блокнот; Волжанка] // 25 канал. - 1995. - № 6. - С.5.

Триптих: [Стихотворения] // [На снимке Е.Дохтурова и Е.Ларин] // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 окт. - С.7.

Люди, очнитесь!: [Стихотворения: Иду на вы!; Дроволомы; Партократам] / Рис. О.Тюренкова // Димитровград-панорама. - 1996. - 14 июня. - С.7.

ЛАТЫНИН В.

Роняет лес...: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

Желудь; Соловей: Миниатюры // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

ЛЕБЕДЕВ Анатолий

Божья помощь: [Стихотворение] // Димитровград-эфир. - 1996. - 4 окт. - С.8.

ЛЕБЕДЕВ Иван Павлович

Этюд: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

Конь: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.

На рассвете: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 14 марта. - С.4.

Гроза: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

Весна: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.

Дом с русской вязью; Осень: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1976. - 20 нояб. - С.3.

В зимнем лесу; На охоте: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1979. - 27 янв. - С.4.

Зимний этюд: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1987. - 25 марта. - С.3.

- Летний вечер: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1987.
- 4 апр. - С.6.
Лесная здравница: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1993. -
26 окт. - С.3.
Смутное время: Отрывок из поэмы // Димитровград-диалог. -
1994. - 26 янв. - С.3.

ЛЕСКИН Дмитрий Дмитриевич

Огненные кони: Стихи / Редактор В.Гордеев; Фото на обл.; Коротко об авт.; Послел. «Боль не остынет...» В.Гордеева, с. 36-37; Стихотворение «Памяти Дмитрия Лескина» Н.Дрыгановой, с. 37. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекесс», 1997. - 39 с., ил. (Книга сер. «Литературный Димитровград. Поэзия»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: «В реках пространства бродит кораблям...»; Березы белый свет; Огненные кони; Цветет черемуха; Россия; Простор; В сердце колокол ударил...; Тоска; «Да, будет солнце в три обхвата...»; У братской могилы; Кавалерия капелей; «Решился надо. Хоть решился трудно...»; «Ночь такая странная была...»; Не зовите, журавли; Август; Зимний сон; Первый снег; Апрельский снег; Человек; Снились поезда; Матери; Юность; Творчество (Облака); Из поэмы «Иван да Марья»; «Что-то делается с нами в час, когда ночной порой...»; Мать; Прощание; Заклинание; Гроза; Майский дождь; Шум сосен; Надежда; «Ловлю в ладони лист горящий...»; Алевтина; «Пришли долгожданные сроки...»; «Горит земля под облаками...»; «Поезда проносятся, как шквалы...»; У костра; В деревне; Баллада-монолог; Соловьиная ночь; Материнский бог; Сердце; Белый день; «Словно бы в натянутую жилу...»; «Да, есть прекрасное на свете...»; Он прав; Заводская тема; Родное; Дорога; Мороз; «Нам не впервой, братья, расставаться...»; «В синем небе мелькнула звезда...»; Друг; Посвящение.

Час прощания; Дорога; Цветет черемуха; Первый снег; Березы белый цвет: [Стихотворения] / Коротко об авт., с.138 // День волжской поэзии. 1983. Ульяновск. Пенза. Саратов. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. - С.138-141. - Тираж: 10 000 экз.

Россия: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.3.

Юность: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 18 авг. - С.4.

Огненные кони: [Стихотворение] // Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.

У памятника: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 24 апр. - С.3.

- Наследникам: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1975. - 9 мая. - С.4.
- Россия; О юности: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.
- Капели: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.
- Себ: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.
- Капели: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1978. - 25 марта. - С.4.
- А песня была не суровой...: [Стихотворения: «Когда вдохновенное слово...»; «В какой из мудрых книг...»; «Родина! Страна без края!...»] // Знамя коммунизма. - 1982. - 23 янв. - С.3.
- «Когда пустынно, одиноко...»; «Мне в детстве снились поезда...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1982. - 6 марта. - С.3.
- «Ах, как грустно и как хорошо!...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 26 авг. - С.4.
- Алевтина: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.
- Тост; «Нам не впервой, собратья, расставаться...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.
- Все повторится: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.
- О сердце: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.
- О юности: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 3 мая. - С.6.
- Решаться надо: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6.
- 1 июня: [Стихотворение] // Ульян. комсомолец. - 1987. - 30 мая. - С.1.
- Мать; Россия; Дорога: [Стихотворения] // Димитровград-диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.
- Земное притяжение; Отрывок из поэмы «Иван да Марья»; У памятника; Простор; «Пришли долгожданные сроки...»; «Горит земля под облаками...»; «Словно бы в натянутую жилу...»; Березы; Алевтина; Посвящение: [Стихотворения] / Предисл. «Характером русский, талантом - от Бога»; Портрет // День Победы. - 1995. - 19 апр. - С.3.

ЛЕЩЕНКО Лидия Гавриловна

- Мой Мелекес: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 4 сент. - С.4.

Лето красное; «Вмиг закрылись двери, ставни...»: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1981. - 4 июля. - С.3.

Наталка, которая портит картину: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1984. - 15 дек. - С.3, 4.

«И мир неповторимо стал красив...»: [Стихотворения: Черемуха; Если...; Мастерница; Ау!; Этюды; В костеле; Тебе; Чай; Подлипки] / Предисл. «Человек с изюминкой...» Е.Ларина; Фото // Димитровград-панорама. - 1996. - 20 июля. - С.10.

ЛИЛИКИН Григорий Филимонович

Ассоль: [Поэма] // Знамя труда. - 1992. - 7 марта. - С.4.

ЛИСТУНОВА Раиса

Памяти Поля Робсона: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.

ЛОГИНОВ Ал.

Березка: [Стихотворение] // Звезда (Н.Малыкла). - 1970. - 8 сент. - С.4.

ЛОГИНОВА Елена

Будет солнышко сиять...; «Моя любовь необъяснима...»; Земное чудо; За что?: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1989. - 16 февр. - С.3.

ЛОЩИЛИН Иван

Армейские будни: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 23 февр. - С.3.

Маки: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.

Старые письма: Рассказ // Знамя труда. - 1978. - 25 марта. - С.1.

МАЛЬКОВ И.

От мая до мая: [Стихотворение] // День Победы. - 1995. - 4 мая. - с.4.

МАРКИН Самсон

С Новым Годом!: [Стихотворение] / Рис. [С.Высотина] // Вестник НИИАР. - 1991. - 23-29 дек. - С.1.

Разговор с подругой, лежа в ванне в День энергетика: (Работникам ТЭЦ НИИАРа посвящается) / От ред.: По просьбе автора

публикуется портрет его подруги // Вестник НИИАР. - 1993. - 31 дек. - С.4.

МАСЛЕННИКОВ В.

Родник; Награда: [Стихотворения] // Звезда. - 1970. - 8 сент. - С.4.

МАТЛИНА, Светлана Ивановна

Стансы: Цикл стихов: [Церковка в Кяхах; Дом творчества в Переделкино; Пастернаковский жасмин; В лето Господне...; Стансы] / Фото; Рис. // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.18-22.

МАХИНА Ирина

«Как велика невинная рука...»; «Ходит чудо по этажам...»; «Здравствуй, здравствуй! И вот, как всегда, мы прощаемся снова...»: [Стихотворения] / Фото и коротко об авт. // Знамя труда. - 1991. - 30 янв. - С.3.

«Глупые дождинки тычутся в окно...»; «Раннее утро. Зима...»; «Спокойной ночи... Откину иторы...»: [Стихотворения] // Знамя труда. - 1991. - 10 апр. - С.4.

МАШТАКОВ Юрий

Солдат мира: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1977. - 22 февр. - С.2.

Помню девушку: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1977. - 19 марта. - С.3.

Слово избирателя: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979. - 28 февр. - С.4.

Дорога к счастью: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979. - 3 нояб. - С.4.

«Отчизну нашу не окинешь взглядом...»: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1979. - 7 нояб. - С.2.

МЕДНОНОГОВА Светлана

А завтра наступило сегодня: Легенда о Вселенной / Рис. И.Ахмедовой; Краткое предисл. // Димитровград-панорама. - 1995. - 4 нояб. - С.4-5.

Из «Запоздалых осенне-зимних грез»: [Стихотворения: «Почему так БОЛЬ-но?...»; «Утро... Осень...»; «На снегу...»; «Идет Дождь...»; «Блудный МАЙ...»; «Наши шаги...»; «На губах Земли...»; «ХОЛОД-ные пальцы...»; «Свою слезу...»; «После нас...»; «В волне...»; «Праздник? Где ты?...»; «На улице Поцелуев...»; «Раздался звонок...»;

«Иду, окутанный туманом...»; «Проснемся когда...»; «Я осторожно на цыпочках...»; «Я не могу сказать...»; «Трижды свернулся...»; «Твои руки - постель...»; «Прижаться к твоим рукам...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 13 июля. - С.10.

МЕЛЕКЕССКИЙ-ПОСАДОВ Клим (См. Гордеев Валерий Леонидович)

МИХАЙЛОВ Евгений (ОСИПОВ, Евгений Васильевич)

Ромашка; Вечер; Закат: [Стихотворения] // Знамя труда. - 1991. - 5 сент. - С.4.

Бабье лето; Октябрь; Ноябрь; Душа; Звезда; «Закружилась голова у парня...»: [Стихотворения] // Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 12-13.

Мир наполнился звоном капели; Песня; Женщине: [Стихотворения] // Вестник НИИАР. - 1992. - 2-8 марта. - С.7.

Война оставила в наследство...; Война, которой преградили путь; Вот солдаты идут: [Стихотворения] // Димитровград-диалог. - 1993. - 18 июня. - С.2.

«Когда остынет поле брани...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1995. - 15 июня. - С.14.

«Желанный миг чудесных встреч...»: [Стихотворения: Весна красна; Умру от модницы; Я ослеплен; Картинки мая] / Илл. // Димитровград-панорама. - 1996. - 1 июня. - С.5.

МОИСЕЕВ Александр

«О чем задумалась, сядя деревушка...»; «Я брожу, «шалаша» бездомный...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 17 дек. - С.11.

МОИСЕЕВ Б.М.

Я уже жил...: [Стихотворение: Стираль] / Краткое предисл. авт. // Автостроитель. - 1991. - 27 дек. - С.4.

МОЛЕВ Сергей Викторович

Друзьям; «Не гонюсь за тем, что с виду броско...»; Следы; О слабой душе; Кредо; «Мой каждый шаг...»: [Стихотворения] // Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 8-9.

Этот август; На картофеле: [Стихотворения] // Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.

«Я с тобой знаком так долго...»; «Деревья со звездами дружат...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 марта. - С.6.

«Черемшан». 2-3. 1998г.

Обывательское; Творческое; «Попробуйте понять мои мысли...»; «Уединившись в доме нашем...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 18 апр. - С.6.

МОНИН Виктор

По всем материкам: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 25 сент. - С.3.

Мы - семья одна: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 15 дек. - С.4.

МУЛЯРЧИК Яков Яковлевич

Первокласснику: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 31 авг. - С.1.

Серп: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 7 нояб. - С.3.

Первопутки: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1966. - 30 дек. - С.4.

Знамя коммунаров: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 28 марта. - С.4.

Желание: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.

Спасибо, румяное лето: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1975. - 25 сент. - С.4.

Партия; Памяти Ольги Берггольц: [Стихотворения] // Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

Труд; Двадцатые годы...: [Стихотворения] // Димитровград-диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.

МУХАМЕТЗЯНОВ Дмитрий

«Мелодия любви моей»: [Стихотворения: «Зацелована мною, заласкана...»; «Побудь со мною, заклинаю...»; «Встречай меня улыбкою своей...»; «В твоих глазах печаль осенних улиц...»; «Другая мне падала птицей на грудь...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 июля. - С.10.

«Вот и мне сегодня нет покоя...»: [Стихотворения: «Дома, деревья, люди, дождь...»; «Это странно и просто нелепо...»; «Вот и мне сегодня нет покоя...»; «У ваших ног король степей и гений...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. С.5.

НЕИЗВЕСТНЫХ Ирина

Первый снег: [Стихотворение] // Димитровград-диалог. - 1994. - 21 окт. - С.1.

НИКИТИН Илья Ильич

Садик: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 9 янв.
- С.4.

«Мой брат тихоня с виду...»; «Мне шепчет с ветки груша...»;
«Одна не съест конфету...»; «Когда есть с кем дружить...»; «Когда
нет дома деда...»; Мальши и Луна: [Стихи для детей] //Знамя
коммунизма. - 1966. - 11 марта. - С.4.

Учитель; Слово; Вопрос: [Стихотворения] //Димитровград-
диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.

НИКОЛАЕВ-ЗАВОЛЖСКИЙ Ф. (см. Фалалеев Николай)

НИКОНОВ Александр Федорович

Пахомова неделя: Волшебные сказки. Авт. вариант / Редактор
В.Гордеев; Фото и коротко об авт., 4 с. обл. - Димитровград:
«Пойнт» - «Посад Мелекес», 1997. - 29 с., ил. - (Книга сер.
«Литературный Димитровград. Проза»). - Тираж 5 000 экз. -
Содерж.: Иваново богатство; Храбрый боровик; Пять братьев;
Два зайчика; Чурбачок; Три истины; Третье слово; Как солдат в
раю побывал; Пахомова неделя.

Колодезники: [Рассказ] / Рис. Н.Михиной; Фото // Воложка:
Повести, рассказы, стихотворения молодых писателей
Поволжья. - Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. - С. 250-266.

Буянушка: Рассказ; Колодезники: Рассказ. // Карамзинский сад:
Лит.-худож. альманах. Вып. 1. - Ульяновск: Обл. писательская
организация, 1991. - С.14-21, 21-34.

Три истины; Пять братьев; Два зайчика: [Сказки] / Рис.
М.Шретер // Теремок сказок. - Саратов: Изд-во «Детская книга»,
1992. - С.355-

Все сегодня голубое: [Стихотворение] // Сигнал. - 1970. -
14 июля. - С.2.

Подушка: Рассказ // За коммунистический труд (Ульяновск,
УАЗ). - 1971. - 5 нояб. - С.4.

Письма от деда: Рассказ // За коммунистический труд
(Ульяновск, УАЗ). - 1972. - 9 июня. - С.4. - 14 июня. - С.4.

Леонидово поле: Рассказ // За коммунистический труд
(Ульяновск, УАЗ). - 1972. - 6 окт. - С.4. - 11 окт. - С.4.

Золова свирель: Миниатюра // Знамя труда. - 1973. - 25 янв.
- С.4.

Красная свадьба: [В рубрике «Первый рассказ нашего
читателя»] // Знамя труда. - 1973. - 18 авг. - С.4. - 21 авг. -
С.4.

Часы: Рассказ // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

- **Красная свадьба:** Рассказ // Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.
- В старом амбаре:** Рассказ // Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.
- Наказание; Упрямыц:** [Миниатюры] // Знамя труда. - 1974. - 14 марта. - С.4.
- Леонидово поле:** Рассказ // Знамя труда. - 1974. - 28 марта. - С.4.
- Ванюшка:** Рассказ // Знамя труда. - 1974. - 1 июня. - С.2.
- Буянушка:** Рассказ // Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4. - 17 сент. - С.4.
- Зайчик:** Сказка // Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.
- Храбрый боровик:** Сказка // Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.4. - Под псевд.: Александров Н.
- Три истины:** Сказка // Строитель (Димитровград, ДУС). - 1980. - 5 марта. - С.3. - 12 марта. - С.4.
- Три истины:** Сказка // Знамя труда. - 1982. - 9 февр. - С.3.
- В старом амбаре:** Рассказ // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6.
- Полотенце:** Рассказ / Рис. // Ульян. правда. - 1986. - 30 июля. - С.3. - Ошибочно указан автор В.Никонов.
- Побег:** Повесть. Журн. вариант / Фото; Рис. // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.23-40.

НОВИКОВ Владимир

Христос воскрес!; Кони: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.4.

НОВОСЕЛОВА Елена Андреевна

«Как двести лет назад, так и сейчас...»: [Стихотворение] / /К доске! - 1992. - 9 янв. - С.3.

Желаемое и возможное; Контрольная работа; Химия: [Стихотворения] / Рис. Н.Захарова //К доске! - 1992. - 12 марта. - С.2.

Взлетают промокашки к потолку...: [Стихотворения: Вульгарный материализм и немного влюбленности; Желаемое и возможное; Химия; Контрольная работа; Астрономия после каникул; Влюбленность; «Товарищи, влюбляться вредно!»; Депешман; Ода сочинительству] // Димитровград-панорама. - 1994. - 1 окт. - С.5.

«Увеличилась парусность неба...»: (Из цикла «Странники и боги»): [Стихотворения: «Солнце оседлали, как коня...»; Закат

(Экспериментальные четверостишия); Ночь перед наступлением весны (Экзотические четверостишия); Агни II; Звезды! (Упрощенная секстина); «Увеличилась парусность неба...»] /Краткое предисл.; Рис. авт. //Димитровград-панорама. - 1994. - 26 нояб. - С.13.

«Я не в силах понять ничего...»; Одиноким корабль; Письмо; Звезда ЕГО; «Свой почерк, кривой и корявый...»: [Стихотворения] /Рис. авт. //Димитровград-панорама. - 1994. - 17 дек. - С.11.

Музыка айнулов; Видение; Последний корабль: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1995. - 5 янв. - С.6.

Мой мир: [Стихотворения из цикла «Странники и боги»: Песня Куанара; Серебряный лес; Всадница; Жертвенная песня; Песня Байретты (Печальная песня); Байретта] /Предисл. и рис. авт. //Димитровград-панорама. - 1995. - 14 марта. - С.6.

Садюшки: [Ода на постройку дачного домика; Рассказка N 2; «Не моргают глаза твои, Митя...»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5. - Подпись: Три мудреца в одном тазу.

Странники и боги: [Стихотворения: Странники и боги; Странники; Звездные братья; «Вечность жизни человеческой...»; «Странствуя в замках высоких...»; «В моем языческом храме...»; «Я не поэт, я трубач рассвета...»; «Волнующий, светлый, юный...»; «Миллиарды лет тишины и покоя...»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 15 июня. - С.14.

Постцветаевское: [Стихотворения: «Гнев мой, смех мой или страсть...»; «Дева-Птица...»; «...Для нее крапива...»] /Портр. //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 окт. - С.6.

«След мой остался в лесу берендеевом...»: [Стихотворения: «Светлые дни, ненормально прекрасные...»; «Там, где песни властно громки...»; Мера дней; «Избежать любви невозможно...»; «Ах, как золото, падают листья под ветром!»; «Не гнездятся мысли...»; Рубай; «По моему велению...»; Мастеру и Маргарите (О вас и о себе)] /Фото [В.Зиновьева] //Димитровград-панорама. - 1995. - 26 окт. - С.7.

«Вот - приходится жить взаправду...»: [Стихотворения: Диалог внутренних «я»; «Ну и что же, что не привыкла я...»; Японские формы; Повелительница; «Я тень на лице мира...»; «Погибая, умирая...»; Заклинание] //Димитровград-панорама. - 1996. - 21 марта. - С.7.

Оруженосец (Маленький рыцарь): [Стихотворения: Начало сказки; Оруженосец; Легенда; Постоялый двор] //Димитровград-панорама. - 1996. - 11 апр. - С.7.

Соперница Бэнии: [Стихотворения: «Если сердце гложет ужас...»; «А я - как тень...»; Заклинание бога начертаний; Бэнии [«Рассказывай мне, вестник смерти, Бэнии...»; «Тишина, темнота, пустота...»; «Я прекрасней всех твоих женщин...»] / Фото и кратко об авт., с.58 //Черемшан. - 1998. - Пробный номер.' - С.58-61.

Окончание следует.

НАШИ АВТОРЫ:

❑ **ЛЕБЕДЕВ Иван Павлович** - член литературного объединения «Черемшан». Родился в селе Бригадировка Мелекесского района в 1945 году. После окончания института 15 лет работал зоотехником на селе. Более десяти лет был инженером-зоологом на ДААЗе, где и по сей день функционируют ландшафтные и живые уголки флоры и фауны, совмещенные с индустриальным производством.

Лебедев пишет стихи и прозу, занимается краеведением. Писать начал рано, и первое стихотворение его было напечатано в газете уже в шестнадцать лет. Своим первым учителем на поэтической стезе Иван считает члена СП России Евг. Ларина. Публикация его маленькой поэмы в «Черемшане» - первый серьезный опыт в большой литературе.

❑ **КОРОБКОВ Василий Владимирович** - 1949 года рождения. Его отчий дом находится в селе Виноградово Воскресенского района Московской области. Творческая и жизненная биография Коробкова насыщена событиями так, что их хватило бы не на одного человека. В своей повести «Крик над болотом», изданной в Димитровграде, он описывает жизнь заключенных советских лагерей, которую на собственной шкуре (и не раз) испытал писатель.

С Мелекессом - Димитровградом Василия связывают крепкие, кровные узы. Долгое время он был членом литобъединения «Черемшан», жил и работал в нашем городе, представлял местные литературные таланты на областных семинарах. До недавнего времени его «семейное поместье» в Нижней Якушке было любимым местом отдыха и работы.

Коробков - автор книг «Под веселым градусом» и «Краюха черного хлеба» (Ульяновск). Участник Димитровградского зонального семинара литераторов. Член Союза писателей России. Ныне живет в селе Языково и является хранителем Пушкинских мест.

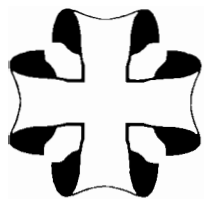
❑ **ГАРИПОВ Абдулла Касимович** - 1916 года рождения. Фронтовик. Работник органов госбезопасности. Один из руководителей городского литобъединения «Черемшан». Прозаик. Автор публикаций в альманахе «Литературный Киргизстан» и журнале «Пограничник», книг «Ильмень-озеро», «На всю твою жизнь» (г.Саратов), повести «Возвращение». Член СП России. Живет и работает в Димитровграде.

■ БЕЛИКОВА (БЕСПАЛЬКО) Ирина Ивановна - родилась в деревне. Отец - математик, погиб на войне. Мать и отчим - учителя. Известная учительская династия Мелекесса. Ирина после окончания Казанского университета три года работала в сельской школе. Потом преподавала физику в Мелекесском пединституте. Закончила аспирантуру при Ленинградском университете. Ныне - доцент института (г.Шадринск).

Как поэтесса Беликова хорошо известна в литературных кругах города Казани. Член литобъединения «Черемшан». Участник областных литсеминаров в Ульяновске. Ее творчество всегда высоко оценивалось профессиональной критикой. Публикации Ирины в журнале «Волга», многих изданиях Ленинграда всегда вызывали повышенный читательский интерес. Автор книг «О хлебе чудесном», «Горошина» (сборник «Девять встреч», Приволжского книжного издательства). Живет в Курганской области, часто приезжает в Димитровград к родне.

■ СЛЮНЯЕВ Сергей Валентинович - родился в 1962 году в г.Хабаровске. Хотя его родители коренные волжане, но военная профессия отца заставила семью много ездить по стране. Жили в Приморье, на Урале. Сергей после окончания Челябинского государственного института культуры вернулся на родину родителей. Работал по специальности - библиографом в центральной районной библиотеке Новой Малыклы, директором районной библиотечной системы, в Мелекесской центральной районной библиотеке. Не смотря на то, что судьба надолго свела его с профессиональной журналистикой (редакции газет «Знамя труда» и «Димитровград-панорама»), до сих пор он считает себя профессиональным библиографом. Ведет литературную страницу в городской газете и занятия литобъединения «Черемшан». Будущая книга «Мелекесская литература» - это первый объемный в истории города труд по воссозданию библиографии и истории местной литературы за два века.

Член димитровградского писательского отделения.

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ
1998

*Литературно-художественный
и краеведческий журнал*